

**В городе
сегодня
ветрено**

Наталия Романова

- - [В городе сегодня ветрено](#)
-

Аннотация к книге "В городе сегодня ветрено"

Брак Игоря давно стал формальностью. Он жил ради дочерей, уже не веря, что когда-нибудь будет счастлив, пока не встретил её.

Лера, независимая молодая красавица-идеалистка, ворвалась в его жизнь и перевернула её, заставив вновь поверить в возможность быть счастливым.

В городе сегодня ветрено

Романова Наталия

Пролог

– Прошу прощения за опоздание. – Игорь улыбнулся, опалил взглядом, Лера бы наверняка смутилась, но забыла, как это происходит. Стояла, держа в руках букет, и глазела на мужчину, бесцеремонно пригласившего себя в её дом.

– Проходи, – запоздало пискнула, только сообразив, что пижама на ней весьма формально прикрывает все её девичьи прелести. Она почему-то указала на комнату, прямо на расправленную кровать.

– Оу... – он изогнул бровь. – Признаюсь, рассчитывал на продолжение вечера.

– Это вовсе не то, не так, то есть...

– Лера, – она застыла, глядя на мужчину. Пришлось немного задрать голову, обычно она разговаривала с представителями мужского пола глаза в глаза, а Игорь был ненамного, но выше. – Ничего не будет, если ты скажешь «нет». Мы можем вежливо поговорить, поесть... чем это так умопомрачительно пахнет?

– Шоколадные кексы.

– Сама пекла?

– Да.

– Обалдеть! Мы можем вежливо поговорить, а можем не слишком вежливо переспать.

Что ты выбираешь?

– Обалдеть!

– Переспать?

Боже, помоги ей сказать: «Нет»!!! Зачем ей это нужно? То есть нужно, очень даже нужно... Но абсолютно точно не нужно.

– Да.

Прости, папа, Лера старалась быть хорошей девочкой. Продержалась до двадцати двух лет, чтобы лишиться девственности на съёмной квартире с первым встречным. Прав папа, всё потому, что пороть её некому, а ему некогда.

Глава 1

После прохлады скоростного Сапсана из Москвы, воздух Питерского лета показался тяжёлым, удушливым, жарким и одновременно влажным. Хотя, какое лето? Тридцатое августа, пора дождей, без нескольких дней золотая осень, а природа как с ума сошла. Жара с начала августа, против привычных в это время года дождей и северо-западного ветра.

Игорь спешно прошёл по перрону Московского вокзала, радуясь, что одет в лёгкие джинсы, поло и кроссовки, деловой костюм оставил в съёмной квартире в Туле, как и обувь. Открытие филиала производства затянулось, очередной раз переносили сроки, не критично, вопросы решаемые. В основном упирались в бюрократическую машину и связанные с этим издержки. В итоге, промотавшись два месяца между городами, проведя половину из них в Туле, в гостинице, он снял квартиру. В новостройке, вполне приличную, по местным меркам. Одному хватало за глаза и за уши. Тем паче, ближайшая поездка планировалась не раньше, чем через месяц, пока справится исполнительный директор, благо вышел из отпуска.

Шестой час вечера – не лучшее время для автомобильного трафика в пятницу. Игорь не

стал звонить водителю, как и вызывать такси. Нырнул в метро и выскочил через пару станций на Сенной. Совсем немного пройти, и он окажется в районе своего детства.

Коломна. Непрестижный, старый район Петербурга, любимый Игорем особенной, щемящей любовью. Невысокие домишки, неширокие и нешумные улицы, дворы-колодцы. Жизнь мегаполиса огибала стороной этот район, оставшийся в стороне от то тут, то там возведённых торговых моллов прямо в центре города, среди домов, помнящих Екатерину Великую и восстание декабристов, с удивлением поглядывающих на новых, монстроподобных соседей.

Двусторонняя квартира с окнами во двор колодец и на бульвар по документам принадлежала матери – единственной наследнице родителей. Дед умер рано, Игорь помнил его лишь по детству – как тот брал внука в охотничьи угодья, на рыбалку. Бабушка продержалась дольше. Упрямая и своенравная старушка не хотела покидать насиженного места – две комнаты из четырёх в коммунальной квартире, чем нервировала тогда ещё совсем сопливого Игоря. В итоге, совместными усилиями с матерью, они выкупили третью комнату, а четвёртую купил уже сам Игорь, начавший в ту пору зарабатывать достаточно, чтобы обеспечить бабушке достойную старость.

Сейчас он был благодарен бабуле за проявленное упрямство. Квартира оставалась в почти неизменном виде все эти годы, всё, что сделал Игорь – небольшой косметический ремонт. Она стала оплотом спокойствия, постоянства для него. Мать же жила в собственной двушке, в «корабле», а летом пропадала на даче. Она бы и зимой там жила, дом тёплый, уютный, значительно комфортней сомнительных удобств, заложенных советскими архитекторами в типовую девятиэтажку, но всё упиралось в общественный транспорт. Водить машину она так и не начала. Помощь сына в виде постоянного водителя, более удобной квартиры или, наконец, дачи в пределах транспортной доступности – не принимала. Яблоко от яблони, что сказать.

Мать помогала. В череде бесконечно скачущих дней, хаотичного рабочего графика, проблем, от которых порой виделся единственный выход – вздёрнуться на фонарном столбе, она была едва ли не единственной константой в жизни его дочерей. Няни приходили и уходили, сам Игорь то был в городе, то отсутствовал месяц кряду, как сейчас, а мать дочерей... Да какая она к чёрту мать?!

Неприятный холодок пробежал по спине, как бывало каждый раз, когда Игорь думал об Алёне. А ведь когда-то он её любил. Абсолютно точно любил, сходил с ума. Куда всё делось?.. Да и какая разница, куда? Ещё бы сама жёнушка отправилась к тем же лешим – счастьем Игоря не было бы предела.

Он откинулся на спинку старого дивана, пробежался взглядом по доисторическому серванту с посудой и фарфоровыми статуэтками Ломоносовского завода. Нужно, нужно сделать ремонт, но что-то важное пропадёт в его жизни, если он выбросит этот «хлам» на помойку, где, в общем-то, ему и место. Посидит часов до восьми, переждёт, и на БМВ, оставленном под окнами, на законном парковочном месте, рванёт домой, надеясь попасть в хвост пробок.

– Да, – он ответил на телефон, приоткрыв один глаз.

– Доехал? – осведомился командный голос матери.

– Угу, – промычал нечленораздельно в ответ. Они разговаривали около четырёх часов назад, тогда Игорь стоял на перроне Ленинградского вокзала в Москве.

– А позвонить, сказать матери?

– Извини. Доехал. Всё отлично. Через пару часов буду дома.

– А сейчас ты где?

– В Коломне.

– Ясно, такой же сентиментальный, как дед.

– Не хочу торчать в пробках, выеду сейчас или через два часа – результат будет один и тот же, – на том конце фыркнули, соглашаясь, послышался какой-то шум.

– Погоди? А что это?

– Что?

– Что на заднем фоне? Вы на вокзале?

– Я на вокзале. У меня путёвка в санаторий, ты отлично знаешь.

– Мы договорились, ты ночуешь у меня, утром я отвожу тебя в санаторий, – тот факт, что в санатории не проводится никакого лечения, кроме чистого воздуха, которого с лихвой хватает и на даче, и вокруг частного дома Игоря в пригороде, он не озвучил. Бесплезно спорить с упрямой, как осёл женщиной.

– Вот ещё! – «вот ещё», так «вот ещё».

– Девочки с кем?

– С Надеждой Семёновной.

– Отлично. Спасибо, что сказала.

– Удивительно, что спросил. Жду вас в воскресенье, – отрезала мать и положила трубку.

По её мнению, естественно, единственно верному, Игорь абсолютно не занимался детьми, делегировав обязанности на череду нянек. В её словах была доля истины, только как обеспечить детям безбедное будущее, позаботиться о старости матери, руководить успешным бизнесом и из года в год получать звание «отец года» одновременно?

Он тут же набрал номер Надежды Семёновны. Женщина пришла к ним по рекомендации, проработала несколько месяцев, девочки были довольны новым человеком в их жизни, Игоря тем более всё устраивало. Профессиональна, в меру любопытна, исполнительная. Телефон ответил вальсом Свиридова, а после механическим голосом: «Телефон абонента выключен или находится вне действия сети».

Девочки тоже не ответили, что не удивительно, телефоны обеим понадобились для вида, наигравшись в первую неделю, они забросили их, вернувшись к айпадам. Телефонами пользовались строго по назначению – позвонить подружкам, папе, бабушке или прислать архиважную, по шестилетнему разумению, фотографию. Оставалась Алёна – она ожидаемо не взяла трубку.

Это могло быть совпадением, недоразумением, которое раскроется, не успеет Игорь вывернуть на набережную Фонтанки, а то и выехать со двора, но его уже изрядно колбасило. Руки подёргивались, пальцы отмеряли нервную барабанную дробь по рулю.

Через час он был готов взорвать стоявшее шоссе к любой из известных матерей, а через два вызывать наряд полиции. Надежда Семёновна оставалась вне зоны, девочки телефоны не брали, а Алёна несколько раз скинула звонок. Только это и успокаивало, как минимум – дом не сгорел. Через три часа припарковался возле забора и заскочил в приоткрытую калитку заднего хода, так на долю секунды быстрее.

Глава 2

Газон с сочно зелёной зеленью, какие-то цветы вдоль дорожек, Игорь особенно не вникал в ландшафтный дизайн возле дома. Что сказали «хорошо», то и отлично. Благо фирма

не подводила, пространство выглядело пристойно, было поделено на функциональные зоны и радовало глаз.

Бассейн на улице пуст, валяются маленькие сланцы, куклы, мячи, на садовых качелях бережно укутанный в полотенце плюшевый заяц – любимец Лины. Какая-то одуряющая тишина. Пугающая, пробирающая до печёнок. Как в жутком хорроре.

Игорь рванул дверь в дом, полукруглый холл с разбегающимся рисунком кафеля встретил той же звенящей тишиной. Он почувствовал лёгкое удушье и головокружение, автоматически набрал несколько номеров – отозвался один, Лиса бросила телефон на обеденном столе, рядом со своей кружкой – с изображением лисы и оранжевым ободком.

Первый этаж пуст: столовая, гостиная, бильярдная, несколько гостевых комнат, он даже заглянул в банную зону с хамамом, сауной, купелью и небольшим бассейном. Влетел на второй, держа палец наготове для вызова экстренных служб. Любых. В любом, мать их, количестве. Спальня, комната для гостей, вторая, комната Алёны... наконец, кабинет. Игорь распахнул дверь и мгновенно выцепил глазами живое существо.

Живое и пьяное существо. В чёрном неглиже. В другое время, на другой женщине, при любых других обстоятельствах, оно произвело бы на него впечатление: и бюстье, подчёркивающее пышную грудь, и полупрозрачный треугольник, демонстрирующий гладкий лобок, и кружевная резинка чулок, и высокий каблук туфель с заострённым носком, и даже чокер на шее.

– Девочки где? – вместо приветствия кинул он жене.

Та встряхнула пышными, иссиня-чёрными волосами и облизала губы:

– Гуляют.

– Что значит «гуляют», где Надежда Семёновна?

– Я её отпустила, сразу после того, как уехала твоя психованная мамаша.

– Какого хрена ты отпускаешь няню моих детей? Кто тебе давал такие полномочия?

– Я хозяйка в этом доме!

– Сказал бы я, где ты хозяйка. Девочки где? Где Лина и Лиса? – заорал он, не выдержав.

– Ушли гулять, говорю же, – Алёна сжала груди, прогнулась, демонстрируя неплохую фигуру. Отличную, учитывая образ жизни, рождение двойняшек и возраст – всего на год младше тридцатипятилетнего Игоря. Только самому Игорю прямо сейчас не было дела ни до её прелестей, ни до чьи-то ещё.

– Куда они могли уйти гулять

– На озеро, – она пожала плечами. – Зато у нас есть время на двоих. Только ты и я, вдвоём. Ты совсем не уделяешь мне внимания, – призывно облизала губы, сделала два шага вперёд, и уставилась на мужа, пытаясь забраться ему под футболку. Его передёрнуло от запаха алкоголя.

Она сошла с ума? Окончательно поехала крыша от алкоголя? Ушли гулять на озеро?

Озеро раскинулось в посёлке, где был загородный дом Игоря. Большой песчаный пляж приманивал не только местных, но и жителей окрестностей, горожан, спешащих насладиться на удивление затянувшимся летом. Между озером и жилыми домами постоянно сновали машины, разворачивались в поисках удачного места для шашлыков и тёплой компании. Подальше устраивались рыбаки, а ближе к задней калитке дома Игоря – пляж с отдыхающими.

Не самое удачное расположение дома, но менять ничего Игорь не собирался. Земля

баснословно дорогая, дом отстроен на зависть хорошо, если без пробок – не больше часа от порога до работы. Весь летний сезон можно спокойно жить за городом, детям дышать свежим воздухом, а ему везде успевать. Да и домашнему персоналу удобно добираться – электричка отдельное подспорье.

Рядом пляж или нет – это не место для шестилеток без сопровождения взрослых. Не считая опасности от самой воды, а при должном невезении утонуть может и взрослый человек в стоячей воде, есть ещё автомобильная дорога, пьяные компании и любопытный шестилетний мозг, от которого не знаешь, что ожидать.

Игорь рванул вниз, уже в дверях, краем уха, слушая проклятья жены:

– Только о девках своих думаешь! Тебе нет до меня никакого дела!

И если бы речь шла о других женщинах, Игорь бы, возможно, почувствовал укол совести, неуютное чувство жалости или раскаяния. «Девки» – это их шестилетние дочери, плод любви некогда счастливой семейной жизни.

– Чтоб ты провалился! Ты, девки и все твои бабы, разбившие мне жизнь! – неслись вслед привычные проклятья. – Я всего лишь хотела провести с тобой ночь!

Да, дорогая моя, похоже, ночь мы проведём вместе, но совсем не так, как ты представляла в своём атрофированном от алкоголя мозгу.

Игорь не успел подбежать к калитке, как она распахнулась, и на него ураганчиком налетели дочки. Перемазанные мордашки счастливо улыбались, глазёнки сияли. Сердце пропустило удар, в носу запершило, только в этот момент пришлое полное осознание того, что случилось и что не произошло.

– Папа, это Лера! – завизжала Лина, потянув за собой девушку, затаскивая во двор. Игорь автоматически закрыл калитку и только тогда посмотрел на некую Леру.

– Она привела нас домой, – выдала очевидное Лиса. – Мы гуляли, а она привела!

Всыпать бы этой восторженной крохе! Игорь стиснул зубы, сдерживая рвущиеся наружу крепкие словечки.

– Кто вас отпустил гулять? – он строго посмотрел на дочек.

– Мама, – хором ответили двойняшки.

– В следующий раз спрашивайте меня или бабушку, – что ответишь? Что «мама» пропила последние мозги, и из чувств осталось одно единственное – жажда нажраться к вечеру, а к ночи уйти в штопор?

– Мы взрослые! – парировали хором сёстры. – У бабушки сами ходим к Фёдору.

Фёдор – соседский енот, ни больше и ни меньше – енот. Бедолагу купили для трёхлетнего сына дети соседки, после того, как енот подрос, разгромил половину квартиры и поцарапал ребёнка (наверняка, было за что, но вины с животины это не снимает), его привезли на постоянное место жительства к матери, проживающей круглый год в частном доме в дачном посёлке. Фёдору выделили вольер рядом с крольчатником и выпускали порезвиться на лужайку перед домом. Лиса с Линой нашли в еноте друга и единомышленника. Несколько раз безуспешно пытались уговорить отца забрать Федю к ним.

Соседка жила рядом, от калитки до калитки – четыре шага, лужайка отлично видна из окон дома матери, а посёлок стоит в отдалении от трасс и массового скопления людей. Встретить там чужака чуду подобно. Так что сравнить «самостоятельный» поход к Фёдору и прогулку к озеру, это даже не жопу с пальцем равнять. Игорь воздержался от пространных разъяснений.

– Обсудим позднее, – воспитательную беседу перенёс на вечер, перед сном поговорит.
– Я пойду? – обратила на себя внимание гостя.

Игорь ещё раз посмотрел на девушку, на этот раз пристально. На вид лет двадцать, вряд ли больше двадцати пяти. Высокая, худощавая, русые волосы по плечи завиты крупными локонами. Необычно видеть такую причёску у молодой девчонки. Неужели свои кудри? Неординарная внешность. Яркой не назвать, скорее запоминающаяся. Была бы даже экзотической, не будь обычно русоволосой.

– Прошу прощения, – спохватился Игорь. – Благодарю вас, Лера, – он едва вспомнил имя. Лера же, не Лена? – Примите мою искреннюю благодарность. Может быть, я что-то могу для вас сделать?

– Нет, нет, спасибо, я пойду.

– Да, да, конечно, не смею задерживать, – почти отзеркалил он фразу. – Благодарю!

– Ну что вы, – Лера улыбнулась. Улыбка была у неё задорная, совсем девчачья. – Просто увидела девочек... Они не похожи на детей, которых отпускают одних в пять лет.

– Шесть! – раздалось возмущённое снизу.

– Шесть, – поправилась Лера. – Приятно было... я пойду? – и тут же выскользнула в калитку, быстро разобравшись с замком.

Игорь сдержался от ругани, первый момент шока прошёл, теперь только обстоятельная беседа, разбор полётов. В том числе собственных косяков. Начинать надо с себя, а не с жажды самостоятельности шестилетками. Они не обязаны думать за взрослых, на это есть отец – ему и делать выводы.

– Поиграете? – он показал глазами на игровой городок: качели, несколько горок, «домик на дереве» и гимнастический комплекс по возрасту.

Нужно разобраться с Алёной. Желательно прикопать где-нибудь под грушей – подумалось со злости. От мысли, что девочки могут стать свидетелями безобразной сцены, а вряд ли удастся поговорить тихо-мирно, становилось не по себе. Игорь обошёл участок, проверил, что оба входа закрыты, ворота тоже, ещё раз повторил, чтобы дети даже не думали уходить за пределы участка. Для пущей остротки пригрозил ремнём, показав широкий кусок добротной натуральной кожи на собственном поясе с впечатляющей пряжкой, стараясь не рассмеяться, смотря, как хватаются за попки сестры и дают стрекача в сторону игровой зоны. Можно подумать, он бил их или хотя бы один раз повысил голос.

Алёну долго искать не пришлось. Сидела в своей комнате, на краю кровати, закинув ногу на ногу, и попивала красное вино. Расковыривала фисташки длинными, алыми ногтями, бросая скорлупки на пол. Девяти вечера нет, а уже начала. Не иначе «стресс» от отказа мужа запивает.

– Ненавижу их, – прошипела Алёна.

– Они твои дочери, – устало проговорил Игорь, смотря сверху вниз на сидящую.

– Они отняли тебя у меня.

– Алёна, ты говоришь о своих детях.

– Это твои дети, не мои, – фыркнула жена, ловко потянулась за край кровати, юркнула вниз рукой и достала бутылку. Одну не допила, вторую начинает. – Игорь, давай отправим их в интернат, – умоляюще проныла она. – Я всё узнала, в Швейцарии отличные интернаты, хорошее образование. Вырастут, спасибо скажут. Мы начнём всё заново, будто ничего и не было.

– Пей, – провернул он штопор в бутылке, подумав, открыл ещё одну. Накачается, будет

не видно, не слышно. Ночью решил вызвать врачей, а потом отправить в клинику. Очередную. Безрезультатно.

Надо разводиться... Ставить точку. Но что-то всё время мешало, и вряд ли это любовь, остатки привязанности, скорее тупое, безосновательное чувство долга. Он обещал тестю перед его смертью присмотреть за ней... Молодой ещё мужик не выдержал выкрутасов дочери – обширный инсульт, три дня в реанимации, смерть.

– Ты придёшь ко мне ночью? – пьяно-игриво ответила Алёна.

– Обязательно.

– Я скучаю, – капризно растянутые губы видимо служили подтверждением её словам.

– Я тоже, Алён, я тоже.

Он даже не врал. Иногда, всё реже и реже, Игорь скучал по своей жене. По той девушке, которую встретил на выставке мебели в ЛенЭкспо. Она – дочь предпринимателя с именем. Он – только-только делающий первые шаги в мире бизнеса. Между ними прострелило как-то сразу, окружающим казалось – поспешно. Но это окружающим, сам Игорь был уверен в своём решении. В двадцать три года он стал молодым мужем.

Несколько лет почти безоблачного счастья. Память щадит, сглаживает углы и конфликты, успокаивает совесть, говоря, что он не мог предугадать дальнейшее развитие событий.

Мог ли? Мог? Любая женщина рано или поздно задумывается о материнстве, пришло время Алёны. Игорь не хотел, считал – рано, но если хочет жена – почему нет. Не было никаких объективных причин отказываться, субъективное нежелание ответственности, желание пожить ещё немного «для себя» – было, что греха таить. Объективно же был почти достроен дом, куплена просторная квартира, да и отец Алёны не оставался в стороне – ввёл в свой бизнес, помог со своим делом – мебельным производством, постепенно занимающим лидирующие позиции на рынке.

Они отказались от контрацепции и честно пытались полгода забеременеть. С каждым месяцем Алёна становилась всё более нервной, устраивала скандалы на пустом месте, плакала ночами, была даже постановочная попытка суицида, испугавшая до полусмерти Игоря и её отца. Вдруг следующая постановка будет удачной? С костлявой не шутят.

Игорь взял жену за руку и пошёл к репродуктологу. Довольно скоро выяснилось – дело в Алёне. Вариантов не так и много, попытаться стоит, но гарантий почти нет. После второй неудачной попытки врач, отводя глаза, осторожно, будто прощупывая почву, предложил воспользоваться донорством яйцеклеток.

Игорь внутренне напрягся, он не имел ничего против детей от Алёны, но от чужой, неизвестной женщины... Вставал вопрос генетики, наследственности, уверения врачей в тщательной проверке донорского материала и самих доноров не успокаивали. Схема не укладывалась в голове, отторгалась, а жена загорелась идеей.

Игоря словно за руку отводили от процедуры – то одно, то другое. Алёна тем временем становилась одержима идеей выносить и родить самой биологических детей посторонней женщины.

– Это будет мой ребёнок, ведь я его рожу, – твердила она бесконечно, опровергая любые сомнения мужа.

В итоге родила – двойняшек, девочек, – и первое время была счастлива, как казалось Игорю. Он всматривался в махонькие личики и, вопреки логике, пытался найти там черты Алёны – естественно, не находил. Алёна же, по мнению окружающих, погрузилась в

материнство, не подпускала к детям никого из посторонних, отказывалась от любой помощи, включая нянь. У Игоря горел проект, дома он бывал нечасто, старался помочь, но что, по сути, он мог предложить замотанной матери двоих детей? Погулять в выходной день, дать подольше поспать два-три раза в неделю. Сотни, тысячи раз он предлагал взять няню, хотя бы на ночь или половину – без толку.

Наверное, к психологу нужно было обратиться уже тогда. Но кто, чёрт возьми, заподозрит в счастливой матери, не подпускающей к младенцам посторонних, отклонение? Первый срыв произошёл в год Алины и Алисы. Алёна ревела и требовала оставить её в покое, дать отдохнуть хотя бы пару дней. Игорь бросил все дела, сначала отпустил жену в отпуск, одну, а потом, когда отец Алёны сорвался из Люксембурга, чтобы сидеть с внуками, рванул к ней. Три недели пронеслись, как один день. Алёна, казалось, стала сама собой, всё возвращалось на круги своя.

По возвращению Игорь настоял на няне, девочки быстро привыкли к приходящей женщине, а у Алёны появилось время на себя, которое она стала тратить с удовольствием. Поначалу мужчина не придавал значения походам с подружками в клуб или посиделкам дома. В конце концов, человеку нужно отдыхать, не вышивать же крестиком молодой, современной женщине.

Через год сладкие коктейли раз в неделю сменились на ежедневный бокал вина, а потом и бутылку за вечер. Порой Алёна уходила в запой, не просыхая по несколько недель, пьяной шатаясь по дому, не видя никого и ничего вокруг, начинала истереть и требовать к себе внимания, обвиняла во всех возможных грехах и испорченной жизни.

Как-то исподволь ненависть перенеслась на дочерей, капризничавших по ночам и не дающих днём отсыпаться с похмелья. К тому времени Алёна уже трижды лежала в клиниках, её лечили с переменным успехом, но всё заканчивалось одним и тем же – глубоким, продолжительным запоем, выводом из абстинентного синдрома с помощью медикаментов и лечением в течение нескольких месяцев. Потом недолгая ремиссия и повторение. И так по кругу.

Пока однажды Игорь, вместе с тестем, не вытащил её, полуживую от несертифицированного алкоголя, из какого-то грязного притона. Тесть, много лет страдающий от повышенного давления, не выдержал подобного зрелища. Обширный инсульт. Перекосившимися губами, в полусознании, тараща один глаз на зятя, он промямлил просьбу не бросать его дочь. Игорь пообещал. Теперь он напоминал себе загнанного зверя. Эти отношения, даже внешне уже не напоминающие семейную жизнь, продолжать было опасно для психики детей в первую очередь, но что делать с Алёной, он не представлял.

Женский алкоголизм неизлечим – теперь он знал это точно. Как и то, что не хочет видеть в своей жизни Алёну, тем более – спать с ней.

«Я тебе не изменила», – с какой-то неясной гордостью заявила Алёна, когда пришла в себя после того случая в притоне. Игорь промолчал. Лучше бы она переспала с бригадой докеров, чем всё, что происходило до и после. Похороны отца послужили причиной трёхнедельного запоя, а сорок дней спровоцировали ещё один. Полгода тишины – Алёна была в Швейцарии, позже относительно спокойная «семейная жизнь», и снова.

Единственным плюсом было то, что пила Алёна чаще всё-таки дома, в одиночестве, укачивалась до бессознательного состояния, не покидая своей комнаты, а потом спала дурью. Девочки чаще всего не видели состояния матери. Но это пока...

Тишину прорезал звонок входной калитки. Игорь пошёл вниз, кинул жене:

– Сиди здесь.

– Ты же придёшь ко мне? – проурчала полупьяная кошка.

– Непременно, – что он ещё может сказать?

За калиткой стояла Лера, она топталась и неуверенно поглядывала на хозяина дома.

– Что-то произошло? – девушка явно была расстроена.

– Прошу прощения, мне правда очень неудобно... Понимаете, я оставила сумку на пляже, а там был телефон... сумка вот, – она махнула на яркую пляжную сумку, – а телефона нет. И кошелек. Не могли бы вы вызвать мне такси?

– И оплатить?

– Нет, только вызвать, я поднимусь в квартиру и расплачусь с таксистом.

– Пройдёмте, – Игорь пропустил Леру вперёд по дорожке, автоматически оглядывая девушку со спины.

Высокая, длинноногая, стройная. Модель? Судя по шортам с принтом Версаче и обуви, вряд ли бедная студентка. Или чья-то дочка, или любовница. Шикарная девица, что и говорить. Вспомнилось, как давно не было женщины. Недели две точно, если не три. Да и вышло скомкано, неудачно. Игорю нужно было уезжать, он спешил, дамочка попала как-то нервная. На уговоры ушло времени больше, чем на само действие. Запомнилось раздражение от жеманного поведения великовозрастной девицы, снявшейся с определённой целью, и неудовлетворённость.

А здесь вышагивает эдакая красота, как по подиуму. Невольно представил, как эти длинные загорелые ноги обхватят спину, как откинется длинная шея, а губы разойдутся в задорной, девичьей улыбке. Хороша!

Перед дверью пришлось остановиться. Открыл, показал жестом, чтобы гостья заходила в дом, а сам остался отдышаться. Возбуждение подкатило удушливой волной. Он определённо хотел эту Леру с её модельной фигурой, крупными кудрями и задорной улыбкой.

– Телефон на столике, – проговорил он, стараясь думать о чём угодно, но не о сексе с нечаянной гостьей. Озабоченный подросток, честное слово. Самому противно. Но больше приятно. Особенно, когда спинка прогибается, выставляя упругие ягодички в коротеньких шортах.

– Пароль, – он не заметил, как Лера подошла вплотную, протягивая ему телефон.

– А знаете что, Лера? – Игорь внимательно оглядел девушку. Спереди ещё краше. Грудь небольшая, но и крохотной не назвать: упругая, девичья, придерживаемая символическими треугольниками купальника, просвечивающими из-под полупрозрачной футболки. Обычный пляжный наряд, ничего невероятного, но как же заводит... П-ф-ф-ф. – А не составите ли нам компанию, Лера? Мы с девочками едем в город, заодно и вас подвезём.

– Это точно удобно?

– Вполне, – он довольно кивнул. Как минимум, он сможет договориться о следующей встрече. Хотя бы попытается. В районе солнечного сплетения приятно ныло в предвкушении, низ живота сводило желанием.

– Ладно, – Лера согласно улыбнулась, кажется, заметив неприкрытую заинтересованность Игоря. Вот и отлично. Никаких разночтений не будет. Может, всё же чья-то дочка, а не любовница?

Через пятнадцать минут БМВ нырнул в редкий поток машин,двигающийся в сторону города.

Глава 3

По пути в город новый знакомый почти не разговаривал, перекинулся парой слов с Лерой, иногда кидая реплики дочерям – те сидели на заднем сидении в автокреслах, болтая между собой, задавая вопросы папе и самой Лере. Смешные такие.

Разговаривать не разговаривал, но когда скользил взглядом по оголённым ногам Леры, ей казалось – по телу проскакивали мурашки, становилось зябко, будто климат-контроль в автомобиле сломался, а следом невыносимо жарко.

И потом, когда Лина и Лиса увидели вывеску сетевой пиццерии «Оллис» и активно начали просить заехать, попеременно изображая несчастных, голодных котиков, а Игорь, улыбнувшись, припарковал БМВ, ощущение колких мурашек не прошло.

Лера сидела напротив мужчины, делая вид, что старательно изучает меню, сама же думала, как бы не залиться румянцем, словно девица на выданье. Краснеть она не привыкла, смущаться тоже. Только ситуация, в которую попала, оказалась в новинку и уж очень неприятной.

Это надо же быть настолько глупой – бросить сумку на полотенце и уйти... Лера, конечно, попросила семейную пару присмотреть за вещами, только когда вернулась – ни пары, ни телефона, ни кошелька в сумке уже не было. А с виду приличные люди. Впрочем, может, это не они прихватили чужое, просто ушли, не дождавшись.

– Пиццу четыре сыра, – объявили сестрички свой выбор. – И пепси.

– Сок? – отреагировал Игорь.

– Тогда квас, – согласилась Лина.

Лера быстро начала различать сестричек. Это только с виду они одинаковые, а если приглядеться – Лина повыше, больше и громче разговаривает, ещё у неё волосы длиннее и кажутся гуще. Выражение лица совсем другое – более взрослое. Одним словом – отличать Лину от Лисы Лера начала почти сразу.

Игорь посмотрел на вторую сестрёнку.

– Морс, – вздохнув, протянула Лиса. Пепси была её идеей, видимо, в глазах папы не самой удачной.

– Лера? – Игорь перевёл взгляд на девушку, пришлось сделать над собой усилие, чтобы не сжаться и не позеленеть, как поганка.

Ситуация так себе, но не конец же света, чтобы краснеть, зеленеть и ощущать волнение, как на первом свидании. И когда это Лера чувствовала волнение на свиданиях? В пятом классе, если только. На четырнадцатое февраля ей подарил «валентинку» одноклассник с таким же красивым именем, как он сам – Идею. Они сходили в кафе, а потом погуляли по парку. Даже за руки держались. Фейерверк чувств! Идею к лету переехал с родителями в Грецию, и следы его потерялись. Говорили, из Греции они рванули в Австралию. В любом случае, свидание с Идеем в пятом классе было событием планетарного масштаба, а сейчас не свидание, а почти дружеский ужин в компании выручившего мужчины и его двоих детей. Именно, Лера, детей!

Игорь обещал довезти Леру домой, правда, когда она назвала адрес, посмотрел как-то удивлённо, но от комментариев воздержался.

– Филадельфия с угрём, – сказала Лера и, подумав немного, добавила апельсиновый сок. Было бы нечестно по отношению к сестричкам взять пепси.

– Всё?

– Всё.

На самом деле, совсем не хотелось есть, но строить из себя принцессу на вечной диете не стоило, тем более – ни на каких диетах она не сидела, просто сейчас кусок в горло не лез.

– Хорошо.

Игорь сделал заказ официанту, взяв себе двойной борщ, удон с говядиной, пиццу и на закуску роллы. Удивительно. То есть ничего удивительного для мужчины в такой порции не было, даже вечером. Только то, что Игорь выглядел если не как фитнес-модель, то очень похоже.

Широкоплечий, рукава поло обхватывали прокачанные мышцы. Выступающие вены на предплечьях и кистях, никакого намёка на дряблый живот под тканью футболки. Привлекательный мужчина, несмотря на возраст. Интересно, сколько ему? В лоб не спросишь. Точно больше тридцати, может, тридцать два? Тридцать три? Или даже тридцать пять?

Вообще-то, интересоваться женатыми мужчинами не в правилах Леры, тем более с детьми. Правду сказать, Игорь больше походил на «воскресного» папу, и по разговорам с дочерьми становилось ясно – мужчина не видел детей больше месяца, те жили с бабушкой и мамой. К тому же, автокресла в своём БМВ Игорь устанавливал перед поездкой... Тысяча и одно доказательство теории о «воскресном» папе.

Только это ничего не меняло. Лера тряхнула головой, подводя итог размышлениям:

Первое. Явно старше и намного. О чём с ним разговаривать? О рыбалке, охоте, правилах ГИБДД? Повышенном артериальном давлении или тупой любовнице друга?

Второе. Явно с семейными проблемами, пусть и в прошлом. Дети-то в настоящем. Хорошие, кстати, девочки. Болтливые, неугомонные, а видно, что послушные, хорошо воспитанные, развитые, «здравствуйте» говорят, «пожалуйста», «спасибо», едят аккуратно, читают бегло.

Третье. И явные такие мурашки по позвоночнику, когда серые мужские глаза, какого-то стального цвета, впиваются в Леру и скользят по ней голодным взглядом. Аж жарко становилось.

Четвёртое, следующее из трёх пунктов. Лучше ей держаться подальше от этого мужчины. Вряд ли он опасный злоумышленник, или занимается незаконной деятельностью – если только мебельное производство, о нём вскользь упомянул собеседник, не считая криминалом, – или маньяк, подстерегающий девушек в тёмных подворотнях. Но почти нестерпимый жар от одного только взгляда стального цвета или руки, без напряжения придерживающей руль на скорости, заставлял мобилизоваться внутренние силы и готовиться дать отпор. Или наоборот, не давать никакого отпора.

Что ещё хуже. Смотри первые три пункта.

Лера, дабы избежать пристального взгляда, полезла в сумку, якобы за чем-то остро необходимым прямо сейчас. Влажные салфетки, антисептик для рук, крем для рук, защитный крем, мицеллярная вода-спрей, блеск для губ, бальзам для них же, зеркальце, расчёска, резинка для волос, запасная резинка, ежедневник, пара ручек... Так, а где ключи от квартиры? Были в боковом кармашке, а сейчас нет. Она проверила ещё раз и ещё, с трудом сдержалась, чтобы не вывалить содержимое сумки на стол.

Что делать? Сейчас-то что делать? До этого момента ситуация была неприятной, но вполне решаемой. Телефон дорогой, кошелек не копейки стоил, но вещи всегда можно

купить. Симку восстановить. Именно этим завтра с утра и собиралась заняться Лера. Сейчас же она не имела никакого понятия, как ей попасть домой.

Квартиру она сняла в начале лета. Хозяйка за всё лето появилась один раз, убедилась, что всё в порядке, наказала «если что – звонить» и уехала. Деньги за найм Лера исправно отправляла безналичным расчётом, остальное общение происходило по телефону. Телефона хозяйки Лера, конечно, не помнила, кто в своём уме запоминает сейчас номера? Запасные ключи от квартиры были... в квартире. Как и ноутбук с социальными сетями, через которые тоже можно найти Елену – так звали хозяйку.

– Что-то потеряла? – поинтересовался Игорь, с интересом смотря на обескураженную девушку.

– К-ключи, – промямлила она в ответ.

Действительно, что теперь делать? Даже гостиницу не снимешь, деньги в квартире, от которой потеряны ключи. И симку не восстановишь – паспорт в квартире, от которой потеряны ключи. Продолжать можно бесконечно, как в стихотворении Маршака «В доме, который построил Джек», только в новой интерпретации «В квартире, от которой пропали ключи».

– Запасные?

– В квартире, – Лера истерично хихикнула.

– У родственников, знакомых, может, оставляла?

– У меня нет родственников и близких знакомых в этом городе, я в начале лета переехала, – напонила она.

– Телефон арендодателей, конечно, не помнишь.

– Конечно, – получилось как-то нервно, а как не нервничать. МЧС не вызовешь, чтобы дверь взломали. Квартира-то чужая. От которой, да, потеряны ключи.

– Как ещё можно связаться с хозяевами, без привязки к телефону? Социальные сети? – говорил Игорь вполне уверенно, даже размеренно.

– Фейсбук, – Лера вспомнила, что сняла квартиру именно через фейсбук, напрямую, без посредников. – Я переписывалась с ней в фейсбуке! – номер телефона должен быть в переписке.

– Отлично, – Игорь протянул айфон, после нескольких движений по экрану ткнул пальцем в значок фейсбука. Загорелся типовой вход. – Надеюсь, логин и пароль помнишь?

– Конечно, – хоть что-то она помнила!

Переписка нашлась быстро, Лера набрала номер телефона хозяйки, та быстро ответила, правда, не обрадовала. Елена застряла в пробке на Мурманке, из-за аварии шоссе стоит и в сторону города. Утром она пошлёт сына в город, он завезёт ключи, а чтобы упростить задачу – оставит их у соседки по лестничной клетке, милой старушки Зинаиды Тихомировны. Пока ничем Лериному горю помочь не может. А вообще – замок хорошо бы сменить, за Лерин счёт, естественно.

Что ключи привезут, конечно, хорошо. А вот всё остальное – не очень. Санкт-Петербург – прекрасный город. Лера успела оценить и красоту белых ночей, и величие Александрийского столпа, и купол Исаакиевского собора, но гулять всю ночь не хотелось совсем. После дня на пляже хорошо бы принять ванну, завалиться в кровать, посмотреть серию сериала и уснуть сладким сном. К тому же, в центр города нужно добраться, что весьма проблематично сделать без денег.

Остаётся мужественно бродить по своему району, несмотря на новострой – красивому,

с выходом на сероватые воды Финского залива, под стать величественной красоте центральной части города. Были в районе широкие проспекты, скверы и парки. Несмотря на густонаселённость, район считался безопасным, благоустроенным, квартиры там стоили дороже, чем в среднем по городу, что покупать, что снимать. Да и погода стояла тёплая... С залива потягивало зябким холодом, но в кварталах и закрытых от ветров дворах он почти не чувствовался.

– Не горе, – с улыбкой проговорил Игорь и вдруг подмигнул Лере, от неожиданности та перестала волноваться. Действительно, какое волнение, когда блеснул ряд ровных, белоснежных зубов, как в рекламе «Колгейт», глаза сверкнули чем-то... что определённо отдалось внизу живота. – Всегда должен быть план Б.

Через сорок минут девочки сопели в своих автокреслах, а Игорь воплощал в жизнь план Б. Не шикарный, по мнению Леры, но выбора особого не было. Шляться по улицам или переночевать в квартире Игоря. Он заверил – там никто не живёт, он сам бывает редко, никаких неудобств Лера не создаст. Замок, к слову, закрывается с внутренней стороны так, что с внешней не попасть даже с ключами – это на случай, если Лера опасается.

В общем-то, было чего бояться. Лера представляла криминальную сводку со своим именем и раздувающиеся ноздри отца, вопящего, как в рупор: «Всё! Дочирикалась! Доигралась в самостоятельность! Живо домой!». Причём, чего она опасалась больше, сказать затруднительно.

– Ключи, – это Игорь уже говорил, выйдя из припаркованной машины, напрочь игнорируя ошарашенный взгляд Леры. – Пятнадцатый этаж, квартира двести восемь. Сигнализации нет. И вот ещё, – Лера в удивлении смотрела на протянутую купюру. – Если захочешь поесть, или ещё что-то понадобится.

– Спасибо, – в абсолютном удивлении ответила Лера, а что ещё скажешь? – Мы, выходит, соседи? – она моргнула и незаметно себя ущипнула. Вдруг, она спит, а этот красавчик – Игорь был красивым, даже несмотря на возраст – ей только снится. Особенно тот факт, что они соседи, походит на сон. Питер большой город для таких вот совпадений.

– Питер город большой, но тесный, – словно прочитал её мысли Игорь. – Я нечасто здесь бываю, – он пожал плечами. – Так что сосед – слишком смелое заявление, – он бросил взгляд на машину, где спали девочки. Лера запоздало сообразила, что задерживает человека, и без того помогающего ей. Мало того, что дева в беде, так ещё и несообразительная.

– Я могу идти? – она вцепилась в ключи крепче, проверила в заднем кармане визитку Игоря, которую он дал ей ещё в пиццерии, свернула купюру, решив, что отдаст долг завтра же, когда мужчина приедет за ключами.

– До встречи, Лера.

О-о-о-о, так вот как это работает? Мужской голос, и без того приятный, приобрёл бархатный оттенок баритона, и сердце девушки пропустило удар.

– До встречи! – Лера заскочила в подъезд и тут же нырнула в лифт. Невежливо получилось, только если бы она набросилась с поцелуями на мужчину, весь вечер играющего на её самообладании, как на струнах, вышло бы и того хуже. Или лучше...

Квартира Игоря оказалась просторной, ещё и двухэтажной. На первом этаже кухня, санузел и гигантская гостиная. На второй гостиная меньше, зато были три спальни, одна из которых точно хозяйская – лишь там заправленная кровать и другие признаки присутствия человека. Вся остальная площадь больше напоминала выставку-продажу.

Окна спальни выходили на лоджию и гладь Финского залива. Лера обмерла.

Красотища! Серый, с тёмно-синими бликами, так не похожий на море, немного мистический. Наверняка, мистики прибавляли воображение, редкие перистые облака, дымка над горизонтом и едва видимая, скрытая синеватым туманом линия противоположного берега. А ещё всё, что произошло с Лерой сегодня днём, вернее – вечером.

В общем-то, ничего особенного не случилось. Она помогла. Ей помогли. Но воображение рисовало такие сцены благодарности, что становилось неловко перед собой.

Чтобы отвлечься, девушка ещё раз прошлась по квартире, огляделась. Огромная, намного больше евро-однушки, которую она снимала в соседнем доме. Окна Игоря смотрели на залив и во двор с несколькими детскими площадками, и... на дом, в котором жила Лера. Окна её видны... Не уверена, какие из нескольких десятков окон на четырнадцатом этаже её – но видны определённо.

Мебели было немного, качественная, не запредельно дорогая. Шкафы почти все пустые, лишь в спальне немного вещей, смена постельного белья. На кухне обнаружился пустой и выключенный холодильник, запас вина на разный вкус, посуда. Никаких кастрюль или сковородок, лишь столовый сервиз, тарелки для суши, блюдо для пиццы, ножи для сыра, приборы, несколько комплектов фужеров, ваза для цветов.

Всё понятно. Эдакое любовное гнездышко. Два фужера и несколько тарелок в посудомоечной машине говорили сами за себя. Мусор выкинули, цветы дама, видимо, забрала, а посуда так и осталась стоять, помытая, ждущая следующую гостью. Или ту же самую.

Спала Лера крепко, даже удивительно. На всякий случай закрылась, как и говорил Игорь, с внешней стороны в квартиру не попасть, даже со своими ключами. Зачем-то перед сном пробормотала: «Сплю на новом месте, приснись жених невесте», скорее всего по старой привычке. Обычно ей ничего не снилось, вернее – никто, а в этот раз приснился Жених. Вернее, хозяин спальни с окнами на Финский залив.

Бывает же... Прошептал: «Оденься, ветрено» и укутал своим пиджаком. В это время действительно ударил сильный, холодный ветер. Леру обожгло ледяным порывом, она подскочила на чужой постели, закрыла окно, едва дождалась утра, когда откроются салоны сотовой связи и должен приехать сын Елены с ключами.

Всё получилось. И сын приехал – ещё не было одиннадцати утра, и соседка оказалась дома, и сим-карту восстановили быстро, и телефон Лера купила такой же, простившись с кругленькой суммой на счёте.

Потом долго отчитывалась перед папой, принеся клятву, что ничего страшного не произошло. Да, телефон она потеряла, но он всё-таки застрахован, так что рано или поздно компенсацию получит. Да, она бестолковая, да, бить её некому, а отцу некогда. И, да, она клянётся больше не пропадать так надолго. Честно-честно! А если что-то серьёзное – сразу сообщит. И дяде Олегу тоже. И Макара Степановича она телефон не потеряла, может даже продиктовать. И, конечно, если уж не ему, то Валентине она всё-всё расскажет. Он ведь понимает, дочка взрослая, могут быть свои секреты. Хотя, ну какие от родного-то отца секреты?! А всё потому, что пороть её некому, а ему некогда!

Так суббота прошла. Лера отправила несколько сообщений Игорю, стараясь выбрать тон максимально нейтральный. Папа-то он воскресный, только это не отменяет постоянной женщины в его жизни. А ещё любовного гнездышка. И взгляда стальных серых глаз, и широкого запястья с часами лаконичной формы на левой руке, и пальцев, уверенно держащих руль, и широких плеч, и грудных мышц, скрытых за тканью «поло», и

притягивающего внимание ремня на брюках, и... Подобрать нейтральный тон было невероятно сложно, но Лере удалось. Ответил Игорь ближе к вечеру, так же, без фамильярностей, написал, что заедет часам в девяти вечера.

Стрелки показывали девять, когда она вытащила кексы из духовки. Для чего испекла? Не признаешься же, что хочется произвести впечатление на априори несвободного мужчину. И три пункта никуда не делись. Для верности Лера повторила их себе:

Первое. Явно старше и намного.

Второе. Явно с семейными проблемами.

Третье. И явные такие мурашки по её позвоночнику. Нехорошие такие мурашки, обещающие много-много проблем.

К десяти никто не приехал, Лера сняла платье, в котором собиралась произвести впечатление на гостя. А к одиннадцати сходила в душ, натянула пижаму из коротких шортиков и майки, с кружевами по бокам и на вырезе, и устала в экран ноутбука, включив очередную серию сериала. Корзинку с кексами, как и чай, притащила к кровати, устроив рядышком.

«Прости. Могу сейчас зайти. Норм?»

Лера вздохнула, быстро набрала:

«Норм».

И не успела подумать, стоит ли переодеваться или «умерла так умерла», как в дверь позвонили, будто стояли на лестничной площадке. Открыла. Сначала увидела букет алых роз, источающий с ног сшибающий аромат. В северном городе можно купить розы, пахнущие розами?

– Прошу прощения за опоздание. – Игорь улыбнулся, опалил взглядом, Лера бы наверняка смутилась, но забыла, как это происходит. Стояла, держа в руках букет, и глазела на мужчину, бесцеремонно пригласившего себя в её дом.

– Проходи, – запоздало пискнула, только сообразив, что пижама на ней весьма формально прикрывает все её девичьи прелести. Она почему-то указала на комнату, прямо на расправленную кровать.

– Оу... – он изогнул бровь. – Признаюсь, рассчитывал на продолжение вечера...

– Это вовсе не то, не так, то есть...

– Лера, – она застыла, глядя на мужчину. Пришлось немного задрать голову, обычно она разговаривала с представителями мужского пола глаза в глаза, а Игорь был ненамного, но выше. – Ничего не будет, если ты скажешь «нет». Мы можем вежливо поговорить, поесть... чем это так умопомрачительно пахнет?

– Шоколадные кексы.

– Сама пекла?

– Да.

– Обалдеть! Мы можем вежливо поговорить, а можем не слишком вежливо переспать. Что ты выбираешь?

– Обалдеть!

– Переспать?

Боже, помоги ей сказать: «Нет»!!! Зачем ей это нужно? То есть нужно, очень даже нужно... Но абсолютно точно не нужно.

– Да.

Прости, папа, Лера старалась быть хорошей девочкой. Продержалась до двадцати двух

лет, чтобы лишиться девственности на съёмной квартире с первым встречным. Прав папа, всё потому, что пороть её некому, а ему некогда.

Глава 4

Алёну всё-таки удалось устроить в клинику. Стоило это, как и всегда, вагона нервных клеток. Принудительное лечение алкоголизма запрещено, вся надежда на добрую волю зависимого. Никакой воли, тем паче доброй, у Алёны не было. После бригады врачей на дом, снятия алкогольной интоксикации, Игорь уговорил жену отправиться в больницу, пообещав дальше действовать по обстоятельствам. В общем-то, у него был лишь один действенный аргумент для Алёны – лишение денежного содержания. Игорь понимал: лиши её средств – она пойдёт на публичный скандал, ничем хорошим это для него самого, его бизнеса и, главное, детей не закончится.

Шумиха в СМИ, удар по репутации, детской психике. Обеспеченный муж выставил жену на улицу, лишив содержания и возможности воспитывать дочерей. Сердобольное общество не готово принять, что женщина попросту алкоголичка, почти страдающая от специфического расстройства личности. Люди могут бесконечно искать оправдания порокам, болезням, слабостям, ставя на кон не только благополучие взрослых, но и детей – всё ради проявления сердобольности, понятливости, сочувствия. С приставкой «псевдо».

Или стоило пройти через этот ад – один раз и навсегда? Получится ли «навсегда» с брачным законодательством и гнилой судебной системой? Ещё и моральный долг перед тестем останавливал от решительных действий. Отличный мужик, сильный, совестливый, незадолго до смерти он, словно предчувствуя беду, переписал бизнес и часть недвижимости на Игоря, оставив дочери небольшой дом в Женеве, квартиру в Питере, и создал трастовый фонд, назначив зятя доверителем, а дочь и внушек выгодополучателями. Игорь стал распоряжаться средствами, по праву принадлежащими Алёне и их совместным детям.

Говорят, когда лягушка свалилась в кувшин с молоком, она так усердно била лапками, что молоко превратилось в масло, и ей удалось выбраться. Игорь же, превращая молоко в масло, чувствовал, что двигать лапами всё тяжелее – загустевшая субстанция сковывает движения. Однажды он превратится в муху в янтаре. Застывшую в смоле, недвижимую.

С утра пришлось врать дочерям, что маме стало плохо, и приезжал доктор. Лиса искренне переживала, плакала. Игорь же чувствовал себя последней тварью, обещая шестилетке, что мама поправится и обязательно вернётся к ним. Скоро-скоро. Лина же смотрела с подозрением, в болезнь мамы она не верила, а вот понять правду ещё не могла.

Они так отличались, его девочки. Лина всегда была громче и требовательней, просыпалась среди ночи с оглушающим криком, громогласно требовала своё, не принимая уговоров и компромиссов. Лиса же, казалось, и плакать не умела, попискивала и хмурила светлые бровки. В выходные дни Игорь поочередно купал крох, укачивал, гулял с коляской для двойни. Особое удовольствие доставлял сон девчонок, вовсе не потому, что в этот момент они замолкали, подкупало доверие, с которым они откидывали маленькие головы и полностью расслаблялись в его руках. Было в этом что-то щемяще сладкое. Порой Игорь задумывался, смог бы он полюбить дочерей, заведомо зная, что не является их биологическим отцом? Трудно смотреть в лицо предполагаемых обстоятельств. Всё, что знал Игорь наверняка – он любит своих дочерей, и это чувство – основа его жизни, убеждений, целей.

Потом пришлось ехать на поклон к матери в санаторий. С кое-как облагороженной территорией, оставшейся со времён Союза. Корпуса с длинными коридорами, номер на два

человека, воняющие «удобства», совмещённый санузел – душевая кабина с поддоном со следами ржавчины, и унитаз, справивший намедни тридцатилетие. Лечение и питание соответствовало обстановке.

С няней Игорь распрощался по телефону. Уехать, имея прямое распоряжение не оставлять девочек с Алёной – провинность, после которой не могло быть и речи о втором шансе. На поиски новой няни необходимо время, а рабочий график не позволяет расслаиваться дома. Есть частный сад, первого сентября распахнёт свои двери после каникул. Но мало того, что не хотелось в дни редкой в здешнем климате летней погоды тащить малышей в город, так ещё прибавится проблема забирания вовремя из сада. Всегда можно выкрутиться, отправить водителя, привести двойняшек в офис и искать, искать, искать новую няню. Очередную. Неизвестно какую по счёту!

Оставалось просить мать пойти навстречу, бросить необходимое, по её мнению, «оздоровление» и заняться внучками.

– Не понимаю, что ты здесь делаешь? – упираясь пятками в песок, качаясь на старой качели-скамейке, он торговался с родной матерью, чувствуя себя очередной раз сволочью.

Он может оплатить ей отдых в любой точке мира, отправить в Карловы Вары, так любимые женщиной, купить путёвку в Альпы или приальпийские районы. А его мать – преподаватель высшей школы на пенсии – из какого-то, одной ей понятного принципа, получает «положенную» бесплатную путёвку раз в несколько лет и едет «оздоравливаться» в замшелый постсоветский санаторий, где по коридорам бродят дряблые старики, а в столовой кормят капустой с капустой. Зато свежий воздух.

– Мне положено санаторно-курортное лечение.

– Мам, я тебе не оплачу лечение? Ты воню из клозета лечишься или тушёной капустой?

– Что заслужила, то и получила от государства.

– Государство тебе помогло воспитать замечательного меня, а моя святая обязанность – помочь тебе.

– Но сначала надо выручить тебя?

– А кто ещё?

– Некому! Вот это я хочу услышать, остолоп!

– Мама, мамочка, мамулечка, выручай, спасай, – кривлялся Игорь, понимая, что всё было решено ещё до того, как он приехал в зачуханный оздоровительный комплекс.

Мать, конечно, согласится. Она искренне любила внучек, оставила обожаемую работу ради них. Когда всплыли проблемы с Алёной, взяла на себя присмотр за девочками, баловала, учила, следила за питанием, воспитанием, развитием. Полностью погрузиться в мир двойняшек не позволяла тяга к независимости, но в любой момент дня и ночи Игорь мог рассчитывать на помощь матери.

Отца у него не было. Вернее, был, как и у любого человека, развелись они с матерью в нежные два года сына, какое-то время он платил алименты, а потом пропал с радаров. Мать так и не вышла замуж, мужа ей заменила работа, а Игорю отца – дед.

Пока мать гуляла с девочками по большой территории санатория, дойдя до берега Финского и обратно, Игорь прикорнул, растянувшись на лавочке, закрываясь от солнца рукой. Лавочка стояла в стороне от протоптанных тропинок и крошащихся цементных дорожек, между корпусом и живой изгородью, так что молодецкому сну не мешали. Эта пара часов сна – единственная за время после возвращения из Тулы.

Позже приехали домой, собрали несколько чемоданов необходимых девочкам вещей, только разложенных по своим местам после возвращения от бабушки, закинули в багажник и поехали к матери. Естественно, там обнаружилось, что Лина забыла ветровку, а Лиса не подумала о резиновых сапогах. У бабушки были запасные, там хранился целый стратегический запас одежды на любое время года и ситуацию, но вот голубеньких, с тыковками, сапог не было. Поехал. Оно и правда, как без тыковок...

Сообщение от Леры он получил, отвечать было некогда и неудобно. Отделяться коротким «Ок» не хотелось, страшно чесались руки соригинальничать, сострить, произвести впечатление, а залипать в телефон – нарваться на расспросы. Мать не оставляла надежды наладить личную жизнь сына, в первую очередь в интересах внучек. Время от времени она даже знакомила Игоря с дочерьми бывших коллег или новых подружек, всегда с женщинами с высшим образованием, а то и двумя, скромными, никогда и не бывавшими замужем. В общем-то, Игорь не возражал. Кто знает, кто знает... В судьбу не верил, но шансы упускать не в его правилах.

В кругах, где крутился молодой перспективный бизнесмен, скромных женщин не было. Либо целеустремлённые, самодостаточные дамы, управляющие бизнесом наравне с мужчинами, не терпящие побрякушек, встречающие трудности с открытым забралом, либо охотницы за состоятельными мужчинами, готовые стать содержанками или ограничиться одноразовой «спонсорской помощью».

Ни те, ни другие на роль постоянной спутницы Игорю не подходили. Вернее, он ничего не имел против деловых качеств кандидатки или откровенно меркантильной девахи, если последняя обязуется не выносить мозг, не употреблять алкоголь, умело снимать напряжение после рабочего дня и хранить верность. А вот к детям таких особо не подпустишь. Оставались случайные связи, редкие близкие знакомства и парочка почти постоянных любовниц.

В итоге ничего не ответил. Дома, в городе, очутился уже ближе к одиннадцати вечера. До рождения дочерей, когда только стало известно, что детей двое, Игорь купил две идентичные квартиры в одном доме, на одной лестничной площадке, ещё на стадии планировки. Дом обещал быть современным, удобно расположенным, в новом, развивающемся районе. С подземным паркингом, детскими площадками во дворе, большими площадями на первых этажах для магазинов и кафе. Обещающаяся вот-вот запуститься транспортная развязка и вовсе делала район городом-садом, как по Маяковскому.

Вот только со временем, особенно после запуска той самой развязки, вокруг элитного жилья с «видовыми» квартирами стали расти бюджетные застройки, район наполнился не только обещанными скверами и детскими садами, но и жильцами, кишевшими, как муравьи. Выезд с дворовой территории превратился в трэш, а от забитых под завязку парковок спасали загодя выкупленные места на подземном паркинге.

Сейчас Игорь с семьёй жил в одной из двух квартир, два этажа оказались подспорьем в семье с маленькими детьми и женой, страдающей алкоголизмом. Как правило, Алёна отсиживалась в своей комнате на втором этаже, а большая игровая зона для детей была на первом. Для этого разделили гигантскую гостиную, оставив помещение для взрослых и выделив квадратные метры детям. Если Алёна выбиралась из комнаты в туалет или бродила в полузабытьи, дети, как правило, этого не видели. Спальни дочерей и Игоря были на втором этаже, но обычно к ночи жена была уже в нуле, по утрам же крепко спала.

Игорь принял душ и, не просушив волосы, уставился в телефон. Нужно ответить,

написать, что не сможет зайти, принести извинения. А почему, собственно, не сможет? Целый день он возвращался к вчерашнему происшествию и новому знакомству.

Валерия... Лера. Приехала в начале лета из Краснодарского края, населённый пункт не назвала, увела разговор в сторону. Да и какая разница, из какого города или станицы, хотя из станицы вряд ли. Или быстро ассимилировалась, вписалась в городскую жизнь. Сказала, выбрала Санкт-Петербург, потому что «Питер тише Москвы». На вопрос: «Чем собираешься покорять северную столицу?», рассмеялась, ответила, что обойдётся без покорения. «Присмотреться ещё надо к вашей северной столице, стоит её покорять или обойтись можно».

Молодая, красивая. В кафе и позже Игорь разглядел Леру как следует, со вкусом разглядел, не особенно смущаясь, даже где-то нагло. Высокая, стройная, с ровным загаром. Ноги – как произведение искусства, пальцы рук длинные, тонкие, изящные, несколько колечек из белого золота поблёскивают сталью. Чувственный рот, вряд ли эффект инъекций, сверкающие при задорной, девчачьей улыбке зубы, веснушки по носу и щекам, такие же девчачьи. Кудри, добавляющие задора, и светло-карие глаза, переходящие в тёмную зелень. Цепочка с кулоном в форме трёх колец, также из белого золота, браслет, обхватывающий запястье.

Главное – харизма. Та самая, женская, что манит мужчин, как осу сироп. Заставляющая залипать, мысленно обхватывать талию, прижимать к себе, скользить по спине руками, расстёгивая замок бюстгалтера, обводить языком сосок и сходить с ума от происходящего. Как первый раз в жизни – лишаться разума. Заставляющая хотеть поцелуев... Да, он определённо хотел целовать Леру, проводить языком по верхней и нижней губе, оглаживать язык, ответивший ему взаимностью. Она ответит взаимностью, в этом Игорь был уверен.

Заинтересованность в собственной персоне он считал ещё за столиком в пиццерии. Потом отвлеклись на пропажу ключей. Судя по растерянному лицу, идти Лере было действительно некуда, значит, бойфренда у неё не было. Оставался вариант «папика». Явно недешёвые безделушки, надетые на пляж, указывали на достаток выше среднего для девчонки двадцати двух лет, но и он отпал, стоило узнать адрес квартиры. Вряд ли бы «папик» поселил эдакую красоту в бюджетную евро-однушку, пусть и в относительно приличном районе, а не в гетто из ипотечных студий.

Игорь с трудом сдержался, когда отдавал ключи Лере. Тёплая ладонь, сладко-свежий аромат от волос, бархатистая щека совсем рядом, губы и того ближе. Как же хотелось поцеловать её. Как хотелось. Красивая. Молодая.

Он быстро оделся, волосы ещё не высохли после душа, спустился на первый этаж, там круглосуточно работал невзрачный павильон цветов. Хозяин – выходец из Средней Азии, – торговал всегда свежайшим товаром. С флористикой ни он, ни его продавец знакомы не были, а вот сами цветы были словно только-только из теплицы. Купил алые розы, обернули лентой лишь ножки, чтобы была возможность взять в руки, особенно женские – тонкие пальцы, которые хотелось облизать, почувствовать папиллярный рисунок языком.

Выгонит – так выгонит. Игорь написал сообщение, стоя на лестничной площадке, и уже через секунды сжирал глазами девушку, открывшую дверь. Красивая... Молодая. Бесконечные ноги с аккуратными коленками, пальцы, обхватившие стебли роз. Шёлковые шорты с кружевом по бокам, при повороте становилось ясно – белья под ними нет. Майка с тонкими тесёмками, глубоким вырезом и такое же игнорирование нижнего белья.

Проступающие сквозь шёлк небольшие соски, форма груди – идеальная. Округлая, небольшая, дерзко стоящая, манящая.

Игорь не сразу сообразил, что в квартире пахнет свежей выпечкой. Неужели для него старалась? Взгляд приковала сначала Лера, а потом расправленная тахта, на которую ему указали рукой. Конечно, он понял, что она оговорилась. Растерялась, топталась на одном месте, не зная, куда деть руки, вот и выпалила: «Проходи». Но как же заманчиво, как заманчиво, чёрт побери.

Красивая, молодая, совершенная, кудри ещё не просохли после душа, пушатся одуванчиком, от кожи умопомрачительно пахнет, а формы, скрытые шёлковыми тряпочками, действуют одуряюще.

Да, он хотел. Хотел сильно. Невыносимо.

– Мы можем вежливо поговорить, а можем не слишком вежливо переспать. Что ты выбираешь?

– Обалдеть!

– Переспать?

– Да.

Она сказала: «Да». Да, именно «Да». Это не сделало Леру хуже в глазах Игоря, напротив, женщина, знающая, чего хочет, не стесняющаяся своих желаний – разве может быть кто-то лучше? Только молодая, красивая женщина, не стесняющаяся женщина. Одним словом – Лера.

Игорь подхватил её на руки, в комнате дал аккуратно положить цветы на стол, на поиски вазы не оставалось выдержки.

Уложил на спину поперёк тахты, навис сверху, любуясь. Какая же она... Нагнулся, оставляя поцелуй за мочкой, ответом ему послужил тихий стон. Опустился губами по шее, вдыхая запах геля для душа, шампуня, чего-то сладко-свежего, словно бархатистого, как кожа, которую он осыпал поцелуями, скользя губами, языком. Гладил ладонями, вычерчивая узоры, лаская, сходил с ума от происходящего. Оставлял губы на самое сладкое, сознательно оттягивая момент, смакуя предвкушение с не меньшим удовольствием, чем, он уверен, принесут сами поцелуи.

Едва сжал женскую грудь под майкой, ладонью ощутив упругость и штангу пирсинга. Второй сосок был без пирсинга – это Игорь почувствовал губами, обхватившими сосок через ткань. Лера изогнулась, подставляя себя под ласки, гладила его плечи, шею, выдернула футболку из брюк, забралась проворными руками под низ и легко царапала поясницу и живот, ныряя пальцами под пуговицу брюк.

Он перехватил руку, поднёс к лицу, лизнул женский палец, затем ещё один, не отрывая взгляда от каре-зелёной радужки напротив, едва сдерживаясь, чтобы не зажмуриться от удовольствия. Тонкие пальцы с нежными подушечками и гладкими, недлинными ногтями сводили с ума, включаясь в игру. Зрачки Леры расширились, дыхание ускорялось, становилось глубже, отрывистой, бедра двигались без остановки, потираясь промежностью о мужскую ногу. Хорошо тебе? Хорошо?

Игорь перекатился вбок, снимая одним движением шёлковую майку с девушки. Штанга – так же, как и остальные украшения, стального цвета, – смотрелась божественно на стоячей, округлой груди идеальной формы. Красивая. Безупречная. Футболку с него сняла Лера, откинула в сторону. В это же мгновение он прижал к себе стройное, гибкое тело, впечатал в себя, одновременно скользнув ладонью под шорты, огладив упругие ягодицы.

Пока отдавался отчаянной ласке женской груди, обхватывая поочерёдно соски, скользя языком по светлым ареолам, в то время как второй сосок гладил большим пальцем, другой рукой опустился ниже ягодиц, скользнул между, почувствовав ответное движение и то, как интуитивно Лера раздвинула ноги шире.

Пальцы скользили по пухлым, гладким, без растительности, складочкам, оглаживая пальцем клитор, чуть выше был пирсинг, такой вид называется «Кристина». Шальная девчонка. Красивая. Дерзкая. Она хотела. Как же она хотела! Игорь с трудом сдерживался, чтобы не войти сразу, на всю длину, махом и тут же начать двигаться в бешеном, необходимом ему темпе. Он терпеливо подготавливал и без того готовую девушку, скользя пальцем у входа.

Лишь когда снял брюки вместе с трусами, с помощью Леры, вжал её в пружинистую поверхность, ощутил своим голым телом её обнажённое, трепещущее, ждущее, отзывчивое – только тогда он прикоснулся губами к губам девушки, тут же теряясь в вихре поцелуя. Она отвечала, играла языком, она потрясающе целовалась, божественно. С каким удовольствием он бы почувствовал этот рот и проворный язык на своём до болезненности эрегированном члене. С какой радостью он протиснул бы между влажных губ напряжение, чувствуя головкой нёбо, как сейчас чувствует языком. Яйца буквально поджались к горлу, терпение было на исходе. Лера своими стонами, поцелуями, с готовностью раздвинутыми ногами подливала масла в огонь.

Игорь нагнулся к брюкам, вытащил презерватив, сел между разведённых женских ног, натянул латекс, навис снова сверху, решив, что для первого захода хороша будет миссионерская позиция, а по ходу можно сориентироваться, сменить. Тем более, Лера не возражала, смотрела на член плотоядно, с интересом и одобрением, упиралась на пятки, пододвигая на себя, тем самым раскрываясь сильнее и сильнее.

Не выдержал зрелища. Черт возьми, пухлые половые губки, сколькие от смазки, гладкие, с пирсингом сверху просили ласки. Он огладил языком по кругу, избегая прямого контакта, Лера была на грани, как и он сам, но хотелось кончить вместе. Эдакий бонус в сногшибательном подарке судьбы. Молодом, красивом, дерзком.

– Аккуратней, ладно? – услышал он, когда пристроился у входа, слегка надавливая. Какая тугая девочка, узенькая.

– Давно не было? – понял он. Ничего удивительного, что её ведёт, если давно без секса. Молодой организм требовал своё, а получая – ликовал и просил ещё.

– В общем-то, никогда, – облизнувшись, прошептала Лера, качнув бёдрами, призывая войти в неё.

– В каком смысле?

– В прямом...

– Ты девственница? – его подорвало на месте.

Девственница? Она девственница? Вот эта девушка с дерзкой улыбкой, потрясающим, гибким телом, отзывчивая на ласки, с пирсингом в соске и между ног – девственница? Отвечающая на смелую ласку между ягодиц, божественно целующаяся – девственница?

Тирада из бранной лексики вырвалась из Игоря, сотрясая покрасневшие уши Леры... девственницы.

Твою мать...

Глава 5

Рабочая неделя подходила к концу. Девчонки в отделе гудели, делились планами на выходные, кто-то собирался начать праздновать приход пятницы сразу после рабочего дня.

– Лер, пойдёшь с нами? – громко пригласила Маруся.

По документам Маруся была Мариной, когда и как она превратилась в Марусю, Лера не знала, это случилось до её прихода в компанию. Маруся была девушкой пышной, белокожей и с огромной толстой косой. А ещё невозможно влюбчивой. За то недолгое время, что они были знакомы, Маруся побывала во влюблённости в системного администратора Олега, начальника охраны, а сейчас её сердечко томилось по новому шефу – Виктору Геннадьевичу. «Витеньке», как с придыханием лепетала Маруся, укладывая пышные груди на лежащие на столе белые руки.

– Пойдём? – в дверях появился Олег, та самая, несостоявшаяся любовь Маруси.

Олегу было двадцать шесть лет, он перебрался в Питер из Ставрополя, осел, успел влезть в ипотеку, теперь попеременно страдал то от безденежья, то от «гнилого климата», тем не менее, уезжать не собирался. Леру Олег считал землячкой и по неписаному закону землячества взял над ней шефство в первые дни появления Леры в компании.

– Он мой! – заявила тогда Маруся, ткнув толстеньким пальцем в спину уходящему сисадмину.

– Ноу проблем, – улыбнулась Лера. Марусин, так Марусин.

Западать на чужих парней привычки у Леры не было, тем более не хотелось проблем на новом рабочем месте. Взяли её с испытательным сроком, терять работу из-за амурных разборок, пусть и ради симпатичного Олега, не хотелось абсолютно. Олег действительно был симпатичным. Кареглазый, с вьющимися тёмно-каштановыми волосами, обаятельными ямочками на щеках, придающими улыбке какую-то детскость. При этом парень высокий, широкоплечий и вообще – обаяшка.

– Настроения нет, – отмахнулась Лера.

– Поправим, – подмигнул обаяшка, щёлкнув указательным пальцем по шее.

– В другой раз, – Лера сделала ещё одну попытку отказаться. – Плохо себя чувствую.

– Может, домой проводить? – тут же вызвался Олег. Джентльмен.

– Не надо, – она отмахнулась.

Ещё неделю назад согласилась бы. И отметить пятницу, и на провожатого. Ничего серьёзного с Олегом не хотелось, вообще – ничего не хотелось, но хорошей компанией не раскидываются, так что Лера пару раз сходилась с Олегом в кино и один раз напилась в баре. Вернее, напился он. Лера усадила парня в такси, а сама направилась домой на другом.

– Эй, ты чего? – Маруся водрузилась на стул и внимательно посмотрела зелёными с поволокой глазами. – Не нравишься ты мне. Ты часом не «это»? – Брови на пухлом, хорошеньком лице выразительно поползли вверх.

– Чего-чего? – не поняла Лера.

– Ну... Сидоркин! – крикнула Маруся Олегу. – Выйди, а!

– Тебя не поймёшь, женщина. То приди, то выйди, – справедливо заметил системный администратор. Его действительно вызвала Маруся. Сейчас он сидел за рабочим местом девушки и разбирался с «я вообще ничего не нажимала, оно само как «бзынь», и во-от!»

– Выйди, будь человеком.

– Ладно, – Олег скрылся за дверью, дав на беседу три минуты. Рабочий день заканчивался, просиживать лишнее и разбираться с Марусиным «бзынь» и вот!» не хотелось.

– Ты беременна? – тут же выпалила Маруся.

На Леру тут же уставилась Архипова Лена, готовящаяся уйти в декретный отпуск, и Настя – Анастасия Николаевна, – руководитель их небольшого, но значимого отдела.

– Нет, – Лера уставилась на Марусю. Дети для той были болезненной темой, в каждом первом недомогании у женщин она видела два диагноза: «беременность» и «смотри, а то потом раз – и бесплодие». – Наоборот, – соврала она, чтобы избавиться от навязчивого внимания.

– А ты знаешь, что ПМС – один из признаков гормонального сбоя, ведущего к бесплодию? – села на своего конька Маруся, с сочувствием глядя на собеседницу.

– Нет у меня никакого бесплодия, – отмахнулась Лера, напряжённо глядя в монитор. Несколько минут до окончания рабочего дня. Ровно в восемнадцать ноль-ноль можно выключить компьютер и отправиться домой. – И я не беременная.

– Жаль, – отозвалась Маруся. – А ты за живот Архиповой подержись и точно забеременеешь!

– Муромцева, – спасла Леру Анастасия Николаевна. – Что со справками инженерно-экологического исследования для «Версаля»? – так назывался новый строительный объект, над оформлением природоохранной документации для которого и трудился отдел, где работала Лера.

– Олег! – тут же забыла планы на Лерино материнство и ломанулась из кабинета Маруся. – Давай, работай! – громыхала она в коридоре на системного администратора, пока Анастасия Николаевна собирала сумочку, чтобы идти домой.

Настя была старше всех, две недели назад ей исполнилось тридцать лет. Она была замужем, недавно вышла из декретного отпуска и каким-то чудом заняла место руководителя отдела экологии в крупной строительной компании. Местом своим Анастасия Николаевна дорожила, несмотря на внешнюю мягкость «строила» подчинённых с особенным рвением. При этом ровно в восемнадцать с рабочего места её словно кот слизывал. Нужно было успеть в садик за сынишкой.

– До свидания, – улыбнулась Маруся, встречаясь в дверях с Анастасией Николаевной.

– Жду, – улыбнулось руководство, ткнув в телефон, дескать, меня нет, но отчёт жду.

– Вот гадюка, – буркнула Маруся после того, как Олег всё-таки разобрался с поломкой в её компьютере. Архипова засеменила к выходу, придерживая живот под её мечтательным взглядом, а Олег всё ещё не терял надежды затащить Леру куда-нибудь развеяться и топтался рядом с её столом.

– Вы чего, даже не подождёте меня? – заныла Маруся, изображая кота из мультфильма «Шрек», глядя на Леру с Олегом.

– В течение рабочего дня надо работать, а не чай с плюшками гонять, – назидательно, пряча смех, отвесил Олег.

– Ладно-ладно, – Маруся прищурилась, окатывая Олега взглядом, полным презрения.

Лера тем временем выключила компьютер, накрасила губы, мельком глянув на себя в зеркальце, и поспешила на выход. Не было настроения вникать в межличностные разборки коллег. И вообще, ни для чего настроения не было.

У Леры было важное дело – прийти домой и уставиться на дом напротив. Там, на пятнадцатом этаже, находилось «любовное гнёздышко» Игоря, и она целыми вечерами гипнотизировала окна, даже не будучи уверенной в том, что это именно его окна. А уж о цели своей гипнотической атаки Лера и вовсе не ведала.

Увидит свет в тех окнах, что сделает? Поднимется к нему? Скажет «привет»? Дудки! Никуда она не поднимется, ничего не скажет. Но ведь пялится на эти окна, словно она – мотылёк, а они – единственный источник света. Самой противно!

Нужно просто-напросто забыть о нём и о том, что случилось. Какой смысл изводить себя воспоминаниями, да и было бы что вспоминать! Даже с Олегом её связывает большее, да с кем угодно больше связывает, чем с Игорем.

Лера фыркнула себе под нос, закинула зеркальце в сумочку, поспешно встала и твёрдо попрощалась с Олегом, игнорируя явное расстройство на его лице. Всё равно собеседник из неё сегодня плохой, лишь испортит настроение парню.

– Созвонимся, – добродушно ответила Маруся, тут же забывшая, что все её, разнесчастную, покинули. Хотя, Олег уселся на стул посередине кабинета, кажется, он намеревался отправиться на приключения с Марусей. Изначальный план звучал как «оторваться», так что она – лучшая компания для этого.

Лера выскочила в длинный офисный коридор, на ходу поправляя юбку от невидимых складок.

– Здравствуйте, Виктор Геннадьевич, – почти врезалась она в высокое начальство.

Виктор Геннадьевич был директором по производству, куда и входил отдел экологии. Рядовых сотрудников он касался мало, скорее всего не всех знал по имени, но проигнорировать руководство было бы хамством. Начальство было высоким лишь фигурально, на самом деле Лера смотрела на мужчину сверху вниз, чувствуя себя немного неловко. Но не переставать же носить обувь на каблуках только потому, что уродилась высокой.

– Здравствуйте, – буркнул Виктор Геннадьевич и обворожительно улыбнулся, – Валерия.

Виктор Геннадьевич действительно был привлекательным мужчиной, несмотря на небольшой рост. Да и какой «небольшой»? Метр семьдесят два точно есть, для мужчины – средний рост, даже высокий. Для Марусиных ста шестидесяти в самый раз, например, а Лера привыкла смотреть на мужчин или сверху, или наравне. Испытывать неловкость за свой рост она перестала в шестом классе, а с тех пор выросла сантиметров на пятнадцать, как минимум, сравнявшись с метр семьдесят восемь, плюс – не отказывала себе в шпильках сантиметров на двенадцать.

Сейчас, правда, каблук босоножек был невысокий, устойчивый, сантиметров восемь, зато хлястик оборачивался дважды вокруг лодыжки и заканчивался игривым бантиком.

– И до свидания, – нашлась Лера и поспешила на выход. Рабочий день окончен, останавливать её права не имеют, а с Виктором пусть Маруся флиртует, это по её части.

– До свидания.

Лера почти завернула за угол, как столкнулась с женщиной. Не врезалась, успела отпрыгнуть, да и он быстро сделал шаг назад, придержав почти упавшую на него девушку.

– Лера? – она уставилась на Игоря, владельца квартиры, куда она мысленно поднялась раз двести за прошедшую неделю и столько же раз содрогнулась от собственных мыслей.

– Добрый вечер, – пролепетала девушка, обходя соседа, лихорадочно соображая, что он здесь делает. Не её же ищет? Да и не говорила она, где работает... кажется, не говорила, да точно не рассказывала!

– Что ты здесь делаешь? – Игорь нахмурился, смотря немного сверху. Надо же, даже на каблуках Лере приходилось немного приподнимать голову.

– Иду домой, – девушка нервно отдернула руку и рванула к лифтам, благо один был открыт, и она успела заскочить, содрогаясь внутри, будто Игорь побежит за ней.

Наверняка пришёл по делам, не связанным с её персоной. Давно ходил слух – меняют поставщика встроенной мебели в квартирах, сдаваемых под ключ. Лера особенно не вникала, её дело сторона, но то, что при желании квартиру можно было купить не только с полной отделкой, но и меблированную, слышала. Игорь занимается мебелью, наверное, он и есть новый поставщик. Хорошо, что она работает в отделе экологии, никакого отношения к чистовой отделке не имеюшем.

Она уже стояла на остановке трамвая, всё ещё приходя в себя от неожиданной встречи, когда знакомый БМВ остановился, и открылось стекло с правой стороны. Убегать как-то глупо, но и садиться ещё более глупо.

Не мог проехать мимо? Сделать вид, что ничего не случилось, как сделал неделю назад, и скрыться в тумане? Тогда шикарно получилось – Лера слова сказать не сумела, хлопала глазами, как идиотка, глядя на голого мужчину в своей постели, флегматично жующего шоколадный кекс и запивающего чаем из её кружки. Не просто голого, а с эрекцией.

Так и сидели. Лера – прикрывшись простынёй, Игорь, жующий кекс, и его половой орган, изучающий что-то на подбородке своего хозяина – именно туда он указывал, строго вверх.

– Девственница? – ещё раз уточнил Игорь.

– Да, – ещё раз подтвердила Лера.

Не то, чтобы она как-то гордилась этим фактом или стыдилась... просто не скрыла, а потому сидела и чувствовала себя... о, более ужасно себя Лера не чувствовала никогда. Даже сидя в автозаке после акции протеста, ей было значительно уютней, чем в те несколько минут, пока Игорь жевал кекс.

– Сама пекла? – кажется, уже в третий раз спросил мужчина, а может и в пятый. Диалог поражал воображение разнообразием тем.

– Да, – снова ответила Лера. И подумала – если бы у неё был попугай, он уже выучил бы слова «девственница», «пекла» и «да».

– Молодец, – наконец дожевал Игорь. – Я пойду?

– Иди, – кивнула Лера. Действительно, чего бы не пойти? Всего-то распалил и обломал, слопал кекс, выпил чай. Пора и честь знать.

Поначалу Лера ждала сообщения, хоть какого-нибудь. С извинениями или объяснениями. Потом решила, что сама виновата, кто же такими откровениями шокирует мужчин прямо перед половым актом. Позже гипнотизировала окна. А теперь, когда она почти решила забыть всё, включая виновника её смутения – этот самый виновник смотрел на неё из БМВ и приглашал в салон.

– Лера, не веди себя как ребёнок, – через пять минут молчания отозвался Игорь. – Садись, – дверь авто приоткрылась. Лера отвернулась, взгляд упёрся в спешащую к остановке парочку – Марина и Олег. Она живо представила себе расспросы Маруси, косые взгляды Олега и забралась в машину.

– Куда тебя? – как ни в чём не бывало, спросил Игорь, игнорируя «здравствуй».

– Домой, – пробурчала Лера, смотря в зеркало заднего вида. Кажется, ей повезло: Маруся не видела коллегу, прыгающую в БМВ бизнес-класса. – Или к любому метро.

– У меня есть план получше, – Лера не оборачивалась на водителя, но была уверена, он

улыбается. – Прогуляемся?

– Где? – она всё-таки посмотрела на мужчину. Он был в светлой рубашке, расстёгнутой на пару верхних пуговиц, галстука не было, а спортивный пиджак отброшен на заднее сиденье.

– Это Питер, – улыбнулся Игорь, проведя по короткой стрижке ладонью, взлохмачивая стриженные, жёсткие волосы. Он быстро надел солнечные очки, подмигнув через поляризованное стекло и нажал на газ, срывая машину с места.

Дороги в сторону центра, где решил «прогуляться» Игорь, не были забиты, пробки начали собираться на выезд из города. Добрались быстро, правда, в тишине, прерываемой лишь FM-волнами. Лера не находила себе места, ёрзала по сиденью, переключала сумочку с места на место, чесала запястье, ругая себя на чём свет стоит. Игорь точно не неопытный пацан, видит её волнение, а Лере совсем не хотелось выглядеть ещё более глупо, чем ей уже пришлось выглядеть. Хотя, куда уже хуже?! Когда член мужчины находится почти в тебе, а через секунду уже смотрит в потолок. А сам обладатель органа спрашивает чёрт знает в который раз:

– Девственница? – будто от его вопроса плева рассосётся. Вообще-то, природа для этого придумала способ эффективнее, а именно – пенис мужчины.

– Ты голодна? – наконец произнёс Игорь. Не то, чтобы именно этих слов ждала Лера, но было бы неплохо, если бы он начал говорить.

– Не особенно.

– А я – да, – отозвался он. – С семи утра на ногах, три эспрессо за день маловато, – он снова подмигнул сквозь солнцезащитное стекло. – Знаю симпатичное местечко, тебе понравится, – с этими словами Игорь вырулил на Почтамтскую улицу и остановился, припарковав БМВ у тротуара.

Лера оглянулась, никаких ресторанов и кафе она не увидела. Игорь тем временем открыл дверь и подал руку. Они прошли во двор, и только тогда она сообразила, куда именно её привезли.

Интересно, ужин в «Мансарде» – одном из самых дорогих панорамных ресторанов Санкт Петербурга – рассматривается Игорем как извинение или подкат?

Про «Мансарду» Лера слышала не единожды, порывалась несколько раз сходить, но компании не нашлось. Не звать же Марусю. Та ради интереса наверняка согласилась бы, но могла не пройти дресс-код, который, судя по отзывам в интернете, там был. К тому же, ценник на блюда был почти астрономический для средней зарплаты клерка. Не то чтобы стейк из лосося за тысячу двести рублей и спаржа на гриле за семьсот девяносто подорвали бы бюджет, но нервы потрепали бы точно. В общем, «не по Сеньке шапка», как любил говорить папа.

Хостес радушно провела пару к первому ряду столиков с самым лучшим видом на крыши домов и купол Исаакиевского собора. Лера возблагодарила небеса, что сегодня на ней были Джимми Чу, а не Би-фри, и принялась изучать меню. Выбор пал на «Азиатский салат с морепродуктами» и «Дорадо с базиликом и брокколи», плюс свежавыжатый апельсиновый сок – недёшево, но Игорь не похож на церковную мышь, а изображать из себя Дюймовочку, жующую на ужин половинку зёрнышка, настроения у Леры не было. Компенсация за несостоявшийся секс – так компенсация. Игорь был верен себе, никаких изысков не заказал. Всё тот же борщ, стейк рибай, запечённый картофель и минеральную воду.

– За знакомство, – Игорь поднял высокий фужер с минералкой.

– За знакомство, – улыбнулась Лера.

– Итак, предлагаю начать заново. Игорь. Игорь Вячеславович Алёшин, владелец мебельной компании, имею двух дочерей, почти, женат.

– Суздалева Валерия Валерьевна, – подыграла Лера. – Компаниями не владею, детей нет, семейное положение – не замужем. А «почти» – это почти двое детей или почти женат?

– Как может быть почти двое детей?

– Может, третий на подходе?

– Почти женат, – Игорь заметно сморщился, будто у него киста в зубе и при нажатии ему невыносимо больно.

– И сейчас ты будешь рассказывать, как всё плохо у тебя с женой, – Лера невольно закатила глаза.

Вообще-то, стало обидно, и сильно, но виду не подала. Она была уверена, что Игорь в разводе, воскресный папа, всё на это указывало, а оказалось – женат, ещё и врёт, что «почти».

– С женой у меня действительно трудности, но не стану тебя нагружать своими проблемами. Лучше расскажи о себе.

– Не знаю, что рассказывать, – Лера задумалась. – У меня скромная биография, ничего примечательного. Закончила школу, институт, переехала в Питер.

– Кем работаешь в строительной компании? В отделе Виктора Геннадьевича или совпадение?

– В отделе экологии.

– Ясно. Борешься за чистоту окружающей среды.

– Если бы! – воскликнула Лера, тут же одёрнув себя. – Это я раньше думала, буду пользу людям приносить, экологию защищать, а на деле вред природе согласую с регламентом. Техническими и эксплуатационными картами.

– А хотела спасти природу? – он улыбнулся.

– Мы спасали, на Байкал ездили, митинги устраивали, одиночные пикеты.

– О? – в глазах собеседника мелькнул интерес.

– Ты ведь должен знать, что озеро Байкал входит во всемирное наследие ЮНЕСКО. Уникальное природное явление – достояние не только России, а всего мира. То, что сейчас происходит с озером – преступление против всей живой природы и человечества! – кипятилась Лера.

В течении пятнадцати минут она с жаром рассказывала о проблемах Байкала, о целлюлозно-бумажном комбинате, о реке Селенга, Иркутской ГЭС и ГЭС Монголии, спирогири. О Таловских болотах – единственном «пункте отдыха» для перелётных птиц почти всего мира, – и о попытке построить заводы по откачке байкальской воды.

Они, группой единомышленников, писали письма, подавали в суды, ходили на митинги и стояли в пикетах. Разговаривали с местными жителями, призывали мировую общественность, собирали мусор, оставляемый туристами и местными на берегу, мешками, вывозили грузовиками. Жили на берегу озера, устраивали прямые эфиры, даже отправились в Москву для протестов.

– Какая насыщенная жизнь, – Игорь покачал головой, словно сомневался в словах Леры. – А сейчас почему ты здесь, Байкал спасён?

– Обещала папе не связываться с плохой компанией, – Лера посмотрела на золотистый

купол Исаакия в мягких, обволакивающих сумерках.

– А кто у нас папа?

– А папа у нас – волшебник. – Лера отлично знала этот фильм-сказку, смысл поняла относительно недавно, а вот смотрела, кажется, сотни раз. Вернее, столько, сколько на папу накатывала ностальгия поверх поллитры крепенькой. – Начальник полиции у нас папа, – буркнула Лера, назвав нешуточное подразделение Краснодарского края.

На родине все знали, кто такой Суздальев Валерий Анатольевич, соответственно, и Суздалева Валерия Валерьевна была известна всем – если не в крае, то в родном городе точно. Здесь Лера не распространялась о родстве. Игорь стал первым человеком, которому она рассказала. А что? У неё и причина есть веская – мало кто скользил языком между её ног, всего два человека, а успеха достиг один – Алёшин Игорь Вячеславович. Если отказ от секса считать успехом... Лерин оргазм – несомненный успех, а вот всё остальное – провал года.

– С ума сойти, – Игорь, кажется, даже рот приоткрыл.

– Ешь, борщ остынет, – напомнила собеседнику Лера.

– Почему ты работаешь обычным экологом? – после пары ложек уставился Игорь на девушку.

– Самостоятельности учусь, – она хихикнула, покрутила тарелку с Азиатским салатом, сняла его на память, чуть позже выложит в Инстаграм. – Нас в Москве повязали, отец прилетел, вызволил меня, конечно, все вернулись на Байкал, а меня отвезли домой.

– Повязали?

– Ну, массовые беспорядки, протесты, затолкали в автозак, продержали в отделении, кого-то быстро выпустили, а меня двенадцать часов держали... оказалось, по просьбе папы. Меня потом большое руководство пред светлые очи поставило, лекцию прочитало, что я отцу врежу, что, дескать, первый и последний раз это нам с рук сходит. Нам – это мне и папе. А в следующий раз... В общем, папа на выходе из отдела как прошёлся мне по жопе ремнём, прямо на виду росгвардейцев! Они отвернулись, типа не видят ничего!

– Сильно прошёлся?

– Один раз, на самом деле, но, вообще, обидно!

– Ещё бы... – можно только представить, как Суздалеву было обидно, когда его тёплое, хлебное место покачнулось из-за выкрутасов родной дочери.

– Сначала он меня замуж грозился выдать, потом в Лондон отправить, потом сказал, что Петухова ему жаль, а в Лондоне я, чего доброго, в оппозицию подамся, как жертва режима. Тогда Валентина сказала, что мне пора учиться самостоятельности. В Москву, конечно, не пустили, а Питер – то, что надо. По мнению папы с Валентиной. Так что, я тут учусь самостоятельности... Вот, сижу, салатик ем, дорадо с базиликом, почти, как в Лондоне. Ты, кстати, не из оппозиции?

– Нет, – Игорь засмеялся.

– Какая жаль!

Потом они гуляли. Вечер был тёплый, ночь опустилась такая же, летняя, почти белая. Светло-серой завесой небо прикрывлось на пару незначительных часов, скоро небо стало светло-голубым, почти прозрачным. А воздух, тёплый, почти недвижимый, передавал задержавшееся волшебство лета.

Они забрели на набережную Фонтанки и прошли до Михайловского замка, по пути Игорь рассказывал городские легенды, щедро сдабривая историческими фактами,

подтверждая архитектурными изысками и совсем простыми, так называемыми, «доходными» домами.

Добрались до Невы, полюбовавшись на Летний сад. Вернее, любовалась Лера, а Игорь говорил, что до реставрации сад был красивее, а уж главная аллея и вовсе потеряла своё очарование. На Дворцовой площади, у фонтана рядом с Эрмитажем играли музыканты. Кто-то попсу, вокруг подтанцовывала и подпевала молодёжь, чуть поодаль устроились рок-музыканты, прохожих останавливал патлатый парень. Размахивая чёрной шляпой, он зазывал на импровизированный концерт. А ещё, в стороне от шума, худенький парнишка играл на скрипочке. Звуки почти не были слышны, но люди подходили и щедро сыпали бумажные купюры в коробку.

Вовсю трудились художники. Кто-то рисовал портреты, а где-то вырисовывали баллонами с красками футуристические и космические пейзажи, тут же выставляя их на продажу. И торговали, торговали, торговали. Всем и вся. Ручки, шапки-ушанки, кружки и сувенирные тарелки, поездки в карете.

Город – живой, дышащий, не верящий своему счастью – по летнему тёплой погоде в сентябре, – существовал по своим законам, раздавая счастье просто так. Ему, городу, вовсе не жалко. Бери, впитывай, храни и помни!

Рука Игоря опустилась на талию Леры, обосновалась там. Они шли нога в ногу, меряя шагами брусчатку Дворцовой площади, ступени Конногвардейского манежа со скульптурами Диоскуров и одноимённый бульвар. Галерную улицу, будто застрявшую меж веков – узкую, покрытую брусчаткой, с потрёпанными фасадами домов и великолепной аркой на просторную Сенатскую площадь, Медного всадника и гладь Невы.

Игорь привёз Леру домой только под утро. Когда после долгой прогулки ужин из «Мансарды» забылся, они заскочили в демократичный Макдоналдс на Большой Морской и совершенно по-студенчески съели по Биг Маку и картошке фри.

– До встречи, – он поцеловал в щёку Леру у дверей квартиры, проследил, чтобы она закрыла дверь, и ушёл.

Через несколько минут Лера рванула дверь на себя, распахивая её в какой-то нелепой и отчаянной надежде, что Игорь стоит и ждёт... Но он не стоял, не ждал, а цифры над лифтом неумолимо бежали на уменьшение, пока не остановились на единице.

– Я взрослый мужик, Лера. С детьми, с массой проблем, тебе совсем не нужных. Ты – молодая, чертовски привлекательная девушка, – на «девушке» он сделал особенный акцент, хотя Лера и заверила его, что ничего особенного в собственной девственности не видит, просто... вот так получилось. – Найдёшь себе хорошего, подходящего парня, а пока мы можем встречаться время от времени, если ты захочешь.

– Встречаться?

– Дружить, – уточнил он с улыбкой.

– Как в пятом классе? – почему-то Лере вспомнился одноклассник и прогулка четырнадцатого февраля. Тогда в этом было многим больше романтики, просто тонна романтики. А вот в предложении дружбы с тридцатипятилетним мужчиной – поправочка, привлекательным мужчиной, – ничего романтического не было! Даже близко.

– Как в пятом, — рассмеялся Игорь и чмокнул в щёку. Левую. Около уха.

С другой стороны, Игорь прав. Что у них может быть общего? Ничего! Ещё и женат...

Таким дураком Игорь себя не чувствовал давно, а может, никогда в жизни. Отказаться от секса с потрясающе красивой молодой девушкой, а потом предложить ей дружбу. «Как в пятом классе», – верно заметила Лера, не скрыв своего разочарования.

Хорошо, он не мог ничего предложить молоденькой девчонке, но переспать-то мог. В первый раз, что его остановило? Что вообще в состоянии остановить несущийся на полном ходу тепловоз?

Девственница. Девственница, мать её! Первая прострелившая мысль была – сколько ей лет на самом деле? Паспорта Игорь не видел. Выглядит и говорит не как малолетка, но, чёрт возьми, посмотрите на современных школьников – пугающая эмансипация!

А потом он доел кекс, к слову, потрясающий на вкус, встал и ушёл. Самый идиотский поступок за все тридцать пять лет жизни Алёшина Игоря Вячеславовича. Глупее было только запустить сырое куриное яйцо в работающий вентилятор, но тогда ему было пять лет, он был любопытным мальчишкой – это немного извиняет проявленную тупость.

Ничего любопытного в девственности Игорь не видел. Он долго копался в памяти, вспоминал все свои постельные похождения и не вспомнил ни одной девственницы. Ни одной! Даже в юные восемнадцать ему настолько не «везло», а тут – пожалуйста. И зачем ему сдался этот ценный приз?!

Некрасиво получилось. Когда поднялся в свою квартиру, чувствовал себя не только дураком, но и мудаком. Нужно было, наверное, поговорить. Успокоить. Объясниться. Пообещать дурёхе, что всё у неё будет хорошо... влюбится, выйдет замуж, родит детей. Или, наоборот, построит карьеру, станет именитым политиком. О чём там девственницы мечтают... Кота ей подарить.

Угрызениями совести мучиться было некогда. Днём – работа. Неожиданно подвернулся долгосрочный контракт со строительной компанией, открытие производства в Туле пришлось как нельзя кстати. Ближе к вечеру заезжал к Алёне, к четвергу удалось уговорить её на лечение в рехабе в Австрии. В успех Игорь не верил, элементарно хотел освободиться от обузы на ближайшие месяцы. Он настолько устал от чувства вины, что перестал ощущать, адаптировался. На следующей неделе он лично отвезёт Алёну, пробудет с ней пару дней, вернётся домой и, наконец, выдохнет спокойно. Хотя бы на ближайшее время.

Обо всём этом Игорь думал, когда заехал к приятелю, представителю будущего партнёра – Виктору Шиманову. С Витькой Шимановым они познакомились давно, на горнолыжном курорте. Игорь был с женой, тогда ещё без детей, а Виктор с любовницей, как оказалось впоследствии, одной из трёх, при живой, симпатичной жене. За поведение своё Виктор расплатился – через несколько лет жене надоело терпеть похождения мужа, она подала на развод и поделила не только имущество, но и бизнес благоверного, естественно, в свою сторону. Пока Витя таскался по бабам, жена ходила по юристам и бизнес-консультантам. Выплыть после «вероломства» супруги он так и не смог, продал остатки предприятия за бесценок всё той же бывшей жене и подался в наёмные работники. Сейчас Витя занимал хорошую должность в строительной компании и, в общем и целом, ни о чём не жалел.

И надо же, когда Игорь твёрдо решил, что пора бы перестать думать о новой соседке, нежной коже, пирсинге между ног, аромате духов от стройного, гибкого, молодого тела и обо всём, что обеспечивало Игорю Вячеславовичу эрекцию посередине рабочего дня, будто он сопливый пацан, едва перешагнувший пубертат, как виновница его состояния буквально

врезалась в него в коридоре строительной компании.

«Ленинград – тесный город», – вспомнил он слова матери, который раз за неделю. Быстро поговорив с Виктором, отказавшись от первоначального плана пригласить приятеля на неделовой ужин в неформальной обстановке, Игорь поспешил вниз, надеясь встретить Леру.

Зачем, спрашивается? За каким чёртом ему сдалась эта молодая, красивая девственница?! Что с ней делать? В шашки играть? Ага, в «Чапаева», мать его!

Лера, ожидаемо, стояла на трамвайной остановке. Были ещё остановки маршруток и автобусов, но до метро в это время суток быстрее добраться на трамвае. Лера не казалась девушкой, создающей себе лишние трудности, это проявлялось даже в выборе общественного транспорта.

Никакого плана у Игоря не было, была лишь красивая девушка в его машине, не по осеннему тёплый вечер и Питер. Отличное сочетание для «Мансарды». Естественно, мелькнула тщеславная мыслишка произвести впечатление на провинциалку, но её Игорь быстро отбросил. Леру явно не удивит куском мяса за три тысячи рублей и пафосными шмотками, а вот вид, который открывался из «Мансарды» завораживал даже Игоря – коренного жителя Петербурга.

Чем больше он разговаривал с Лерой, тем больше проникался к ней симпатией. Ничего наигранного, фальшивого в девушке не было, никаких мажорских замашек избалованной девицы, высокомерия или сжатых в брезгливой ухмылке губ. А ведь отец при таких чинах и званиях, что казалось – это должно стать частью образа Валерии Суздальной.

Об экологии заботится, искренне переживает за окружающую среду. Таловские болота, перелётные птицы – монгольский зуёк, тулес, сокращение численности бекасов. Казалось бы, кто об этом думает, кроме орнитологов? Кому интересна судьба крякв и огарей? А вот же она, Лера – сидела напротив Игоря и рассказывала со слезами на глазах о происходящем, а потом о судьбе тисо-самшитовой рощи в Сочи.

Не меньше подкупала любовь Леры к отцу, искренняя, девчачья, даже когда жаловалась на него. И правда, было на что обижаться. Первую машину купил дочери в восемнадцать лет, подержанный Матиз на ручке, и отдал негласное распоряжение штрафовать девчонку за любое нарушение.

«Все под богом ходим, случись что, ты должна понимать, как люди живут, чем. Должна уметь не только кнопки на красненькой машинке нажимать и ресницами хлопать, но и на грузовик сесть, или в танк, если придётся». С грузовиком и танком Валерий Анатольевич явно погорячился, но сам принцип воспитания Игорю был понятен и близок. А то, что Лера не обижалась на отца, а смеялась над своими детскими обидами и методами папы – бесконечно импонировало.

Не обошли стороной и тему девственности. Двадцать два года. Молодая, спешить некуда, но ведь созрела для интима, не дурёха шестнадцатилетняя. Главное – красавица. Не закомплексованная, не стеснительная, хоть уши пару раз полыхнули, когда Игорь обнимал сильнее, чем обещал сам себе.

– Да мне как-то не мешает, – рассмеялась тогда Лера, отвечая на бестактный и нелепый вопрос Игоря. – Так получилось.

– Принца ждала? – И дождалась. Мужика с проблемами, детьми, в полтора раза старше.

– Не ждала. Просто... – Лера потупилась, а Игорь перестал спрашивать, перевёл

разговор.

Они остановились как раз напротив Соляного городка на набережной Фонтанки, напротив Летнего сада. Сейчас мало кто помнит, что именно там располагалась первая верфь в Санкт-Петербурге. Партикулярная верфь помогла уйти от щекотливой темы и вернуться к непринуждённой беседе.

У дверей Лериной квартиры он целомудренно поцеловал девушку в щёку, расставил точки над *i*, обозначил ситуацию предельно ясно и максимально по-идиотски, предложил «дружить» и ушёл.

Как только его ноги унесли... Давно Игорь не испытывал такого влечения к женщине. Он не просто хотел секса, рассматривая кандидатку на постель с ним, беспристрастно и отстранённо, как это часто бывало. Не просто испытывал желание заняться сексом с конкретной женщиной, что тоже случалось в его биографии – встречались особенно манкие женщины, с которыми не терпелось провести ночь.

Он хотел Леру всю. От и до. От русских кудрей, рассыпанных по плечам, полных губ, подчёркнутых блеском, до запаха от кожи за ухом. От задорной, девчачьей улыбки, до провокационно пропущенных тонких пальцев в шлёвки его брюк. Кажется, никогда и никого в жизни Игорь не хотел так, или не помнил подобного.

На неделе он два раза приезжал к Шиманову, почему-то подгадывал к обеду, и два раза приглашал Леру, в это время у неё обеденный перерыв. Первый раз они сходили в «Токиосити» – вполне сносная кухня и пешая доступность стали железными аргументами в пользу сетевого ресторана. Второй – Лера затащила Игоря в KFC, где она ела куриную ногу, а Игорь – острые крылья, и в духе озабоченного подростка представлял на месте куриной голени собственный член. Вот Лера приоткрывает рот, вот губы прикасаются к поджаренной корочке, вот мелькнул ряд белых зубов и прикусил... Приходилось время от времени одёргивать себя и норовивший приподняться член.

Гормональный вброс, честное слово! Идиотизм высшей пробы! Больше тупостью было только предложение дружбы. Даже в пятом классе Игорь с девочками не дружил. Сначала они не интересовали мальчишку – в компьютерные игры не играли, на рыбалку с дедом девчонку не пригласишь, вся изноется, в «квадрат» во дворе-колодце мяч не гоняли. А когда обратил внимание на противоположный пол – желания дружить тем более не возникало. Приятельницы, одноклассницы, однокурсницы, коллеги, подчинённые – были, но не подруги. На тридцать шестом году жизни Алёшин Игорь Вячеславович обзавёлся подругой – двадцатидвухлетней красоткой, которую мечтал затащить в постель и сам же отказывался от этого.

«Лол», как сказала бы сама Лера.

Когда Игорь, в пятницу вечером заезжал в свой район, чтобы заскочить за необходимыми вещами для детей – мать надиктовала список, и у самых дочек появлялись острые нужды едва ли не ежечасно, – он был в шаге от того, чтобы отменить собственное предложение дружбы. Останавливало одно – отсутствие перспективы.

Что он мог предложить Лере взамен? Стать любовницей женатого мужчины? Взвалить на себя его проблемы? Жену алкоголичку, детей, упрямую мать? Двадцатидвухлетняя красавица должна развлекаться в ночных клубах, встречаться с парнями, отдыхать на фешенебельных курортах или ходить в походы. Следить за тенденциями моды, а не за двумя шестилетками.

Как обычно, на въезде в дворовую территорию образовалась пробка, Игорь покорно

пристроился в хвост очереди, понимая – история будет долгой. Впереди маячили огни скорой помощи, которую старательно огибал нескончаемый поток машин, протискиваясь между припаркованными автомобилями, каретой скорой и поребриком газона перед детской площадкой. А если какая-нибудь дамочка застрянет, или кто-то тронется в обратном направлении – из двора, можно смело вытягивать ноги и подремать минут тридцать-сорок – фигурально выражаясь, конечно.

Впереди мелькнула знакомая женская фигура. Лера. Всё-таки она божественно сложена. Игоря заводило всё в ней – высокий рост, длинные, стройные ноги, небольшие бёдра, упругие ягодицы, линия плеч, чуть торчащие лопатки и ключицы, длинная, изящная шея и маленькие уши. Воплощение красоты, молодости, яркости, вспышки на солнце. Будоражающая воображение, заставляющая не отрывать взгляда от высокой, стройной фигуры в платье ниже колена, летящего силуэта. Фантазмагория.

Прекрасную картину нарушил парень, кажется, коллега Леры, Игорь видел его в коридоре компании. Молодой, довольно приятный, как назло, подходящий девушке по возрасту и внешности. Простоват, но, чёрт возьми, Лера не страдает снобизмом. Пацан только в начале жизненного пути, ему есть, что предложить девушке, в отличие от Игоря.

Парень догнал Леру, тряхнул пакетом из соседнего супермаркета, та улыбнулась, заглянув внутрь, одобрительно кивнула и взяла брюнета под руку. Твою мать! Что она творит?! А что она творит? Пригласила коллегу и приятного парня домой.

Имеет право. Полное. Моральное. Мать его. Право.

Посидят, поговорят, переспят. Того вряд ли остановит девственность, Леру тоже, а ты, Алёшин, кури бамбук. В понятие «дружба» секс не входит, а девушка молодая, горячая, организм требует. Давай же, порадуйся за друга, Игорь Вячеславович! Сейчас твою подружку разложат на тахте, и чернявый урод рассмотрит весь интимный пирсинг.

Твою мать!

Через двадцать минут Игорь быстро покидал нужные вещи в сумку, бросил в багажник машины и выехал из подземного паркинга во двор, думая только об одном: сейчас, прямо сейчас, лапы какого-то левого мужика шарятся по телу Леры. Это вообще как, нормально? И то, что шарятся, и то, что он об этом думает. Всё ненормально!

В том, что он зашёл в Лерин подъезд и вызвал лифт, было ещё меньше нормального. А уж его застывшая фигура у знакомой двери и вовсе тянула на инсталляцию «ненормальный идиот», но Игорь продолжал звонить в дверь, кусая щёку изнутри от злости.

– Ты? – Лера распахнула дверь, он быстро оценил, что она в том же платье, всё ещё не растрёпанная, и помада не размазана. – Что ты здесь делаешь?

– Я? – А что он здесь делает? Чепухой страдает. – Пришёл пригласить тебя за город, – Игорь сделал два шага вперёд и объявил это громче, заодно скользя взглядом по запрошенной, слава богу, тахте.

– Куда за город? – опешила Лера. – Зачем? Когда?

– На дачу, сейчас, – нёс откровенную чушь Игорь.

Куда он пригласит Леру? К себе в загородный дом, где полно вещей жены? На дачу к матери? Она, кстати, ждёт. Нужно помочь убраться во дворе, собрать насыпавшиеся еловые иголки, собрать созревшие яблоки и убрать бассейн. Ещё на удивление тепло, но погода уже точно не для купания на открытом воздухе, того и гляди подует северо-западный ветер и зарядят привычные осенние дожди.

– Не могу сейчас, – растерялась Лера, бросив взгляд на кухню, Игорь прошёл туда, не

спрашивая позволения.

За обеденным столом сидел тот самый парень, перед ним стоял открытый ноутбук, вокруг лежали диски, валялся внешний жёсткий диск. Парень почесал переносицу и вопросительно уставился на Леру.

– Я это... могу в другой раз, или домой взять, – чернявый переводил ошарашенный взгляд с растерявшейся Леры на мечущего молнии Игоря. – Олег, – наконец нашёлся пацан, протягивая руку для рукопожатия.

– Игорь... Вячеславович, – осталось только добавить «молодой человек», приподнять шляпу и прищёлкнуть каблуками. Самому смешно и противно, а остановить себя Игорь сил не находил и не хотел найти. Единственное желание в обозримом будущем – избавиться от навязчивого поклонника Леры.

Рукопожатие вышло крепким, Олег не растерялся и, очевидно, своего упускать не собирался. Своим он считал Валерию Суздальеву, только ошибка вышла – у Игоря, мать-перемать, Вячеславовича противоположное мнение. Лера – его фантазмагория.

– Может быть, чаю? – не вовремя решила сгладить обстановку девушка. – У меня кексы есть. Шоколадные, – на слове «шоколадные» она уставилась на Игоря.

– Возьми с собой, – отдал приказ Игорь. – Ветровку не забудь, джинсы, смену обуви и белья, зубную щётку и всё остальное, – глубокомысленно завершил он свою речь.

– Шутишь?

– Нет.

– Шутишь же!

– Нет. И у нас мало времени, если не выдвинемся в путь в течение получаса, проторчим в пробке до ночи. Олег, – Игорь перевёл разговор в нужную ему сторону, – вы пришли что-то починить?

– Что-то, да, – желваки на лице Олега опасно заходили.

– Вы можете взять работу домой? Я оплачу неудобства, – а лучше утопит горе-мастера в Финском, благо, залив недалеко.

– Не надо оплачивать, – вспыхнул брюнет. – Лер, я в понедельник принесу, здесь дел на пару часов.

– Ладно, – Лера пару раз моргнула, посторонилась, пропуская Олега, полыхающего сдержанным гневом, ожидающего, что она вот-вот остановит, ему не придётся уходить несолоно хлебавши, под торжествующим взглядом соперника.

– Обалдеть! – взвилась Лера, когда закрыла за Олегом дверь, всучив ему пакет из супермаркета, с которым парень пришёл, и кулёк кексов собственной выпечки, как компенсацию морального ущерба. – Что это было?

– Пришёл пригласить тебя за город, – решил стоять на своём Игорь. Идиотская ситуация, он выглядит полным кретином, хуже стать не может.

– По дружбе, естественно?

– Естественно.

– Игорь, какая дружба? Мальчик с девочкой дружил, мальчик дружбой дорожил?! Как трогательно, сейчас разрыдаюсь!

– Лера...

– Что? Наша так называемая дружба даёт тебе право вваливаться ко мне домой, выставить меня душой, а хорошего парня за дверь? Где твоя дружеская поддержка? Радость за меня? Может, у меня личная жизнь начала налаживаться!

– Прикажешь презервативы тебе одолжить? По дружбе? – закипал Игорь не на шутку.

Не столько на слова Леры, сколько на собственный идиотизм. Действительно, зачем пришёл? Что он мог предложить? Олег – мог. А ему, при прочих неравных, предложить нечего, кроме головной боли и неминуемого разочарования.

– А почему бы и нет?! – взвизгнула Лера, притопнула, в глазах мелькнули слёзы.

Он обидел её, обидел не один раз. Возможно, даже оскорбил своим отказом. Назидательно прочитал лекцию о недопустимости связи с женатым мужиком, осталось шпифануть высокомерным, сквозь губу, изречением о девичьей чести. Позже издевательски приглашал на обеды, совершенно не думая о чувствах Леры, а сейчас устроил безобразную сцену ревности, не имея ни малейшего основания и прав. От всех оснований и прав он отказался лично. И тот факт, что поступил из лучших побуждений, не может его оправдывать...

– Лера, пожалуйста, прости, – Игорь сделал два шага вперёд, обхватил девичье лицо ладонями. Кожа шелковистая, нежная. Глаза светло-карие, с зелёным ободком по радужке. Губы... какие губы... – Пожалуйста, прости.

– Ладно, – Лера рвано выдохнула, он не выдержал, прижал её личико к своей щеке, наслаждаясь таким вот поцелуем, хотя бы таким, сходя с ума от происходящего. – На счёт дачи я серьёзно, правда, там моя мама... и дети.

– Серьёзно? – она нахмурилась.

– Да. Заодно ты убедишься, что я действительно почти женат.

– Зачем мне в этом убеждаться?

– Лер, дай мне время, – ему нечего было больше сказать.

Игорь ничего не мог пообещать, даже самого простого – быть с ней столько, сколько той захочется. Очевидно – ему станет мало. И они увязнут в ненужных, болезненных отношениях.

Странно, но Лера согласилась поехать, хоть и тряслась, как куций хвост на морозе. Удивительная девушка, смелая, честная, откровенная. Взяла остатки шоколадных кексов, собрала вещи в небольшую сумку, пока Игорь звонил матери и предупредил о госте, и поехала.

– Неожиданно, – ответила мать.

– Это не то, что ты думаешь. Мы дружим.

– Твоему другу где стелить? – елейно проговорила мать в трубку, явно намереваясь не ограничиться парой ехидных замечаний.

– Естественно, отдельно, – в любом случае отдельно.

Там девочки, и если гостя Леру они воспримут дружелюбно, то чужую тётку Леру в постели отца – вряд ли. Не такие они и малышки, к сожалению. Игорь всё отчётливее понимал – он должен был развестись давно, не ломать комедию перед детьми и людьми. Теперь любая женщина в его жизни, не только Суздалева Валерия, будет воспринята детьми как человек, лишивший их матери. Разлучница.

– Интересные новости, – отчеканила мать.

Через несколько часов Лера смотрела на небольшой, двухэтажный дом в тихом дачном посёлке. С кустарниками облепихи вдоль ограды и налитыми красными яблоками, грозившими сломать ветки, тянущиеся к дороге через забор.

Деревянная ограда открывалась, дочки дружно оттаскивали створку, а потом глядели, как БМВ папы въезжает на небольшую зелёную площадку перед домом, сбоку которой примостилась деревянная, выдавшая виды беседка и гамак, растянутый между старой сливой и раскидистой, корявой яблоней, с теми самыми, сочными яблоками.

Пахло палёным – где-то жгли начавшие опадать листья, – и немного осенью.

– Привет, – бросилась Лиса к Лере. – Ты к нам в гости приехала?

– Можно? – Лера присела на корточки и заглянула в глаза малышке.

– Можно, – деловито ответила за сестру Лина. – Бабушка уже кровать застелила на втором этаже, вон там, – детская ручка показала на немного перекошенный балкон.

– Здравствуйте, – на пороге появилась мать и внимательно оглядела Леру.

Глава 7

Лера пожалела о своём решении ещё до того, как села в автомобиль Игоря. Боже! Невероятная, глупость, пошлость даже – ехать в гости к женатому мужчине. Не просто на дачу, а туда, где живут его мать и дети.

Игорь шептал: «Прости», проводил большим пальцем по щеке Леры, гладил у мочки, а она кивала, как сувенирная собачка на панели автомобиля. От него пахло привычным уже парфюмом, немного сладковатым, не резким, с привкусом свежести, как ветер с Финского залива. Когда этот запах успел стать привычным? А тепло от рук таким желанным?

Нельзя было соглашаться! Нельзя! Лера согласилась, покидала вещи в сумку, закрыла дверь квартиры, а потом всю дорогу себя уговаривала, что ничего особенного не произошло.

Игорь – взрослый человек и знает, что делает. Наверняка, на тысячу процентов, если бы присутствие Леры было неуместно, он не позвал бы её, даже на эмоциях. Речь о детях, а он – отличный отец, заботливый, вникающий. Это скользило в разговорах, нечаянных словах, взгляде, когда он показывал фотографии дочек.

К тому же Игорь сказал: «убедишься, что я почти женат»... Он никогда не говорил о жене, даже вскользь не мелькало имя или упоминание, а Леру мучало любопытство: Кто эта женщина? Где? Почему Игорь о ней не заикается? Что вообще может значить фраза «почти женат»? Почти разведён – понятно. Почти женат – расплывчатая, дурацкая формулировка.

А ещё не хотелось лезть в чужую семью, исключать ложь в словах Игоря она не могла. Он – мужчина, особенных иллюзий в отношении сильного пола у Леры не было. Росла с отцом, все «грешки» и «грязные тайны» приятелей родителя мелькали на её глазах, как в калейдоскопе. Менялись лишь «стекляшки» – женщины. Декорации были одинаковы – гостеприимный дом друга.

Лера не хотела разбивать чью-то семью, нести раздор в дом. Одновременно её снедало любопытство, желание побыть с Игорем все выходные и стыд за собственное поведение, свою неуместность в гостях привлекательного мужчины, от одного взгляда на которого замирает сердце.

Ко времени, когда машина свернула с трассы на прилегающую дорогу, покрытую хлипким асфальтом, бредущую сквозь смешанный лес, с виднеющейся, усыпанной хвойными иголками и начавшими опадать листьями, землёй, кустарниками близ дороги и соснами вдаль, Лере удалось уговорить себя, что всё хорошо. Почти в рамках приличий. В любом случае, она может уехать – одно нажатие в приложении, и приедет такси.

Дача Леру удивила. Трудно сказать, что именно она ожидала увидеть, но самый обычный, двухэтажный, щитовой дом, деревянный забор с такими же воротами, оттаскиваемыми вручную, несколько хозяйственных пристроек позади дома и огороженные крашеным кирпичом клумбы с хризантемами и астрами не вписывались в образ преуспевающего бизнесмена Алёшина Игоря Вячеславовича.

– Здравствуйте, – услышала Лера и тут же поднялась с корточек – пришлось присесть, чтобы поболтать с дочками Игоря. Она сама не ожидала, что незамысловатая приветственная беседа с детьми ей понравится. Смешные они всё-таки и красивые. Синеглазые, как куклы.

На крыльце тёмно-зелёного дома с деревянными перилами и ажурным карнизом под козырьком стояла женщина, мама Игоря. Лера замерла, видимо, сегодня день неоправдавшихся ожиданий. Лера представляла эдакую полную седую старушку с подкрашенными губами, на неё же смотрела довольно стройная женщина лет шестидесяти, с короткой, стильной стрижкой, сверлящим взглядом и крупными, авторской работы, украшениями в ушах и на шее.

– Здравствуйте, – отозвалась Лера, надеясь, что не слишком побледнела. Боже! Зачем она приехала? На лице матери Игоря читалось явное неодобрение. Естественно! Разве матери понравится, что женатый сын тащит в семейный дом любовницу... ну, хорошо, не любовницу, а подругу. Кто поверит в «дружбу», если сами «друзья» не верят?

– Меня зовут Лидия Максимовна, – женщина вопросительно посмотрела на Леру, сожрав по пути взглядом, без соли и хлеба, не дожидаясь вежливого: «Приятного аппетита». – С Алисой и Алиной, полагаю, вы знакомы, – не стала она дожидаться ответа. – С моим сыном – тоже.

– Мам, – одёрнул Игорь, стрельнув недовольно взглядом.

– Здравствуйте. Меня зовут Валерия, Лера, – Лера сделала шаг вперёд, игнорируя Игоря. – Приятно познакомиться, – пришлось сделать вид, что недовольный взгляд Лидии Максимовны она так же не увидела, как и возмущённый Игоря. – С Лисой и Линой я знакома, с Игорем тоже, – добавила она.

– Проходите в дом, – Лидия Максимовна широко распахнула дверь, приглашая жестом проходить. Девочки выхватили сумки из багажника, на ходу ныряя в пакеты, взвизгивая от нетерпения и довольства. Их бабушка в это время назидательно повторяла, что «Растишку» едят один раз в день, а шоколад – тем более. На ужин их ждёт каша с тыквой и молоко, а не «химия».

Делать нечего, Лера вошла, подгоняемая ободряющим взглядом Игоря и щебетом довольных сестричек. Внутри дом оказался даже меньше, чем снаружи. Совсем небольшая прихожая с высокой обувницей, шкафом и вешалкой с деревянными крючками, отполированными от времени. Почти всё пространство первого этажа занимала кухня, там стоял современный кухонный гарнитур, круглый стол со стульями вокруг, холодильник, весь увешанный детскими магнитами и рисунками, отдельно невысокий детский столик, расписанный под хохлому, и такие же стулья к нему.

Там же была печка, несказанно удивившая Леру, – печка? В двадцать первом веке?! – выход на веранду и в две небольшие спальни. В одной помещалась полутораспальная кровать, шкаф, комод и телевизор, в другой почти такой же набор, только вместо комода – письменный стол, кровать двухъярусная, а всё пространство комнаты завалено игрушками и детской одеждой.

Игорь провёл Леру на второй этаж, где было всего две двери. Одну он открыл, демонстрируя довольно просторную комнату с широкой кроватью, светлыми занавесками на окнах, шкафами, зеркалом и ковром на полу – точно ровесником Игоря.

– Моя комната напротив, устраивайся пока, – сказал хозяин и показал на деревянную, немного покосившуюся дверь.

Лера уселась на кровать и в очередной раз задумалась, зачем она согласилась. Ещё разок вспомнила доводы «за», для самоуспокоения напомнила себе, что в любой момент может вызвать такси и, кажется, почти успокоилась.

– Ты голодна? – в дверях появился Игорь. – Или пойдём прогуляемся?

– Прогуляемся, – тут же отозвалась она. Чувствовала себя Лера не в своей тарелке, так что ускользнуть ненадолго из дома показалось ей отличной идеей.

Дачный посёлок почти весь был из щитовых домов, как у Лидии Максимовны. Игорь рассказал, что садоводство когда-то принадлежало НИИ, в котором трудился дед. Он же и получил дачу, так что изначально здесь отдыхали и пытались вырастить огурцы научные работники. Лишь в последнее десятилетие что-то начало меняться, да и то, очень медленно. Транспортная недоступность почти законсервировала во времени это и прилегающие садоводства.

Росла облепиха по краям канав вдоль домов. Гроздьями свисала красная рябина, а чёрная собиралась местными для настоек, понижающих давление. Кустарники некогда экзотического физалиса торчали, как яркие всполохи среди кустов шиповника и жимолости. Не было высоких заборов и огромных домов, зато пахло прелой травой, астрами, цветущими почти в каждом дворе. Всё необычное, непривычное для Леры, интересное.

Лиса и Лина ехали впереди на велосипедах малинового цвета, иногда позвякивая, возвращались, чтобы объехать по кругу папус Лерой и снова ринуться вперёд. У каждого перекрёстка они послушно останавливались, смотрели за угол, толкали велосипеды руками, и лишь пройдя опасный участок, снова продолжали движение.

Время от времени Игорь останавливался, разговаривал с соседями: с пожилой женщиной, называющей Игоря Игорёчком. Сверстницей Игоря, беззаботно болтающей о погоде, просто чудо какое-то, тёплой. С её мужем, выкатившимся из калитки как большой арбуз, с громкими приветствиями и приглашением на шашлык. С их сыном-подростком Макаром, бросающим заинтересованные взгляды на Леру, и соседкой, подарившей большой букет разноцветных астр.

– Неудобно как-то, – пробормотала Лера, отходя от соседки, в сотый раз поблагодарив её, хозяйку не абы кого, а живого енота, всё время беседы сосредоточенно полоскавшего в тазу носовой платок.

– Перестань, – засмеялся Игорь, на секунду приобняв девушку, она застыла, судорожно сглотнула, а руки уже отпустили, оставляя тело в обидном одиночестве.

– Их ведь продать можно?

– Никто здесь ничего не продаёт, – Игорь подмигнул. – Делятся, угощают, дарят. Все свои, родные, можно сказать. Та девушка, мать Макара, раньше жила на восьмой линии, а муж её здесь. Мы всё лето вместе проводили, костры жгли, на карьер мотались купаться, рыбачили. Соседка знает меня с пелёнок, а Маргарита, старушка, которая расспрашивала тебя, работала с моим дедом. Он её научным руководителем был.

– Ого!

– Это, знаешь, вроде большой коммунальной квартиры. Соседи по даче – почти родные люди. Раньше так было, здесь пока сохранилось.

– Понятно, – девушка улыбнулась.

Что-то подобное она видела в Иркутской области, в небольшом посёлке, где они останавливались, когда ехали на Байкал, и где какое-то время был «штаб», а вот в родном городе не встречала. Если там букет Лере соседи и подарят, то не просто так, от чистого сердца, а потому что она – Суздалева, дочь своего отца.

Весь вечер Лиса и Лина не отходили от папы, болтали без умолку, попросили посмотреть с ними мультик на ночь и требовали завтра устроить пикник. Игорь согласился и на то, и на другое. Лидия Максимовна суетилась по хозяйству, Лера порывалась помочь, но

была безапелляционно перебита, мол, сами с усами, без молодых, криворуких обойдутся. Игорь шикнул на мать, но на ту не очень-то подействовало.

На самом деле нельзя сказать, что мама Игоря отнеслась к Лере негативно, особенно учитывая обстоятельства. Игорь – женатый мужчина, а Лера нагло припёрлась в его дом, пусть и по его приглашению. Думать-то она должна своей головой, а не Игоревой. Ничего плохого Лидия Максимовна Лере не сказала, сильно не хмурилась, не фырчала, пренебрежение не выказывала, наоборот, сама хлопотала, накрывала на стол, потом мыла посуду, давая гостье отдохнуть. Просто Лера чувствовала себя не в своей тарелке, ей было неловко и стыдно.

Ещё и Игорь хранил дистанцию. Он не обнимал Леру, не брал за руку, держался подчёркнуто на расстоянии. Вроде шёл рядом, но не близко. Если прикасался, то будто случайно, об объятиях и речи не было. Словно Лера – абсолютно посторонний человек, даже не «друг», а так... неинтересная коллега, репейник на штанине. Разговаривал вежливо и отстранённо. И от всего происходящего настроение падало ниже и ниже, девушка ощущала себя лисой, забравшейся в курятник. Воришкой.

Особенно когда Лиса, с детской непосредственностью, расспрашивала папу о маме, расплакалась в ответ на скупой ответ, что мама уехала, но обязательно скоро вернётся и привезёт много-много подарков. Успокоилась только, когда Игорь пообещал, что скоро они свяжутся с мамой по интернету и поговорят. Странно, Лина совсем не интересовалась мамой, в отличие от сестры.

Перед сном Лера быстро приняла душ в доме – на первом этаже была небольшая, комфортная ванная комната и удобства. Так же быстро переделась в скромную ночную сорочку, ситцевую, до середины бедра. Папа мог бы гордиться своей девочкой. И уселась на кровати, борясь с желанием тихонечко собраться и уехать. Она выглянула в окно, выходящее на проезжую часть, лужайку перед домом, беседку и гамак, БМВ, наискось стоящий во дворе.

Был виден и угол двора с уличным душем. Оттуда вышел Игорь в одних тренировочных штанах, несколько раз взмахнув руками, разгоняя кровь. На запястье мелькнули стильные дизайнерские браслеты из медицинской стали и натуральной кожи. Он обошёл двор по кругу, посмотрел на окно Леры, та едва успела отпрянуть от окна. Когда же снова выглянула в окно, во дворе стало пусто. Она прислушалась к дому – тишина, даже телевизора не слышно. Посмотрела в телефон, попыталась полистать ленту инстаграма, почитать новости, блог о путешествиях, побродила по интересным пабликам – не за что зацепиться. Все мысли крутились вокруг привлекательного мужчины и его необычной семьи. Больше вокруг мужчины, конечно же. Вот такого, полугололого, каким он ходил по освещаемому одним фонарём двору.

Съездила за город. В гости. К почти женатому. Весело провела время. Нужно было остаться в городе, с Олегом. Он хороший парень, не женат, ни почти, ни чуть-чуть, ни понарошку, никак не женат. С ним бы она точно не сидела сейчас в гордом одиночестве, обвиняя себя во всех грехах человечества, снедаемая желанием сбежать домой, маясь от собственной ненужности.

Может, действительно, уехать? Придумать срочные дела. Бабушка из Бразилии приехала, заболела любимая обезьянка, уют не выключила, мало ли причин... Замок обещала хозяйке поменять, необходимо срочно заняться этим вопросом. Лера быстро надела платье, сунула сорочку в сумку, выглянула на лестницу – всё тихо.

– Мама, перестань, – услышала она глухой голос Игоря с первого этажа, когда спустилась на один пролёт, стараясь ступать тихо, вдоль стены, не скрипя половицами.

– Хорошо, ты меня за дуру считаешь, Леру за дуру принимаешь, себя-то ты зачем обманываешь?

– Где я обманываю? Кого? – Говорили громким шёпотом. Лера замерла, боясь пошевелиться. Нужно или дать понять, что слышит, или уйти, а она застыла истуканом, не дыша, вслушиваясь в каждое слово.

– Зачем ты привёз девочку сюда? Она тебе в дочери годится!

– Вряд ли я смог бы зачать ребёнка в двенадцать лет, ма, – глухо засмеялся Игорь.

– Посмейся тут! Я вижу, какими глазами ты на неё смотришь! И она тоже! Куда это заведёт, по-твоему? Девочкам нужна мать, а не сестра. Тебе жена нужна, женщина, которая будет заботиться о тебе, а не третий ребёнок!

– У нас с Лерой просто дружеское общение, общие интересы...

– Какие интересы?

– Общие.

– Общие, – передразнила Лидия Максимовна. – Знаю я эти интересы, это ваше дружеское общение. Тебе известно, я в твою личную жизнь не вмешиваюсь, с кем ты проводишь время – не моё дело. Ты взрослый мужчина, у тебя свои интересы, потребности...

– Мам!

– Не мамкай мне, тебя тоже, знаешь, не в капусте нашли. Не смей амурные дела тащить в дом! Появится серьёзная женщина – тогда привози.

– А если Лера – серьёзно?

– Лера?! Ей двадцать лет! Двадцать! Для чего ей сдался ловелас на четвёртом десятке?! Смотри правде в глаза, Игорь. Никакой двадцатилетней девочке твои проблемы с Алёной и детьми не нужны, а Лере и подавно... Где только нашёл такую красавицу, – в голосе Лидии Максимовны послышалось подобие одобрения.

– А я у тебя страшила, – снова глухо засмеялся Игорь.

– Не страшила, но мозги попросить у волшебника из страны Оз не помешало бы.

Лера услышала шаги по лестнице, перепугалась, рванула обратно в комнату, на ходу снимая платье, надевая ночную сорочку. Сердце колотилось, руки тряслись, ноги подкашивались, когда она щёлкнула выключателем и скользнула под прохладное одеяло. Боже, и правда ведёт себя как дурочка.

Замерла, силясь выровнять дыхание. Дверь в комнату открылась, свет из маленького коридорчика пролился на стену и часть кровати, освещая изножье и зеркало в деревянной, старинной оправе, похожей на музейный экспонат. Лера закрыла глаза, изображая глубокий сон.

– Не притворяйся, – сказал незванный гость, сделал шаг в комнату, постоял, потом присел рядом с лежащей, закутанной в одеяло под самый подбородок девушкой.

– Я сплю, – бодро сообщила Лера.

– Особенно выразительно ты спала на лестнице, – хмыкнул Игорь. – Перепугала всех мышей в округе грохотом.

– Что? – она подскочила, уставилась на мужчину. В комнате, освещаемой тонкой полоской света из коридора, не было видно выражение его лица, лишь очертание широких плеч под футболкой, торчащие от влаги волосы. Слегка ощущался аромат парфюма, Лера невольно потянулась к знакомому запаху.

– Подслушивать нехорошо, – Игорь подался навстречу, открывая объятия. – Ладно, ладно, не смущайся, – проговорил он в макушку Леры. – Сбежать хотела? – улыбаясь, поинтересовался. Точнее, Лера была уверена, что он улыбается.

– Хотела, – она кивнула.

– Согласен, глупо получилось. Давай.

– Что «давай»? – Лера отпрянула. Нет, она не имела ничего против «дать», только как-то это... несвоевременно. Ни место не подходит, ни время, ни обстоятельства, ни настроение.

Видишь, папа, ты можешь гордиться избирательностью дочери. Она точно умрёт старой девой в возрасте ста пяти лет, в окружении семнадцати кастрированных котов. Место ей не подходит... Всегда что-то не подходит. Один-единственный раз всё сошлось, так мужчина сбежал. Слопал кекс и рванул, как от неизвестного пакета с белым порошком. Как не ощутить себя спорой сибирской язвы?

– Давай, задавай свои вопросы.

– Мы друзья? – Лера решила пойти ва-банк.

Она разные чувства испытывала рядом с Игорем: смущение, желание, волнение, обиду, симпатию и даже, как ни горько себе признаваться, влюблённость, но не дружескую привязанность. Дружила она с Ванюшкой Емоловым, девятнадцатилетним волонтером, коллегой, можно сказать. Ванюшка – славный парень, добрый, отзывчивый, смешной. Единственный раз она волновалась рядом с Ванюшкой, когда он напился перед посадкой в самолёт, и Лера опасалась, что его не пустят на борт. С Артуром – руководителем команды, она дружила. Ему тридцать два года, женат давно и фундаментально, двое детей, планируют третьего. Артур – идейный вдохновитель, надёжный товарищ, соратник, друг. Когда отец забрал её из Москвы, Артур внезапно поддержал решение отца, долго говорил с Лерой по телефону, убеждая, что идеи – идеями, а родной человек дороже. Тем более в случае Леры, отец – единственный родственник, не считая бабушек, дедушек, каких-то тётъ и дядь, которых она не знает.

А Игорь... нет, он определённо не друг, не соратник и не коллега. Он мужчина, с которым Лера хотела чего угодно, но не «дружить», уж лучше совсем ничего, чем кладбище потерянных надежд: френдзона.

– Время покажет, пока – друзья, прости, не могу предложить большего.

Лера тяжело вздохнула. Друзья. Кажется, был такой сериал... А не пошёл бы Игорь Вячеславович со своими дружескими намерениями прямиком на киностудию, там наверняка нужны сценарии про крепкую дружбу и плечо товарища рядом.

– Послушай, Лера, – Игорь отодвинулся. – Ты молодая, красивая девушка, не хочу тебе портить жизнь своими проблемами.

– Сложно испортить тем, чего не знаешь... – что у Игоря какие-то проблемы с женой, Алёной, ясно, как светлый день.

Но какие именно проблемы? Она изменила ему, ушла? Он ей изменил? Сколько можно играть в молчанку? Испортят ли проблемы Алёшина ей жизнь, решать должна только Лера.

– Почему же, кое-что ты знаешь. Мне тридцать пять, на тринадцать лет больше, чем тебе. Тс-с-с-с, – перебил он едва не сорвавшиеся возражения с губ Леры. – Ты не понимаешь, насколько это важно на самом деле. У меня двое детей.

– Они классные! – искренне воскликнула Лера, тут же зажав себе рот ладонями. Получилось слишком громко.

Лиса с Линой действительно классные. Лера не ожидала, что ей может понравиться общаться с шестилетками, но именно так и вышло. Девочки забавные, смешливые, совсем не вредные, по-детски непосредственные и не капризные. С ними хотелось разговаривать, играть, рассказывать забавные истории, учить новым приёмам прыгания на скакалке. Сегодня ей удалось блеснуть в глазах двойняшек и Игоря, последнее особенно польстило.

– Классные, – Игорь кивнул. – Но они дети, а значит, капризничают, болеют, требуют внимания, много внимания, Лера. Я буду давать им это внимание, всегда, в любом случае. Девочки – самое дорогое, что есть в моей жизни, прости, но так будет всегда, и ты должна это понимать.

– Я понимаю, – вообще-то, Лера отлично Игоря понимала, возможно, как никто другой понимала.

Она – папина дочка, самое дорогое, бесценное сокровище в его жизни. Невозможно представить, чтобы он любил кого-то сильнее, чем её. Эгоистично так думать, зато честно. Лера, всю жизнь купавшаяся в папиной любви, была готова уступить пальму первенства дочерям Игоря, тем более уж в чём-в чём, а в отцовской любви Алёшина Игоря Вячеславовича Лера не нуждалась, как и в его дружеском участии.

– Не знаю, когда я разведусь и разведусь ли... – после молчания проговорил Игорь. – Моя жена – алкоголичка, – наконец, выдохнул он, глядя в окно.

– В смысле?

– Она употребляет алкоголь.

– Все употребляют алкоголь. Я на прошлой неделе пила сидр, а до этого вино в грузинском ресторане.

– Употребляют, но не спиваются.

– Но ведь это болезнь, это возможно вылечить...

– Пиелонефрит возможно вылечить, триппер или гепатит, но нет таблеток от алкоголизма и любой другой зависимости, если человек не хочет лечиться. Понимаешь?

– Но... ведь... – Лера замолкла. Что она могла сказать?

Луна, вдруг заглянувшая в окно, сизым светом окатила лицо Игоря, и пришлось замолчать. Слишком многое отразилось на лице мужчины, невозможно смутившее Леру, словно она заглянула за гладь зеркальной поверхности, туда, куда посторонним вход запрещён. Захотелось стать не посторонним, постоянным, близким, чтобы её впустили, но пока... пока ей хода не было за серебристую отражающую гладь.

Глава 8

Игорь находился в Австрии третий день. Он отвёз Алёну в реабилитационный центр, долго разговаривал со специалистами и, наконец, сегодня в ночь должен отправиться домой. В этот раз повезло, в аэропорту их встретила родная тётка Алёны – сестра отца – Сюзанна. Алёна – единственная близкая родственница для пятидесятилетней Сюзанны. Три месяца назад в автокатастрофе погиб её единственный сын, совсем мальчишка, едва отметивший совершеннолетие. Муж умер давно, как и родители.

Сюзанна отвлекла Алёну, а главное, не дала Игорю сорваться на жену, сравнить её со стенами гостиницы, где они остановились.

– Ты хочешь избавиться от меня! – выговаривала Алёна скрипучим голосом, благо, на неё ещё действовали препараты, вспышек агрессии не наблюдалось.

– Я хочу, чтобы ты вылечилась, – устало повторил Игорь. На самом деле он уже не знал, чего он хочет, что делает в этом номере, с чужой, по сути, женщиной, от присутствия

которой он смертельно устал.

– Тогда... – она откинулась на спинку кресла, вытянув ноги, потянула за пояс халата, медленно обнажая плечи. – Как жест доброй воли...

– У меня встреча, – отрезал Игорь. Невероятно, ещё полтора года назад он бы провёл время с Алёной... Каких-то полтора года назад он ещё считал её своей женой во всех смыслах, сейчас же лишь надеялся, что гримаса отвращения не исказила лицо слишком очевидно.

– Лжешь. Нет никакой встречи.

– Нет, – нет встречи или лжи, он не стал уточнять, схватил телефон с низкого столика и двинулся к выходу.

– Любовь и поддержка близких – главное правило на пути реабилитации страдающего от алкогольной зависимости человека, – услышал вслед пункт из цветного буклета рехаба, куда они направлялись. Красочная, глянцева бумага обещала излечение от всех напастей, избавление от бед и новую, безоблачную жизнь. Твою мать! Поддержка близких! Единственная поддержка, которую в состоянии оказать Игорь своей жене – не размазать её тело по кафельному полу просторной ванной комнаты в номере-твин.

– Я поддерживаю тебя, – Игорь обернулся, гася привычное уже раздражение. – Иначе, что бы я здесь делал? Но я не стану трахать пропитое существо с залитым алкоголем сознанием! – То, что Алёна не пила несколько дней, ничего не меняло. Он забрал её из клиники в Санкт-Петербурге с намерением не выпускать из поля зрения ни на час до момента, когда сдаст в рехаб.

– Ты не дал мне попрощаться с девочками, – понеслась ожидаемая череда упрёков. – Я купила им подарки.

– Обязательно передам то, что ты купила в киоске, в аэропорту, – выплюнул он.

Как же хотелось послать её нахер, жутко хотелось! Алёна вспомнила о детях в последний момент, Игорь готов поставить на кон свои почки, целью был алкоголь, а не детские журналы и пара плюшевых игрушек. Ещё несколько слов, произнесённых женой, и Игорь взорвался бы, как пара тонн тротила.

Благо, в этот время в номер поднялась остановившаяся в той же гостинице Сюзанна. Она, не обратив внимания на полуголую племянницу и раскалённого добела от злости родственника, утащила Алёну на улицу. «Прошвырнуться по магазинам», как нарочито небрежно бросила в дверях. Игорь был уверен – Сюзанна проследит, чтобы в рот племянницы не попало ничего крепче минеральной воды.

На следующий же день отвезли Алёну, сдав с рук на руки высококлассным специалистам, обещающим в очередной раз помочь богатой клиентке. Клиника действительно считалась одной из лучших, претензий к врачам у Игоря не было, они делали, что могли. Сотворить чудо могла лишь Алёна, а у неё такого желания не было. Рехаб она воспринимала как эдакий дом отдыха, с более строгим режимом, чем в СПА-отеле, но отдых – есть отдых.

Позже Игорь с Сюзанной отправились в город – обговорить график посещений, когда их позволят лечение и этапы реабилитации. Сюзанна вызвалась навещать племянницу, оказывать поддержку и составлять компанию в случае надобности. Игорь не возражал – прилетать и видеть лишний раз жену он не хотел. Когда, казалось, всё обговорили, и стрелки перевалили за восемнадцать часов, речь зашла не об Алёне.

Сюзанна – несмотря на горе и возраст, всё ещё привлекательная женщина – сидела

напротив Игоря, задумчиво цокая вилкой по фарфору. Они заказали по тафельшпицу, Сюзанна половину порции, Игорь – две.

– Ты веришь, что в этот раз ей помогут? – Сюзанна посмотрела в упор на Игоря, напоминая ему тестя.

Они похожи – Алёна, Сюзанна и Лео – отец Алёны. Армянская кровь брала уверенный верх над кровью славянской, перемешанной в этих людях. Отец Сюзанны и Лео был армянином, мать – белоруска. Сюзанна вышла замуж в Армении, а Лео женился на русской, всю сознательную жизнь прожил в России, оттого и дочь назвали русским именем – Алёна.

– Нет, – прямо ответил Игорь.

Сразу после возвращения домой он собирался заняться бракоразводным процессом, максимально сгладить удар по девочкам, себе, и, конечно, жене. Несмотря ни на что, он не желал ей зла. Если бы Игорь был уверен в адекватности Алёны – он бы обговорил юридические детали, оформил финансовые обязательства и развёлся миром. Дети, естественно, должны остаться с ним, это не вызывало никаких сомнений.

– Ты молод, – сказала Сюзанна. – Тебе нужно подумать о личной жизни, – Игоря в удивлении изогнул бровь.

Странный поворот беседы, они никогда не были близки с Сюзанной настолько, чтобы обсуждать его личную жизнь. Он видел родственницу на собственной свадьбе, несколько раз она приезжала в Питер в гости или по делам, и ещё на похороны брата. Задушевных разговоров на кухне не вели, на брудершафт не пили, да и на «ты» перешли совсем недавно, когда она принялась опекать племянницу. До смерти сына Сюзанна не слишком интересовалась Алёной, а уж Игорем тем паче.

– С детьми сложно устроить жизнь, – после минутной паузы продолжила женщина.

– Не беспокойся, девочки не мешают, – отрезал он, понимая, куда клонит Сюзанна. Не интересуется!

– Пока, – она выразительно посмотрела. – Пока не мешают. Пойми, мало какая женщина согласится на «довесок». Прости, прости, знаю, звучит отвратительно, но так устроен мир и женщины. Мы думаем только о родных детях, мало кто соглашается воспитывать чужих, и ничтожно мало тех, кто полюбит их. Понимаешь?

– Понимаю, – спокойно кивнул Игорь. – Значит, я не женюсь, – он пренебрежительно развёл руками. И такой вариант он тоже рассматривал. Единственный поворот событий, который не устраивал Игоря – оставаться рядом с женой.

– Мужчина не может быть один!

– А я не один, – нагнулся через стол, смотря прямо в глаза, пугающе похожие цветом и выражением на Алёнины. – У меня есть Алиса и Алина.

– Ты не до конца понимаешь, что тебя ждёт, – Сюзанна откинулась на спинку стула, нервно поёрзала, выпрямилась, словно кол проглотила. – Девочки становятся старше, они начнут задавать вопросы, на которые у тебя попросту не будет ответов. Ты рискуешь упустить их, как Лео упустил Алёну! Когда умерла его жена, Алёне было тринадцать лет, наша мать хотела забрать её, он заупрямился, сказал, что сам справится с воспитанием ребёнка. Чем всё закончилось – ты видишь. Отдай девочек мне. Я ещё достаточно молода, у меня есть время вырастить их, обеспечена, да и дед позаботился об их будущем. Я откажусь от имущественных прав, материальной помощи, любые твои условия – только отдай мне внучек. Девочки – единственные, кто остались у меня, не считая Алёны, но она – пропащая душа, а для них я могу многое сделать. Ты молод, здоров, родишь себе детей от другой

женщины...

– Сюзанна, в тебе говорит отчаяние после смерти сына...

– Знаю! Моего мальчика не вернуть, как не вернуть мужа, брата, родителей, но для малышей я могу сделать многое!

– Мне жаль, Сюзанна.

– Не отказывай мне, прошу.

– Послушай, я не запрещаю тебе видеть внушек. Ты можешь приезжать, даже переехать в Россию, я помогу. Мы бываем в Швейцарии и Австрии каждый год, никто не лишает ни их, ни тебя родственного общения, но...

– Обещай, что подумаешь! – в отчаянии воскликнула Сюзанна, уважаемая публика ресторана обернулась на эмоциональный выброс русской.

– Нет, – он решил не рубить хвост по частям. – Лучше приезжай к нам в гости, девочки будут рады.

– Думаешь? – в глазах женщины стояли слёзы. – Они будут рады мне?

– Естественно, – он мягко улыбнулся и закруглил разговор. Его ждала сумка в гостинице и ночной рейс домой.

Игорь не лукавил, Лиса и Лина помнили Сюзанну, с удовольствием общались по интернету, радовались её приезду, не упускали возможности встретиться с ней, приезжая с папой на горнолыжные курорты. В тонкости родства не вникали, как и не поняли до конца горе, постигшее Сюзанну, а любить – любили, были искренне привязаны. Не хотелось чинить препятствия в общении с немногочисленной роднёй со стороны Алёны.

Глава 9

В Пулково Игорь приземлился в обед, прямых рейсов не было, пришлось лететь с пересадкой. Раздвижные двери терминала распахнулись, окуная в спешный ритм города и летнее, мягкое тепло. Сумасшествие. Погода последовала примеру Игоря, повредилась рассудком или наоборот. Сезон промозглой сырости, морозящих дождей, а люди ходят без курток, и только у местных в руках привычный, сейчас бесполезный атрибут – зонт.

Всю дорогу Игорь думал о Лере. Валерии Суздальной, двадцатидвухлетней красотке, от одного взгляда на которую, он терял разум. Седина в бороду? Кризис среднего возраста? По всем статьям рано. Алёшин не ощущал возраст, не думал о нём, был здоров, полон сил во всех отношениях, планов, идей. И вот, как гром среди ясного неба: девчонка, одним своим существованием поставившая его на место – место мужика на четвёртом десятке, с детьми и выгребной ямой из проблем.

А может, стоит плюнуть на придуманные им же принципы, откинуть собственные границы и закрутить роман с Лерой? Двадцать первый век, как честный человек он не обязан жениться после первой ночи, да и Валерия не претендует на штамп, и за девственность свою не держится. Хотя, не держалась бы – не сохранила бы этот приз.

В каком всё же гнилом мире они живут, за ширмой таких махровых стереотипов, что обычная вещь – отсутствие сексуального опыта у современной девушки, – воспринимается как аномалия. Тем паче, какой-то опыт у Леры был, она точно не монашка, не закомплексованная скромница. Просто... «так сложилось» – её же словами.

Взять и плюнуть на всё и вся, а там – куда вывезет кривая. Валерия скоро одумается, бросит его со всеми проблемами, заморочками и уйдёт в свободное плавание. Ради чего он принялся играть в «дружбу» с женщиной? Кого он обманывал, когда Лера гостила на даче его матери? Единственные, кого удалось провести – дочери. Наивные, чистые души. Сам он

едва не тронулся рассудком от понимания, что она рядом, дверь напротив. Три жалких шага отделяло его от источника желаний, а он, как пионер-герой, лежал в кровати, стиснув зубы, и смотрел в потолок, забивая себе мозг сметой для ремонта материнской дачи.

Об отъезде он Лере сообщил, сказал и о цели поездки, не останавливаясь на деталях. Настроение Леры, и без того задумчивое, вовсе испортилось, когда на обратном пути в город, в воскресенье вечером, он сказал, что отправляется в Австрию. Хорошенькое личико, которое хотелось зацеловать допьяна, на мгновение вытянулась, тело напряглось, Лера нервным движением оправила юбку и устояла в лобовое стекло, вернув себе беззаботный вид. Потом они вполне мило беседовали, смеялись, он довёз её до подъезда, по-дружески чмокнул в щёку и отправился на подземную парковку.

Надо было прийти к Лере. Он хотел, как же он хотел, едва рассудка не лишился. Не самое приятное чувство – ощущать себя озабоченным пацаном, борющимся с собственной эрекцией в неурочное время, в неудачном месте. К тому же сказывалось долгое воздержание. Последний раз был с женщиной в начале августа, уже сентябрь катится к закату. В его жизни бывали периоды большего воздержания, не умер, но дискомфорт испытывал. Сейчас не дискомфорт, а пытка.

В такси набрал номер Леры, она ответила после третьего звонка, запыхавшаяся.

– Нас на тимбилдинг отвезли, – услышал он голос, пытающийся перекричать ведущего и грохот колонок.

– Когда дома будешь?

– В воскресенье.

– В смысле? Сегодня четверг.

– Спасибо, что напомнил, – на том конце жизнерадостно хрюкнули, раздались мужские голоса, среди которых Игорь отчётливо услышал Олега. – Я перезвоню.

Прекрасно, пока он занимался самобичеванием, Олег времени не терял. Правильно делает, Игорь бы тоже не терял на его месте. По своим каналам он навёл справки об этом Олеге. Ничего криминального не нарыли. Не состоял, не привлекался. Молодой, перспективный, хваткий. Звезду с неба вряд ли схватит, но при должном стечении обстоятельств, удачу за хвост удержит. Валерия Валерьевна Суздалева – удача для системного администратора строительной компании.

Тимбилдинг – новомодное словечко, «командообразование». Относительно новый способ мотивировать работников. Настроить на продуктивную работу, оздоровить атмосферу внутри рабочего коллектива, наладить взаимодействие, взрастить командный дух, и прочая хня, под которой зачастую скрывается банальная совместная пьянка на природе на средства работодателя.

Компания Алёшина Игоря Вячеславовича так же устраивала сотрудникам добровольно-принудительный тимбилдинг с выездом на природу один раз в год. Игорь редко посещал подобные мероприятия, не хотел смущать своим присутствием сотрудников, и желания носиться по арендованной базе отдыха, проходя придуманный девчонкой-старшекурсницей квест, не было. После «сплочения коллектива», как правило, завязывались служебные романы, кипели страсти, блуждали слухи. Деловая этика? Не слышали.

Лера больше на звонки не отвечала, Игорь надеялся, что она прыгает в мешке на благо общего дела, а не зажимается на лоне природы с Олегом.

Недолго думая, набрал Шиманова, если бы дал себе время на раздумья, хотя бы минуту, отложил бы телефон в сторону. Звонить Витьке, интересоваться природой-погодой

и местом проведения тимбилдинга строительной компании – несусветная глупость, подставляющая Суздалеву. Шиманов вряд ли воздержится от комментариев, а сплетни на работе никогда на пользу не шли.

– Подваливай! – прокричал довольный голос Виктора. – Хочешь, прямо сейчас схожу, узнаю, есть ли свободные номера?

– Узнай, – как говорится, «сгорел сарай, гори и хата». – Постараюсь подскочить к ночи.

– Со своим самоваром, или..? – скабрёзно засмеялся Шиманов.

– Ты можешь думать о чём-нибудь, помимо самоваров?

– Целыми днями думаю о «чём-нибудь», могу я расслабиться раз в год? – прогнусавили с той стороны.

– Можешь, можешь, – Игорь заржал, представил холёную морду Шиманова, плотоядную улыбку и похотливый блеск глаз, когда тот видел очередной «самовар» на своём пути. Вот кому не грозит прозаичный «бес в ребро», Витёк живёт с бесом всю половозрелую жизнь и не собирается останавливаться.

До вечера Алёшин проторчал в офисе: за несколько дней накопилось дел, как за месяц, несмотря на то, что он держал руку на пульсе, был на связи с замами и начальником производства. Договор со строительной фирмой пришёлся в масть, деньги всегда вовремя, но и проблем добавилось. Кстати, детали можно обговорить в непринуждённой обстановке с Шимановым, именно он занимается контрактом с Алёшиным.

Виктор забронировал Игорю номер в «дальнем» корпусе. Что бы это ни значило, он тут же перевёл деньги и пообещал к ночи подъехать, развеять смертную скуку приятеля. Видимо, носиться с квестами, играть в настольные игры и коллективные спортивные – не самое любимое времяпровождение Шиманова, Игорь его отлично понимал.

Позже встречался с потенциальной няней, проговорил почти полтора часа, оставив решение на потом. Нужна была альтернатива, но пока пятидесятилетняя Антонина Сергеевна, педагог с тридцатилетним стажем – единственный вариант. Можно оставить девочек с бабушкой на даче, а когда испортится погода, перевезти в благоустроенный загородный дом. Но детям нужна дружба со сверстниками, социальная жизнь, подготовка к школе, занятия в кружках и спортивных секциях, а не только общение с бабушкой и соседским енотом. Да и мать долго не выдержит в подобной изоляции, слишком деятельная натура.

На базу отдыха под Великим Новгородом Игорь добрался к ночи. Осмотрелся, всё прилично: двухэтажные, кирпичные корпуса, сосняк, ухоженные дорожки, волейбольное и футбольное поле, спуск к озеру, лодочная станция, прокат спортивного инвентаря, и всё это за вменяемые деньги. Мысленно сделал себе пометку, возможно, следующий тимбилдинг его компании пройдёт здесь.

Шиманов бесцеремонно припёрся в номер, с коньяком подмышкой, нарезкой колбасы и шоколадкой.

– Ну, здоров, какими судьбами? – распахивая широкие объятия, заголосил он.

– Решил отдохнуть, – что ответишь? «Хочу трахнуть Суздалеву из твоего экологического отдела, да вот незадача, забыл, где у женщины вагина»?

– Хочешь проставиться за контракт, – уверенности Витька можно позавидовать. В том, что именно Алёшину достался договор, заслуги Шиманова было ноль целых, ноль десятых. Он лишь высококвалифицированный исполнитель.

– Угадал, – Игорь выставил на небольшой стол из дешёвого ДСП бутылку односолодового виски. Непривычно было находиться в интерьерах простенького дома отдыха, с кроватью вдоль стены с бумажными обоями и мебелью двухтысячных годов.

Потом они говорили, пил в основном Витя, заглывал жадно, как воду, Игорь с трудом сдерживал раздражение. Все употребляют время от времени, то, что Алёна не справилась со своим недугом, не обязывает других людей не употреблять ничего крепче кока-колы. Приятель жаловался на жизнь, проклятую бывшую жену, нынешнюю любовницу и девицу, не дающую ему прохода, с которой он переспал по пьяному делу. Шиманов не помнил, при каких обстоятельствах познакомился с ней. В одно не прекрасное утро проснулся в студенческой общаге, а рядом лежало лохматое нечто со щетиной на ногах и лобке.

Ушёл Витька к себе лишь под утро, Игорь тут же завалился спать, вырубившись до того, как голова коснулась подушки. Завтрак, включённый в стоимость проживания, проспал, проснулся, когда солнце стояло в зените. По-настоящему летний, солнечный день лишь немного отдавал ароматами осени, начавшей опадать листвой, грибами и сосняком. Тело ныло от неудобной кровати и отсутствия спортивных нагрузок. Он ходил в зал три-четыре раза в неделю и обязательно в бассейн. Пришлось довольствоваться подручными средствами: допотопным спортивным городком напротив корпуса и бегом.

Мужчина специально не звонил Лере, давал ей время, да и себе, наверное. Правда, каждый раз, когда представлял её с ублюдочным Олегом, хотелось пойти, убить его, но... Валерия Суздалева заслуживала кого-то с меньшими проблемами, чем Алёшин Игорь Вячеславович.

Если на этом тимбилдинге всё решится в сторону системного администратора – так тому и быть. Если нет – Игорь не отступит, возьмёт всё, что может дать ему Валерия.

Это было здравое, наконец-то обдуманное решение, на которое у Игоря ушёл не один день. Компромисс. Никаких игр в «дружбу». Валерия – взрослый человек, она знает о его проблемах, не до конца понимает, но в курсе происходящего. Думать за двадцатидвухлетнюю девушку Игорь не хотел. Дать свободу выбора – да, решать за неё – увольте. Правильно сказала мать – ему не нужен третий ребёнок, не в лице Леры точно.

После зарядки и душа Игорь отправился по территории. В главном корпусе нашёлся приличный буфет с неплохим выбором салатов, выпечки, кофе и чая. Из окна он наблюдал, как толпа офисных работников бежит от метки к метке на волейбольном поле, передавая эстафетную палочку. Молодым было весело, кучка парней и девчонок смеялись, подскакивали в нетерпении и издали напоминали старшеклассников на уроке физкультуры, их коллегам постарше приходилось хуже. Игорь невольно вспомнил своего главного бухгалтера – грузную даму предпенсионного возраста, поднимающуюся на второй этаж на лифте. Оставалось надеяться, что на его тимбилдингах бухгалтера не заставляют скакать козой за палочкой, с повязанным синим бантиком.

Леру он выцепил взглядом сразу. Высокая, безупречная фигура, в леггинсах ниже колена, толстовке с капюшоном и белых кроссовках, выделялась на фоне остальных, как и вьющиеся, пышные локоны, небрежно затянутые по бокам двумя резинками. Она посмотрела на телефон, убрала в карман и вернулась к компании коллег, среди которых был Олег. Он по-хозяйски положил руку на плечо Леры, она едва заметно вывернулась, но мужские пальцы крепко держали, лишая девушку манёвренности.

Вроде мирная картинка, сам же этого хотел, Алёшин, что теперь-то не так? Игорь

оставил недопитый кофе и вышел из буфета, направляясь к парочке.

– О, и ты здесь! – выскочил, как из-под земли, Шиманов. – Посостязаться захотел? – заржал он, пародируя лошадь Пржевальского.

– Почти, – не глядя на друга, отмахнулся Игорь. Он смотрел только на Леру и её широко распахнутые глаза, не сводящие с него удивлённого взгляда.

– Виктор Геннадьевич, – перед Игорем и Шимановым появилась полненькая девушка с толстой косой. Эдакий пробник женщины в русских селеньях. – Мы вас приглашаем на пашлык! – выпалила толстушка, заливаясь одновременно румянцем и белыми пятнами.

– Кто «мы», Марина? – Витёк мгновенно подобрался, на глазах преобразовываясь в Виктора Геннадьевича.

– Отдел экологии.

– Хм... Видите ли, Марина... – включил менторский тон Шиманов, ему явно хватило истории с щетинистой девицей, усложнять жизнь перепихоном с подчинённой он не собирался. Во всяком случае, конкретно с этой подчинённой, наверняка хорошей, доброй, порядочной девушкой, но не в его вкусе.

– Приходите, тимбилдинг... же! – продолжала лепетать настойчивая толстушка.

– Ну, раз «тимбилдинг же», – Шиманов развёл руками, кивнул и тут же отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Толстушка Марина отскочила в сторону и тут же понеслась в сторону своей компании, в том числе к Лере, забавно перебирая коротенькими ногами в серых тренировочных штанах. Обтягивающая розовая футболка дополняла образ свинки Пеппы.

– Обнаглели, – фыркнул приятель.

– Будь ближе к народу, – усмехаясь, ответил Игорь.

– То-то я гляжу, ты близок.

– Я не наёмный работник, Вить, – пришлось напомнить очевидное, тем паче, в том, что Шиманов потерял бизнес, была лишь его вина. Таскался бы меньше по бабам, у жены не лопнуло бы терпение, продолжила бы закрывать глаза на мелкие грешки и слабости, как это происходит повсеместно.

– Тебе, что, этот хомячок приглянулся? – Виктор какое-то время смотрел вслед Марине, переводя недоумённый взгляд с приятеля на подчинённую.

– Горбатого могила исправит, Шиманов, – неизящно намекнул на кобелиную натуру приятеля. – И, кстати, этот твой «хомячок» миленькая. Вспоминается незабвенное: «Есть женщины в русских селеньях...»

– Коня на скаку остановит и шею ему свернёт, – послышался гогот Вити, и он потащил Игоря обратно в буфет. – Вот здесь уже этот тимбилдинг, – Шиманов провёл рукой по шее. – Попивал бы сейчас пиво в приятной компании, так нет же, сплывай коллектив.

– Пятница, обед. Максимум, что ты попивал бы – суп из бизнес-ланча в «Токио сити».

– Вечером бы попивал.

– Тебя пригласили, вот и попьёшь.

– Чёрт!

– Всем известно, ничто так не сплывает русских людей, как алкоголь, – Игоря едва не передёрнуло на словах про алкоголь, но это его личная реакция и боль, которой он не делился с окружающими. – Вот и сплоти коллектив хорошей порцией мяса и приличным пивом. Что они у тебя пьют? Жигули светлое, Жигули тёмное? Сделай людям добро, купи

хорошее пиво, они к тебе добром повернутся.

– Где я мясо возьму? Здесь четырёхразовое питание, почти ол инклюзив, ближайший магазин километрах в пяти, пиво в ассортименте, три вида: светлое, тёмное и крепкое.

– Друг тебе зачем? Помощника выдели, из экологического отдела, раз идея с коллективной пьянкой принадлежит им. Только не «хомяка», – поспешил поправиться Игорь. – Высокая девушка из экологического?

Лера всё время разговора косилась в сторону руководителя и Игоря, время от времени прожигая в груди последнего дыру – таким выразительным был взгляд.

– Губа не дура, смотрю, – усмехнулся Шиманов и взмахнул рукой, выразительно глядя на подчинённую.

Суздалева подошла, упёрлась взглядом в Игоря, поджав губы, но промолчала. Всю троицу сверлил взглядом системный администратор, оказавшийся не дураком – не полез в бутылку.

– Валерия, у меня личная просьба, окажите одолжение моему давнему другу Игорю Вячеславовичу.

– Какое? – если бы взглядом могли убивать, Игорь Вячеславович превратился бы в камень. Брови Шиманова в удивлении поползли вверх, рот приоткрылся, лицо стало похоже на гримасу удивлённого клоуна.

– Насколько я понял, вечером намечается пирушка? – подсказал Витя, всё ещё меряя прищуром парочку. – Вот с этим и поможете. Игорь Вячеславович – Валерия. Валерия – Игорь Вячеславович, – представил он собеседников друг другу, соблюдая протокол, и тут же, развернувшись, отправился восвояси.

Глава 10

О тимбилдинге сообщили в понедельник. Лера услышала новость до того, как зашла в кабинет. По пути от трамвайной остановки встретила Марина-Маруся и тут же выложила: когда, куда и с какой программой они отправятся. Марусе сказала девочка из бухгалтерии, у которой роман с прорабом третьего участка, а тот в свою очередь – муж «кадровички», отвечающей за организацию процесса. Или что-то в этом роде, Лера не вслушивалась в трепотню, ей было неинтересно – кто с кем спит, кто чей муж, и где пройдёт тимбилдинг.

Без того плохое настроение испортил Олег. Вернее, ничего он не портил и не собирался, просто лежавший на рабочем столе ноутбук, с приклеенным стикером с запиской «открой меня», вызвал чувство вины у Леры и вернул к мыслям, которые и без того не покидали голову.

Вроде, ей не на что жаловаться. Игорь пригласил за город, она прекрасно провела время. Несмотря на сомнительные удобства и собственное двойное положение, ей действительно понравилось. Лидия Максимовна, уловив момент, на следующий день отвела её в сторону для приватного разговора.

– Лерочка, – после паузы сказала мама Игоря, – Вы вчера стали невольным свидетелем нашей с Игорем беседы, за что я прошу прощения. – Лера опешила, прощения просить нужно ей, ведь это она подслушивала. – Хочу, чтобы вы правильно меня поняли. Я не против вашего присутствия здесь и в жизни Игоря, просто я опасаясь, что в какой-то момент для вас ситуация станет невыносимой, а девочки...

– Но мы же просто дружим! – выпалила Лера, понимая, насколько глупо и жалко звучит.

– Дружите, – Лидия Максимовна снисходительно улыбнулась. – Вы, правда, мне симпатичны, Лерочка, моё недовольство не связано с вами, – ещё раз подчеркнула она. – И девочки вам рады, оставайтесь до конца выходных, как и планировали. Обязательно оставайтесь!

Она осталась, несмотря на то, что проснулась с желанием уехать. Слишком двоякая ситуация, к тому же «дружить» с Игорем не хотелось, а ничего другого он не предлагал.

На обратном пути и вовсе – как в прорубь окунули. Из ясного, тёплого дня жажнули со всего маху в ледяную воду. Игорь сказал, что едет с женой в Австрию, везёт её в клинику. В подробности не вдавался, Лера постеснялась спрашивать. Именно в тот момент она поняла, что Алёшин Игорь Вячеславович – женат. Женат! Пусть она никогда не видела его жену, пусть и сам Игорь, и его мать нелестного мнения об этой женщине, но она – его жена. Законная. И всю следующую неделю он проведёт с ней. Права Лидия Максимовна, в какой-то момент ситуация станет для Леры невыносимой. Быстро же этот момент настал.

Всю ночь Лера ворочалась, представляла Игоря с женой, её фотографии она видела в комнате дочек Игоря: яркая, запоминающаяся брюнетка с выразительными формами, при этом совсем не полная. Поставь Леру рядом с Алёной, первая будет выглядеть блёклой мышью. Причём, она прекрасно понимала - это не больше, чем самоедство.

Писаной красавицей Лера себя не считала, но внешностью природа её не обидела. При высоком росте ей достались длинные ноги, изящная шея, и музыкальные руки – так говорил учитель музыки в школе. Лицо казалось простоватым, веснушки высыпали по весне, оккупируя курносый нос, располагались на широких скулах. Зато ряд ровных белых зубов и пухлый рот с лихвой компенсировали эти якобы недостатки. Копной кудрявых волос Лера особенно была довольна. Небольшую грудь и худые бёдра к недостаткам девушка не относилась. Высокая, худая, могла бы в модели податься.

Одним словом, объективно оценить, кто краше – она или жена Игоря, – не выходило. Обе краше. Какое-то детское измерение писек. Жена, в любом случае – Алёна, а Лера – «друг». Что и продемонстрировал во всей красе Игорь. За все выходные он не поцеловал её ни разу. Ни единого разочка. На прощание клюнул у уха, будто в путешествие по всем известному адресу послал, и уехал.

Олег сделал вид, что ничего не произошло, вопросы задавать не стал. Объяснил, какая болячка приключилась с Лериным ноутбуком, показал добавленные программы, болтал, как ни в чём не бывало. Всё время до четверга вёл себя лапочкой. Перед поездкой встретил Леру на остановке, донёс рюкзак до корпоративного автобуса, устроился рядом, всем видом давая понять – девушка занята. Как не злиться на такого милого, учтливового, до зубного скрежета положительного героя?

Как не сходить с ума, если три дня прошли под лозунгом: «Представь-ка в какой позе Игорь спит со своей женой». А три ночи под соусом: «Дура, ты Лера, дура! И всё-таки, представь-ка...»

В самое первое мгновение, увидев Игоря на тропинке между мачтовых сосен, Лера обрадовалась, как болонка, услышавшая шаги хозяина во дворе. Потом разозлилась. Подойти и устроить разборки мешала субординация, Игорь стоял с Шимановым, о чём-то подружески разговаривал. Что они приятели, Лера знала, беседе не удивилась ничуть, а вот присутствию Алёшина – очень. Нельзя сказать, что это было приятное удивление.

Зачем он приехал? Ещё больнее уколоть, кинуть щепоть соли на открытую рану? Показать себя, удовлетворённого, как кот, объевшийся жирных сливок? Именно таким

виделся Игорь Лере. А каким ещё после четырёх дней беспробудного жаркого секса с женой? Если бы Суздалева Валерия могла, она бы прожгла дыру в красивом торсе «друга».

В это время подскочила неугомонная Маруся со своим планом «Б», как заполнить Витюшу – Виктора Геннадьевича Шиманова. Маруся приволокла на тимбилдинг кастрюлю шашлыков, спустив на это немалые деньги, и решила пригласить начальника к столу. Коллеги сначала прониклись идеей совместной пьянки, даже стали скидываться на маринованное мясо, не кормить же девушке весь отдел, а узнав, что аттракцион невиданной щедрости ради Шиманова, приуныли.

Никому не хотелось сидеть по струнке рядом с руководителем. Достаточно того, что он бродил по базе и пристально следил, чтобы сотрудники не отлынивали от сплочения и выработки командного духа. Не только Шиманов, начальники других подразделений тоже не спускали глаз с подчинённых.

– Суздалева, – позвал Шиманов, Олег обернулся на голос, близоруко прищурился, благо зрение у парня страдало. Обычно он носил линзы, на тимбилдинг забыл упаковку, а в очках в эстафетах не поучаствуешь.

– Валерия, у меня личная просьба, окажите одолжение моему давнему другу Игорю Вячеславовичу.

– Какое? – Лера очень постаралась быть вежливой. Это её первая работа, она сама нашла её, прошла собеседование, проявила самостоятельность. Папа может гордиться своей девочкой.

– Насколько я понял, вечером намечается пирушка? Вот с этим и поможете. Игорь Вячеславович – Валерия. Валерия – Игорь Вячеславович.

– Очень приятно, – Игорь улыбнулся и посмотрел в упор на Леру.

– Взаимно, – Лера даже протянула руку для приветствия. Видишь, папа, ты хорошо воспитал доченьку, прошло тридцать восемь секунд, а её «друг» жив, и она не ревет от обиды.

Шиманов убрался восвояси, Лера продолжала прожигать дыру в Игоре, чудо, что на нём рубашка не загорелась. Игорь просто молча стоял и смотрел. Стоял, смотрел. И улыбался.

– Знаешь, рад тебя видеть, – выдохнул он.

– А я не очень, – огрызнулась в ответ Лера. Рад он...

– Правда? – Игорь нагнулся к уху, она почувствовала горячее дыхание и предательские мурашки по спине и шее. Усилием воли не подалась вперёд, в самый последний миг одёрнула себя, сжав крепко кулаки. Она чувствовала его губы в миллиметре от своей кожи, скользившее дыхание, и всё, что могла – зажмуриться в отчаянии.

– Пойдём, – он вывел её из состояния анабиоза.

– Куда?

– Готовиться к пирушке, – Игорь мягко улыбнулся. – Я так понимаю, ваш отдел пригласил Виктора Геннадьевича на дружеские посиделки, не идти же с пустыми руками. Невежливо.

– Ах, это...

Через пятнадцать минут они сидели в машине, Игорь рулил по узкой, асфальтированной дороге, а Лера пялилась в окно, иногда бросая взгляды на водителя. Воображение же подкидывало картинки одна хлеще другой: «Представь-ка, представь!» На шее царапина, маленькая, почти незаметная, у локтя красное пятно... «Представь-ка». Лера

вздогнула.

– Лер, что с тобой? – Игорь резко остановил машину, если бы Лера не была пристёгнута, влетела бы в торпеду БМВ.

– Представляю, как ты спал с женой, – не сдержалась она.

– Ух ты! И как, нравится?

– Нет, – она пожала плечами. – Я плохой друг, тебе ведь было хорошо трахаться в Австрии, а я не радуюсь!

– Я бы тоже не радовался, переспи ты с Олегом.

– Я и... переспала! Ты с женой, я с Олежечкой. Ведь сколько на свете хороших друзей! Хороших друзей! Хороших друзей! Ведь сколько на свете весёлых затей! Весёлых затей? Весёлых затей! – пропела она детскую песенку, вдруг всплывшую в памяти, едва не лопнув от злости, ревности и непрошенных слёз. Дёрнула за ручку, дверь ожидаемо была закрыта. – Выпусти!

– Чёрта с два! – прорычал он. – Что значит, переспала с Олежечкой?

– Ты маленький, не знаешь, как это происходит? После предварительных ласк эрегированный половой член партнёра вводится во влагалище, мужчина совершает поступательные движения – фрикции. Коитус, одним словом!

– Коитус? – Лера вжала голову в плечи, увидев тёмный, тяжёлый взгляд. Костяшки на мужских руках побелели, с такой силой Игорь сжал руль, дыхание стало прерывистым. – Коитус, значит?

– Копуляция, – Лера кивнула. – Совокупление, соитие.

– Послушай меня, Лера, ты не будешь ни с кем совокупляться, кроме меня, шутить на эту тему ты тоже не будешь. Никогда. Ни при каких условиях. Даже про себя. Либо ты со мной, либо – до свидания.

– А ты, значит... – Игорь не дал договорить, закрыл рот широкой ладонью, пахнувшей лосьоном после бриться.

– А я уже полтора года года не сношаюсь с женой, кажется, это слово из словаря синонимов ещё не звучало. Я не сплю с ней и не собираюсь. В понедельник начинаю бракоразводный процесс, он не будет скорым и лёгким, на кону дети и деньги – проблемы неизбежны, но в итоге я разведусь. Я развожусь, Лер, я не спал с ней, – последнее предложение он произнёс мягко, она наблюдала, как длинные, сильные пальцы с ухоженными ногтями отпускают рулевое колесо, кожа на костяшках приобретает нормальный цвет, а взгляд светлеет. – Лерка, глупая моя, девочка, хорошая, – она уткнулась в плечо Игоря, позволяя перебирать волосы, чувствуя кожей головы лёгкие поглаживания, утопая в тепле рук и мужского тела, аромате парфюма, терпкого и свежего, как ветер с Финского залива.

И он целовал её, едва касаясь щёк, лба, подбородка, скользя губами и дыханием, пока не коснулся губ, проведя кончиком языка между. Она почувствовала, как пальцы на её затылке напряглись, Игорь придвинулся ближе, другой рукой подтянул её за талию на себя, углубил поцелуй. Их языки встретились, будто только этого и ждали, ласкали и гладили, постепенно углубляя, наращивая темп фантастического поцелуя.

Лера стекала по креслу БМВ, хваталась за мужские плечи, пробегала пальцами по шее, сильнее вжималась в тело Игоря, отрывая губы от его губ лишь для того, чтобы перевести дыхание, и снова отдавалась поцелую. Никогда в жизни, никто не целовал её так... Нежно, чувственно, умело, переходя на настырный, жадный и жаркий темп. Голова нещадно

кружилась, она не поняла, как оказалась без футболки, а мужская ладонь накрыла холмик груди, скользнув под спортивный бюстгальтер. Она быстро расстегнула пуговицы на рубашке, спустила по мужским плечам, оставляя хаотичные поцелуи на шее, ключицах, груди, ведя ладонью по животу, до жёстких волосков ниже пупка.

Поёрзала, приподняла бёдра, позволяя снять с себя легинсы, не смущаясь того, что осталась в одном белье. Раздвинула ноги шире, позволяя пальцам пробраться под резинку спортивных трусов, уже влажных от возбуждения, и застонала от удовольствия. Игорь точно знал, что делал, понимал, где нужно легко погладить, а где необходимо ласкать круговыми движениями, усиливая нажим. Палец скользил от клитора ко входу и обратно, потом добавился второй, одновременно стимулируя все возможные точки наслаждения, а Лере до смерти хотелось ещё, ещё...

Да! Именно этого она ждала, такого вот безудержного, безостановочного, определённого желания близости. В прошлый раз с Игорем она чувствовала его, а сейчас её разрывало, не только тело, но и душу – вдребезги. Казалось, Лера не целый человек, не хватает пазла, и этот пазл – Игорь. Тяжело дышит, целует, ласкает, сводит с ума.

Лера дёрнула молнию на гультфике, обхватила член через бельё, огладила ствол, представляя, как будет хорошо, когда он войдёт в неё. Лучше, если прямо сейчас. Её ноги раздвинулись ещё шире, она потянула Игоря на себя, пробираясь рукой в трусы, чувствуя горячий член.

– Т-ш-щ, – прошептал Игорь в губы Лере. – Не лучшее место для первого раза, – проговорил и усилил ласки.

Если бы от желания могли умирать, Лера бы умерла, разбившись о камни оргазма, такого сильного, что на время она перестала видеть, слышать и даже дышать, просто парила где-то между небом и землёй, в пятой стихии.

Потом Игорь откинулся на сидение и позволил Лере довести его до конца рукой. Она подумала о минете, но движение он перехватил рукой, мотнув при этом головой. Лера смотрела, на мужчину рядом, скользя рукой по члену, разглядывала каждую чёрточку на лице, бусинку пота, морщинки у сомкнутых глаз, и ликовала. Ей нравилось, как он стонет, откидывается, отставляет ногу в сторону, обхватывает её ладонь своей, ускоряя темп. Прижимается своими губами к её, вдыхает запах, а потом жадно целует, двигая бёдрами всё сильнее и сильнее, пока не кончил. Лера не стала вырывать руку, почувствовав горячую влагу на пальцах, улыбнулась и ощутила себя счастливой.

Мимо проехала машина, Лера со смехом уткнулась в грудь Игоря, понимая, что краснеет. Неловкая ситуация, наверняка водитель из соседней машины видел, чем они занимались буквально несколько секунд назад.

– Забей, – услышала она сквозь мужской смех. – Господи, Лера, я ведь правда в первые секунды думал, что ты с этим хмырём переспала.

– Только в первые?

– Это от неожиданности, потом понял, что ты лгунишка.

– Как?

– По походке.

– Что?!

– Ну, по походке, ты не знаешь, что у девушки после первого раза походка меняется?

– Нет...

– Лерка, глупая моя! Просто понял, ощутил позвоночным столбом, если хочешь, – он

поцеловал у мочки, Лера в блаженстве закрыла глаза.

– А про походку, что это было?

– Шутка. Вообще, в мои лет тринадцать ходила такая байка, думаю, мне представится случай проверить.

– Это я-то глупая?! – Лера закатывалась в смехе, пока Игорь вытирался салфетками, одевался, потом протянул упаковку ей, помог натянуть леггинсы и, наконец, завёл машину.

Они купили вина, пива, помня о кастрюле маринованного мяса, взяли лосося, в магазине же замариновали стейки, докупили овощей и соусов. Одним словом, стол получился отменным, коллектив должен был сплотиться, а его дух оздоровиться.

Только Марусин энтузиазм таял на глазах, Виктор Геннадьевич демонстративно не замечал её, предпочитая общаться с кем угодно, только не с подчинённой из экологического отдела. И системный администратор был мрачнее тучи. Ушли они, кажется, вместе, точно Лера не знала.

Они сбежали в середине мероприятия на лодочную станцию, Игорь разбудил ночного сторожа, тот без капли удивления озвучил мзду в обход кассы за прокат лодки и отправился досыпать седьмой сон, выдав плав-средство парочке.

Они проговорили всю ночь, очень честно, по-настоящему откровенно, понимая, что у их истории мало шансов на хорошее завершение. Они постараются. Оба. А пока... Пока стоит наслаждаться моментом.

Игорь утром уехал, ему необходимо на дачу к дочерям, Лера осталась на тимбилдинге. Шиманов не подумал отпустить сотрудницу, да и ей требовалось время прийти в себя.

Глава 11

Неделя выдалась беспокойной. В понедельник Игорь вернулся с дачи с дочерьми, необходимо было пройти медицинский осмотр в детский сад. Формальность, на которую ушёл целый день. К вечеру состоялась встреча с новой няней, она быстро нашла общий язык с детьми, было решено – со следующей недели Антонина Сергеевна приступит к своим обязанностям.

Осень вступала в свои права, задувая холодными, порывистыми ветрами. Несмотря на мягкое тепло днями, люди, наученные обманчивой питерской погодой, накидывали ветровки и не выпускали из рук зонты. Учебный год начался, школьники вовсю сдавали первые самостоятельные и контрольные, занятия для малышей шли своим чередом, пришло время возвращаться с долгих летних каникул.

Вечер, естественно, провёл с детьми. Мелькнула мысль встретиться с Лерой, но решил не форсировать события. Слишком зыбкие у них отношения, едва ли не на уровне предварительных соглашений, всерьёз вмешивать детей не хотелось. Одному приезду знакомой на дачу девочки не придадут значения, а вот ещё одна встреча может насторожить. Чего именно опасался Игорь: отторжения со стороны девчонок или их привязанности к Лере, он не смог бы уверенно ответить. Для себя всё решил – будет с Лерой, однозначно попытается. Игорь не мог себе позволить упустить эту девушку. Не мог, и всё. Двигало им не просто желание секса с молодой, привлекательной, заинтересованной особой, а нечто большее – влюблённость?

Ограничился сообщениями и звонком. На сообщения Лера отвечала бодро, Игорь, как пацан, не выпускал из рук телефона, боясь пропустить значок Вайбера, а при разговоре несколько раз выразительно чихнула.

– Заболела? – обеспокоился Игорь. На базе отдыха, сидя в лодке, Лера отказалась

надеть толстовку, ей, видите ли, тепло, итог не заставил себя ждать. Подходила пора простуд, тепло стояло обманчивое, непривычное для конца сентября, а ветер налетал осенний – стылый, коварный, ещё немного – и повеет сыростью, принося повсеместное ОРЗ.

– Нет, так просто.

– Лекарства есть?

– Есть.

– Какие?

– Аспирин, где-то был... – как-то неуверенно пролепетала Лера. – Схожу в аптеку.

– Сиди дома, – отдал он распоряжение. – Принесу всё, что необходимо.

– Заражу тебя!

– Не выдумывай, – отчеканил Игорь и пошёл в аптеку, прихватив Лису и Лину.

К Лере отправился один. Оставлять шестилеток одних дома – не лучшая идея, но не вызывать же мать, она имеет право на день передышки от любимых внучек и личное время, вызванивать Антонину Сергеевну тоже сомнительный вариант.

Игорь тщательно осмотрел квартиру, на всякий случай убрал подальше ножи, отключил газ, проверил окна, несколько раз повторил правила поведения, всучил каждой дочери телефон в руки, усадил перед телевизором смотреть фильм и отправился к Лере. Да уж, Алёшин Игорь Вячеславович, рыцарь из тебя так себе, простенький подвиг совершить проблема. Принц с прицепом.

Лера открыла быстро, замерла в прихожей, пугая натёртым кончиком носа, отошла на несколько шагов, спрятав рот и нос в ворот футболки.

– Температуру измеряла? – Игорь проигнорировал фырчание девушки, заодно пришлось проигнорировать тот факт, что Лера действует на него даже в таком, непритязательном виде: огромная футболка, такие же штаны, взлохмаченные, торчащие в разные стороны волосы. – Градусник где? – в температуре сомнений не было.

– Нет? – странно ответила Лера.

– Так я и знал, – Игорь вытряхнул на стол покупки, в том числе и электронный градусник, о нём вспомнил в последний момент, решив, что лишним не будет.

– Тридцать семь и семь, – вздохнула Лера. – Нормально, почти тридцать шесть и шесть.

– Ага, – усмехнулся он. – Покажи-ка горло.

– Обалдел? – девушка подпрыгнула на стуле, кидая полные возмущения взгляды.

– Пару дней назад, помнится, ты порывалась в этот самый рот взять мой член, а сейчас стесняешься? – он по-доброму усмехнулся и погладил по бархатистой девичьей щеке. Как же хотелось накинуть на неё свою куртку и увести к себе, как есть – в растянутой пижаме и носках с изображением оленей Санта-Клауса. Хотелось принести горячий чай в постель, укутать одеялом и лично проследить за самочувствием. Но девочки... Девочки. Лиса и Лина. Всё не вовремя. Всё неправильно.

На следующий день Лера взяла больничный, о чём тут же отчиталась в сообщении. Водитель забрал мать, девочек и повёз на дачу, доживать там последние тёплые дни и собирать вещи, Игорь же планировал провести вечер с Лерой.

Не тут-то было, уже после обеда он, чертыхаясь на весь мир и себя, сажился в Сапсан, чтобы вечером выйти на перроне Тулы. Несчастный случай, благо, без летального исхода – нарушение техники безопасности. За каким-то чёртом Тульской полиции понадобился Алёшин лично. Вернее, ясно за каким – наличным.

В Туле проторчал два дня, в Питер вернулся в пятницу к вечеру, нужно было мчаться на дачу к матери, но забил. Поедет завтра, а то и послезавтра, сразу заберёт дочерей, и домой. В новый учебный год, к подготовке к школе, английскому языку, спорту, кружкам ИЗО и театральному, к детским будням и праздникам.

Сегодняшний вечер он хотел провести с Лерой. Безумие какое-то. Мысль бросить затею с романом с Валерией Суздальной билась раненым, шальным воробьём. Что, что он может предложить молодой, потрясающей девушке? Череду проблем... Две-три встречи в неделю, в лучшем случае. Если никто из детей не заболеет, никто не нарушит технику безопасности, не просрёт квартальную отчётность, не профукает контрактные обязательства. И речь ещё не шла о неминуемом разводе – вот где возможен филиал ада. Алёшин всю неделю общался с юристами, решая, с какого бока лучше подойти к процессу, каким образом не просто развестись, но и изолировать Алёну от дочерей. Хотя бы, пока она не избавится от зависимости, впрочем, в это Игорь не верил. Жёну всё устраивало как есть. Дети её не интересуют, ради них она и пальцем не пошевелит, а о финансовом благополучии позаботился покойный отец.

Лера открыла дверь, сияя бесподобной, девчачьей улыбкой, от которой у Игоря по-мальчишески подпрыгнуло сердце. Он отметил, что она прихорошилась к его приходу, выходит, ждала. Лёгкий макияж, платье с V-образным вырезом, мягкой волной обхватывающее стройные бёдра, длиной по аккуратные колени. Обувь на высоком каблучке с хлястиком у щиколотки, украшения, как всегда обманчиво неброские, современные, подходящие ей. Разве он мог всерьёз думать о том, чтобы отказаться от этой потрясающей девушки? Голову снести за такие сомнения мало.

– Как ты себя чувствуешь? – проговорил он, прижимая к себе тонкий стан, вдыхая сладко-свежий запах волос и нежной кожи, руки невольно сомкнулись на талии и с силой вдавили в себя девушку.

Мгновенно опалило желание, он опустил руки ниже, очертил упругие ягодицы, чувствуя под тканью платья соблазнительное кружево. Провёл по бёдрам, вернулся, снова задев ягодицы, к талии и поднялся ладонью выше по позвоночнику, чувствуя, как выгибается навстречу девичье тело. Стройное, желанное, сводящее с ума.

– Всё отлично, правда, – прошептала на ухо Лера, Игорь вздрогнул от горячего дыхания.

У него был план, абсолютно точно был. Он обещал показать Лере Коломну – родной район в центре. Оказалось, она там не бывала. В прошлый раз, при прогулке, они задели краем этот простой и в то же время романтичный уголок Петербурга, сегодня Валерия хотела исправить ситуацию. Потом они поужинают в каком-нибудь тихом ресторанчике на Крюковом канале или проспекте Римского-Корсакова и отправятся домой к нему, к ней, в гостиницу. Любой вариант, который она сочтёт приемлемым для своего первого раза. Откладывать и отказываться он не собирался, но и набрасываться с порога не хотел. Стопорил себя.

– Точно?

– Точно! – засмеялась Лера. – Ещё чуть-чуть, и я передумаю смотреть это твоё Семиозёрье, затащу в кровать и изнасилую.

– Семимосье, Лер, – поцеловал в нос, подмигнул и открыл дверь, пропуская вперёд девушку. Изнасилует она, скажите, пожалуйста, какая отважная. Где бы самому Игорю

набраться терпения, чтобы не наброситься, как дикий зверь... Сознание мутилось от острого, простреливающего желания, усугублённого голодом определённого плана. Эффект от близости и лёгких поцелуев должен отпустить. Игоря определённо должно хватить и на неспешную прогулку, и на ресторан, и на всё, что пожелает Лера. Сегодня её ночь – он обещал.

– А Семиозёрье где?

– По Выборгскому шоссе примерно километров девяносто, и по городу.

– Там же красивые озёра?

– И там тоже, в Ленинградской области много озёр, я покажу, а пока Покровский остров, Семимостье, заодно загадаешь желание.

– Сбудется? – она скептически посмотрела на Игоря.

– Слово петербуржца!

– Ну, давай, удиви провинциалку, петербуржец, – хихикнула Лера, усаживаясь на сиденье, пристёгивая ремень безопасности.

– Нуарная эстетика ждёт вас, мадмуазель, – он прикоснулся губами между большим и указательным пальцем на руке, а затем спустился ниже, чувствуя аккуратные ногти и аромат от кончиков пальцев.

Город был относительно пуст, пятница и вечер делали своё дело, горожане ловили последние тёплые дни за городом. Небольшие пробки на светофорах и уже традиционная – на набережной Фонтанки с двух сторон. Людей мало, лишь когда подъезжали к центру, появлялись привычные толпы глазеющих туристов и спешащей, разномастной молодёжи, слоняющейся без дела, одуревшей от свободы, молодости, бурлящей силы.

Остался позади Инженерный замок с кучкой туристов, пытающихся попасть монеткой на пьедестал Чижика-пыжика. Кони Клодта на Аничковом мосту, Толстовский дом и Измайловский сад, где бронзовый Петербургский ангел читает книгу под маленьким зонтом, а временные скульптуры, созданные художниками-декораторами мастерских Театра на Фонтанке, прижились и стали постоянными. Державинский переулок с его контрастом между усадьбой Державина и старым фондом, прозябающим без капитального ремонта – радость туристам и боль местным жителям. Расселённые дома, пугающие пустыми окнами-бойницами, и ограда ухоженного парка. Вся прелесть и контраст мещанского Петербурга, уместившиеся на одной улице от набережной Фонтанки до Первой Красноармейской улицы.

Адмиралтейские верфи – старейший завод, работающий по сей день, кажущийся с другого берега Фонтанки не просто закрытой территорией, а входом в прошедшие столетия, не просто так в этом месте традиционно собираются учащиеся художественных училищ на плэнер.

Покровский остров – название, знакомое не всем петербуржцам. Небольшой участок между рекой Фонтанка, каналом Грибоедова и Крюковым каналом. Добрались туда пешком, оставив машину во дворе детства Игоря.

Лера с интересом и скепсисом осмотрела двор-колодец, смотрящий на тихий бульвар старинными, чугунными воротами с современными приводами, открывающимися от брелока. Игорь взял за руку девушку, не отказав себе в лёгком поцелуе, углублять не стал, ни к чему провоцировать себя. Не сдержится – дёрнет на себя, зацелует, затащит в парадную рядом с БМВ и сделает своей в старой квартире своего детства.

Коломна встретила традиционной тишиной, буржуазно-мещанским духом, домами, помнящими Пушкина, Блока, Зинаиду Гиппиус и семью Ильи Репина. Камерные,

полупустые улицы с яркими пятнами Лютеранской церкви, Большой Хоральной Синагоги, особняком Шрётера, в циркуле на фасаде которого конспирологи видят таинственные знаки масонов, от того он зовётся в народе «Масонский».

– Так вот, какой ты, Пикалов мост, – пародируя присказку про северного оленя, проговорила Лера, смотря на небольшой мост через канал Грибоедова.

Она обернулась вокруг себя, выхватывая глазами купола над пронзительно-голубым Николо-Богоявленским собором, Свято-Исидовский храм – цвета охры, как шуршащие, опадающие листья клёнов, и тёмный, таинственный дом Вега, выполненный в контрастирующем округе неоклассицизме. Эдакий питерский томный декаданс на одном пяточке земли.

– Увидишь семь мостов, загадывай желание, – Игорь обнял Леру и провёл на середину моста. – Считай.

– Раз, – показала Лера.

– Красногвардейский мост, – прошептал Игорь на ухо, прижимая девушку к себе спиной, обхватывая одной рукой талию, а другую ненавязчиво устроив на бедре.

– Два, – дальше по каналу Грибоедова.

– Ново-Никольский.

– Три, – правее.

– Старо-Никольский.

– Четыре?

– Смежный, – подсказал Игорь, куда смотреть. – Через Крюков канал.

– Пять?

– Кашин мост, – он повернул их спиной к Красногвардейскому мосту и указал, куда нужно смотреть.

– Шесть, – дальше Кашина моста.

– Торговый.

– Семь. Пикалов.

– Загадывай.

Игорь не знал, что загадала Лера, он не загадал ничего. Когда-то, пробегая мальчишкой по любому из этих мостов он зажмуривал на секунду глаза и проговаривал нехитрые, мальчишеские желания: сдать контрольную по русичу, попасть на стадион на игру «Зенита», чтобы мама отпустила с дедом на рыбалку в марте, приятель по двору, Санёк, скорее вернулся с весенних каникул – отправили к бабушке в Москву.

Последнее желание он загадывал перед выпускным, а потом... Потом забылось. А ведь действительно, тогда, в детстве, всё сбывалось: контрольные Игорь сдавал без особенных проблем, на рыбалку с дедом отпускали, каникулы всегда заканчивались, и Санёк врвался к приятелю, вываливая вагон впечатлений.

Прямо сейчас Игорь не хотел ничего. Всё, что ему было нужно, он имел – Лера обернулась вокруг своей оси, её руки скользнули на пояс Игоря, а губы оказались на его губах. Он жадно целовал её, скользя руками по спине, опускаясь на бёдра и поднимаясь вверх по спине. Тягучие, долгие, сумасшедшие поцелуи, сладко-свежий запах, дуновение ветра в его спину и женские пальцы, играющие на его самообладании, задевая ногтями кожу головы и кромку волос у шеи.

– Нашли место, – прошипела недовольная старуха, едва не задев ногу Игоря палкой. – Дети гуляют, устроили срам среди бела дня, – бубнила старая, несмотря на то, что время

подходило к одиннадцати, детей на улице не было, зажглись первые фонари, а от белых ночей остался отклик серо-стального неба.

Они гуляли ещё. Тепло сменилось прохладным ветром, порой порывистым, но на тихих улочках почти не ощущалось духа осени. Лишь там, где на глаза попадались прорезающие небо тополя или раскидистые клёны, становилось понятно – пришла осень.

Спустя некоторое время, зашли в простенький, уютный ресторан, такой же камерный, как и вся Коломна. Устроились сначала на террасе с видом на Крюков канал, укутавшись в пледы, потом всё же перебрались в помещение, окунувшись в атмосферу тепла и интимного полумрака.

Ели... а что именно, Игорь не вспомнил бы под пытками. Он сходил с ума от девушки, сидящей напротив, от её улыбки, тонких пальцев под своей ладонью, тихого, журчащего смеха и улыбки, такой многообещающей, что поджимались пальцы на ногах, сердце ухало в желудок, а кровь неслась по организму с несвойственной скоростью, грозившей перегрузкой всему организму. Он не боялся нагрузки, наслаждался ею, ожил и дышал, дышал, дышал, впитывал до доньшка ощущение безграничного счастья, смаковал предвкушение.

Алёшин Игорь Вячеславович редко тащил женщин в постель без дежурных «ухаживаний» – букет-ресторан-постель почти всегда шли комплектом, за редким исключением, которым Лера едва не стала чуть менее месяца назад. Всё происходящее сейчас не было привычным танцем самца перед спариванием, в этот раз Игорь получал истинное удовольствие от происходящего. Его радовала компания, нравился уютный ресторан, внутри он ликовал от понимания, что эта потрясающая девушка пошла с ним... Хочет быть с ним, стать его. Такого восторга он не испытывал с юности, а вероятно, никогда. Не щенячий всплеск адреналина, а терпкий коктейль окситоцина и вазопрессина – гормонов счастья и привязанности.

Вышли из ресторана, когда ночь опустилась на город, уже почти тёмная. Зыбкие отголоски белой ночи, заблудившейся в осени, заволокло низкими, дождевыми тучами. Ветер усилился, из порывистого превращаясь в шквальный.

– Осень, – прокомментировал Игорь погоду.

– Не рано? – Лера выглядела удивлённой.

– Поздно, – он засмеялся в ответ. – Подожди, через пару недель выпадет снег.

– Врёшь, – захохотала девушка, сияя задорной улыбкой, будто дразнила.

– Можем поспорить, – он подмигнул.

– На что? – Лера подошла ближе и совершенно бесстыдно облизала губы, смотря в глаза Игоря. Откуда девственница научилась подобным приёмчикам? Впрочем, она не на Северном полюсе жила, такая красотка обязана уметь флиртовать и сводить с ума мужчин.

– Не приходит в голову ничего приличного, – не лукавил он. Какие приличия, когда юркий язычок напротив скользит по нижней губе, от уголка к уголку, показывая край белоснежных зубов, быстро облизывает верхнюю, а после женский взгляд падает на его напряжённый пах.

– Можем на неприличное...

– Не провоцируй меня, женщина.

– Я не женщина.

– Это ненадолго, – отрезал Игорь, будучи абсолютно уверенным в этом. Невербальные знаки, пограничный, на грани фривольности, флирт, неоднозначные намёки, невысказанные обещания и искры между ними, от которых может вспыхнуть алым заревом, тёмная,

ветренная, питерская ночь.

К тому времени, как подошли к арке родного дома Игоря, где поджидала БМВ, начавшийся морозящий дождь усилился, проникая упрямыми каплями за шиворот, оседая на волосах, плечах, ногах и обуви. Традиционный, осенний питерский дождь приветствовал запоздалых горожан, говоря, что он пришёл. Вернулся. И теперь надолго поселится в смурном городе с гранитными набережными, полукруглыми скверами, пышными фасадами дворцов и исторических доходных домов.

Сильный порыв ветра ударил в спину, Игорь поставил Леру перед собой и накинул на неё свой пиджак. На недовольный отказ, отрезал:

– Оденся, ветрено.

Лера поёжилась, соглашаясь, он обнял её и подтолкнул в длинную арку, выкрашенную в грязно-жёлтый цвет, с дореволюционной, чудом уцелевшей брусчаткой. Автомобиль приветливо мигнул фарами, приглашая спрятаться от дождя и ветра, задувающего под одежду и во дворе.

– Прыгай, – Игорь открыл дверь, убедился, что Лера уселась, и занял место водителя, тут же включив обогрев. А ведь буквально неделю назад в машине безостановочно работал кондиционер.

Он взял руки Леры, пальцы показались ему ледяными, поднёс к губам, подул, согревая теплом. Пахло умопомрачительной сладостью, дождём и ветром. Губы невольно коснулись подушечек пальцев, язык огладил местечко между указательным пальцем и большим. Поцелуи двинулись выше по руке, остановились у косточки на запястье, приникли к тонкой, шелковистой коже с внутренней стороны локтя, оставляя небольшой след, сошедший почти мгновенно.

Лера откинулась на сидении, Игорь тут же воспользовался ситуацией, оставляя ряд мелких поцелуев на шее, за ухом, по щеке, наконец, коснулся призывно приоткрытых губ и тут же углубил поцелуй, с восторгом принимая откровенный ответ. Она тянулась к нему, втиралась, скользила руками по плечам, расстёгивала пуговицы на его рубашке, гладила прохладной ладонью грудь, иногда задевая соски, и норовила попасть ниже, задевая чувствительные участки, снося мужское самообладание к чертям.

– Лер, – он не узнал свой хриплый голос, когда проворная ручка нырнула под его ремень, оставляя обжигающий след. – Подожди, – что он несёт, какое подожди? В паху ломило, перед глазами темнело, кружилось. Он больше не мог ждать, а она не желала.

Как же он хотел, как хотел. Мальчишеское безумие, забытое им за давностью лет. Острое, безотчётное, отчаянное, концентрированное. Сводящие с ума поцелуи, запах дождя и ветра, вздохи, от которых кружилась голова и парализовало мысли, стоны прямо в рот. Пальцы, кружащие вокруг женских сосков под кружевом, упругая, совершенная грудь и щекочущая нервы штанга пирсинга. Он слегка сдавил сосок, услышал отчётливый стон, Лера дёрнулась, машинально расставила ноги, Игорь осторожно потянул за штангу, услышал шёпот одобрения. Нагнулся для поцелуя и потерялся в ощущениях, собственном, уже неконтролируемом желании.

– Пойдём, – Игорь перегнулся через Леру, достал связку ключей из бардачка. – Пойдём, пойдём.

– Куда?

– Увидишь.

Не лучшее место, но испытывать терпение на прочность больше не было сил, оно

испарилось в морозе похоти.

Он подтолкнул Леру к парадной, открыл домофон, потащил вверх по лестнице, останавливаясь для хаотичных поцелуев и горячего шёпота в губы. Она не задавала вопросов, избежала вместе с ним, прерываясь лишь для ответных стонов и ласк.

Дверь открылась сразу, Игорь пошарил рукой по стене, щёлкнул выключателем, вдавил Леру в стену, приподнял её ногу в колене, глядя по внутренней и внешней стороне бедра, поглаживая влажное шёлковое бельё.

Подол задрался, открывая совершенный вид на стройные, бесконечно длинные ноги, заканчивающиеся кружевным треугольником. Положил ладонь туда, где влага оставила след, сжал, чувствуя пирсинг, впитал ртом протяжный стон и подхватил другую ногу, так же под колено. Лера обхватила поясницу ногами, двигала бёдрами, отвечала на хаотичные, безумные поцелуи, легко справляясь с пуговицами на его рубашке. В комнату они так и добрались: она – обхватив ногами его пояс, а он – придерживая лёгкую ношу за талию и под ягодицами.

Где-то было постельное бельё, Игоря хватило лишь на то, чтобы кинуть простынь на кровать, до одеяла с подушками дело не дошло. Уложил девушку поперёк и навис сверху, смотря в глаза, спрашивая взглядом, согласна ли она. Согласна?

Она закрыла глаза, соглашаясь, руки притянули Игоря, кожа к коже, кружево бюстгалтера отлетело в сторону вслед за треугольником трусиков. Кажется, не осталось ни одного участка на девичьем теле, где не побывали губы Игоря, сводя его с ума сладостью шелковистой, нежной кожи, запахом дождя и ветра.

И этот вид: Лера, слегка подрагивающая в предвкушении, обнажённая, с припухшими от поцелуев губами, с глазами, подёрнутыми поволокой желания. Округлая, идеальной формы, слегка напряжённая от возбуждения, небольшая грудь. Розовые, некрупные соски с аккуратными ареолами, дерзкий пирсинг, дразнящий и сводящий с ума рецепторы языка. Подрагивающий пупок на плоском, идеальном животе, голый лобок с поблёскивающим камушком пирсинга, стройные бёдра и бесконечные, как вечность, ноги, разведённые в стороны, открывающие бесподобный вид на пухлые половые губы и пирсинг над аккуратным клитором.

Он присел между её ног, нагнулся за брюками, под жадным взглядом Леры достал презерватив, раскатал по налитому, каменному члену и посмотрел на девушку перед ним. Совсем скоро она станет женщиной, его женщиной. Безумное чувство неконтролируемой эйфории завладевало им, он широко улыбнулся и нагнулся, чтобы поцеловать Леру.

Девушка замерла, едва заметно вздрогнула, когда почувствовала руку под ягодицами, поймала взгляд Игоря, когда он отодвинул в сторону её ногу, устраиваясь между, задевая членом нежную кожу внутренней части бедра.

– Не бойся, – шепнул он, заглушил невольный девичий испуг поцелуем, отложив то, чего так невыносимо, болезненно жаждал.

Скользил руками по девичьему телу, целовал, пока не почувствовал тот же отклик, что и некоторое время назад, нетерпеливое ёрзанье по простыне, не услышал тяжёлое дыхание и провоцирующий стон отчаянного желания. Её бёдра двигались, приподнимались и опускались, когда он скользил пальцами от клитора ко входу, останавливаясь на входе дольше, подготавливая для непривычного вторжения.

Он почувствовал ногти на своих ягодицах – останется след, выверенным движением направил член, сменив им руку, скользнул между складочек, остановился на секунду,

надавил немного, проникая, чувствуя нереальную тесноту и пульсирующий жар. Посмотрел на сосредоточенное личико Леры, прикоснулся к губам губами, отвлекая поцелуем.

В момент, когда его язык нырнул глубже, встречая ответ, бёдра качнулись вперёд, и он вошёл почти до конца. Следующим движением проник до упора, остановился, переводя дыхание от ошеломляющего чувства, и вышел, чтобы тут же войти, не оставляя Лере времени для сомнений и анализа.

Игорь двигался небыстро, но на полную длину, особенно когда Лера начала отвечать, поддаваясь вековым инстинктам. Синхронно с движением языка, она приподнимала и опускала бёдра, тяжело дыша и сладко постанывая. Ускорился, приподняв женские бёдра, придерживая под ягодицами, попросту не мог больше сдерживаться. Скользил внутрь и обратно, наращивая темп и амплитуду, так же набирая темп глубокого поцелуя, пока не почувствовал пульсацию вокруг члена и не услышал глубокое, рваное дыхание.

Лишь после её оргазма он кончил, опираясь одной рукой рядом с её лицом, а другой всё ещё придерживая бёдра, чувствуя влагу на своих пальцах.

– Спасибо, – наконец выдохнул он, откидываясь рядом, перехватывая Леру так, чтобы она перекатилась ему на грудь. Потрясающее чувство, сладкое, щемящее.

– Не за что, – прошептала девушка, довольно улыбаясь, щурясь, как кошка на солнце.

– Есть за что, – ответил он. И это не было дежурной фразой.

Дело не в пресловутой девственности, которую Лера подарила ему, как бы пафосно это ни звучало. Дело в надежде, поселившейся в его сердце, уверенности, которой щедро поделилась Лера. В запахе дождя и ветра, жадно присвоенном этой ночью Алёшиным Игорем Вячеславовичем, навсегда посчитавшим его своим.

Глава 12

Выходной, двенадцать часов дня, или всё-таки утра, по Лериному мнению. Вставать совсем не хотелось, вытащила ногу из-под одеяла – не так и холодно, даже тепло, но всё равно тут же спрятала лодыжку и хорошенько закуталась в одеяло.

Конец октября, от лета не осталось и воспоминаний, от осени тоже. Зима, впрочем, тоже не наступила. Погода балансировала между слякотью поздней осени и первым морозцем зимы. Ни туда и ни сюда.

Решительно перевернулась на другой бок, закрыла глаза, намереваясь поспать ещё часик, а то и весь день. Планов никаких не было, выбираться из дома не хотелось, даже просто вставать с постели не было желания.

Лерина жизнь замерла, как питерская погода, в точке «ни туда и ни сюда». Каждое утро вставала и шла на неинтересную работу, вечером – возвращалась домой. Иногда они с Марусей заскакивали после рабочего дня в соседний «Токио-сити», болтали, а потом каждая спешила домой. Вот тебе и взрослая, самостоятельная жизнь... Папа может гордиться своей дочерью, единственное её правонарушение за последний месяц – случайно не заплатила за трамвай.

У неё даже отношения с мужчиной были, на постоянной основе. Крепкие. Отношения, которых болезненно не хватало Лере. Выходит, прав был Игорь, дружба для них – единственно возможный вариант общения. Ей ведь даже обижаться не на что, она и не обижалась, но бесконечно скучать по Игорю не переставала.

Умом Лера всё понимала. Всё-всё-всё! Алёшин Игорь Вячеславович занятой человек, часто работающий допоздна, вечера проводящий с детьми, как и большую часть выходного дня. То у Лисы и Лины соревнования, то просят отвезти на каток, то идут в театр или цирк.

На что обижаться? Она ещё прекрасно помнила, как папа проводил с ней выходные дни, устраивал походы в детстве, а в подростковом возрасте терпел многочасовой шоппинг. Лиса и Лина нуждаются в Игоре ничуть не меньше, чем Лера, даже больше – они всего лишь маленькие девочки, а она – половозрелая девица, которой встреча с её мужчиной нужна не два-три раза в неделю, а каждый день. Чьи потребности важнее? Любой ответит – детей. И Лера согласится.

Как же было хорошо в ту, самую первую их ночь. Она хотела повторения той ночи, утра, дня, когда всё было для них двоих, казалось, мир крутится вокруг, исполняет любые желания и капризы, словно подтверждая легенду о магических свойствах Семимостья.

Лера счастливо смотрела в потолок, где мерцала хрустальная люстра каскадом, бросая отсвет на лепнину.

– Настоящая? – спросила она, показывая глазами на орнамент на потолке.

– Да, – Игорь гладил по её голому бедру, тёплый след от прикосновений заставлял дышать глубже, вдыхать слаще, чувствовать острее.

– А чья это квартира?

– Формально – материнская, я здесь вырос, – Лера резко перевернулась, устроилась на мужской груди, гася в себе желание поцеловать манящие губы.

– Расскажи.

– Что?

– Что хочешь, про своё детство.

– Потрясающе... Что тебе рассказать? Видишь фотографию представительного мужчины? – Лера проследила взглядом, увидела цветную фотографию в рамке. На ней был запечатлён человек, похожий на Игора, вернее уж, Игорь похож на мужчину в костюме, шляпе, на фоне Атлантов. – Это мой дед.

Потом Игорь рассказывал о дедке, бабушке, соседях, смеялся, что нужно сделать ремонт, а он каждый раз страдает от приступа сентиментальности, не может выкинуть бабушкины безделушки или дедовы старые фотоальбомы с видами Ленинграда.

Лера так увлеклась, когда разглядывала эти самые альбомы, что не заметила, как прошла пара часов. Никогда до этого она не бывала в подобных квартирах. Лепнина на потолках и стенах, арочные окна с полутораметровыми подоконниками, старинный паркет. А уж полукруглое окно в одной из комнат и печь с изразцами и вовсе несказанно удивили. Как в самом настоящем музее.

– Нашла музей, – улыбнулся Игорь и отвёл Леру в просторную ванную комнату с окном. Самым настоящим, большим окном, прикрытым цветными жалюзи. – На Петроградке есть квартиры, как музей, на Ваське, а это бывший доходный дом, внизу конюшни были, ворота до сих пор остались, ты видела справа, а дальше, в следующем дворе – дом терпимости был.

– Какой? – Лера не сразу поняла.

– Публичный дом, – Игорь подмигнул. – Последний бордель закрыли в тысяча девятьсот шестнадцатом году, до этого времени мещане, офицерский состав, а порой и дворяне заскакивали на блудливый огонёк местных жриц любви.

– Обалдеть, – Лера не поняла, чему она больше удивилась, тому, что находится в месте, где когда-то были конюшни, а ушлые дворянчики скидывали сексуальное напряжение с местными жрицами любви, или тому, что Игорь это знает. И не только это. Ему бы экскурсоводом работать, а не мебель производить. Кажется, он мог рассказать про любой,

попавшийся на глаза дом, независимо от того, памятник он или нет. В каком стиле построен, в каком веке, для кого, иногда – кто жил и что располагалось раньше.

А потом он её усадил в воду. Ванна была большой, кажется, больше стандартной метр восемьдесят, чугунной, покрытой свежей эмалью. Они прекрасно уместились вдвоём, она спиной к его груди, в тёплых во всех смыслах объятиях. Руки Игоря скользили по телу Леры, останавливались на груди, легко сдавливали, поглаживали, кружили вокруг сосков, опускались ниже и ниже. Она раздвинула ноги, поёрзав, чувствуя ягодицами напряжённый член.

– Не больно? – прошептал он, осторожно задевая между ног, легко скользя пальцами, не проникая внутрь.

– Нет, – вообще-то, мысленно Лера готовилась к боли при первом половом акте. Не боялась, не тряслась, как осиновый лист, не трепетала от одного вида мужского полового органа, не задавалась глупым вопросом: «Как же он в меня поместится?». Знала – поместится, но к боли готовилась.

Однако, ничего не произошло. Лёгкий дискомфорт, незначительная ломота внизу живота в самом начале – вот и всё неудобство. А позже и вовсе испытала оргазм, чего никак не ожидала от первого раза.

– Точно? – хрипло уточнил Игорь, поглаживая у клитора, вкуче с тёплой водой ласка становилась мучительно приятной.

– Да, – кивнула она, приподняла бёдра, он быстро зафиксировал её ноги своими, не позволяя свести, и продолжил ласкать, легко касаясь губами шеи и плеч.

Безумно хотелось, чтобы он вошёл внутрь, хотя бы пальцем, пока. Она инстинктивно двигала бёдрами, выворачивалась, стремилась к пику своего удовольствия, а он будто задался целью максимально раздражить и лишать разрядки раз за разом. Лёгкая пульсация, незначительная для полноценного завершения, сводила с ума. Лера стонала, перед глазами плыл потолок, светильник, кружилась лепнина, стены, рисунок на кафеле. Каждый раз, когда она натягивалась как струна, выгибалась, готовая кончить, он сбавлял темп или вовсе останавливался, ограничиваясь лёгкими поглаживаниями вокруг входа, что и вовсе было мукой – хотелось туда, глубже, сильнее.

Как она оказалась на кровати, впоследствии не вспомнила, точно не на своих двоих. В какой-то момент обнаружила себя лежащей, с подушкой под ягодицами, сходящей с ума от поглаживаний языка. Умопомрачительно! Ошеломляющее ощущение скольжения на грани, предоргазменная, сладкая пытка, всё не заканчивающаяся, пока Лера не потянула на себя Игоря, вынуждая подняться, впилась в его губы, чувствуя собственный вкус, и потерялась в иступлённом, головокружительном поцелуе.

Лера скользнула так, чтобы головка члена прошла по складочкам, задевая пирсинг. Резкий вздох удовольствия был синхронным. Поёрзала, расставляя ноги, надавила на мужские ягодицы, встречая сопротивление.

– Лер. Больно будет.

– К чёрту, больно мне будет, если я не кончу прямо сейчас.

– Ты кончишь, – налитая головка скользила у входа, унося в неведомые дали Лерино терпение, воспитание, даря взамен острое нетерпение.

– Не так, – она недовольно поморщилась и ещё раз сжала ягодицы, теперь наверняка останутся следы от ногтей.

– Если будет больно, скажешь, – наконец-то услышала она желаемое.

Незначительная заминка на презервативнемного отвлекла, Лера глубоко вздохнула, а выдыхала уже с настойчивым проникновением. Он не делал это быстро, как и в прошлый раз, но и не останавливался каждую секунду, сводя с ума нерешительностью. Проникал, давил, наполнял собой и лёгкой болью, от которой закружилась голова и стало ещё приятней. Едва войдя до упора – вышел, чтобы войти снова, на этот раз быстрее и глубже. С каждым толчком сильнее, глубже, глубже и сильнее, ещё, ещё, ещё, пока боль не переросла в нечеловеческое, пронзительное удовольствие, превратив её в сгусток концентрированного счастья.

Уснули под утро, проснулись лишь к обеду. Пока Лера ходила в ванную и изучала содержимое пустых кухонных шкафов, Игорь заказал доставку еды. И сходил за кофе на вынос – в соседнем доме расположилось симпатичное камерное кафе, там же взял свежую, ещё тёплую сдобу.

Потом гуляли, держась за руки, загадывали по очереди желания у львов и грифонов, целовались на том самом Поцелуевом мосту, любуясь на тёмные воды Мойки и величественный в любое время года и погоду Исаакиевский собор. Вечером же снова занимались любовью, как и утром, и ближе к обеду, пока Игорь не уехал за детьми...

А потом начались будни. Будни, с которыми пыталась примириться Суздалева Валерия, и ничего у неё не получалось. Её жизнь застыла в точке «ни туда и ни сюда», и, кажется, навсегда.

Они встречались с Игорем два-три раза в неделю, ходили гулять, иногда в кино или ресторан, потом шли к ней и занимались любовью, как озабоченные кролики. Лера полагала – она достаточно продвинутая девушка, без лишних комплексов и заскоков, но Игорь... Игорь удивлял. А может, сказывался эффект новизны – это был первый серьёзный роман Леры, первый мужчина, если не считать несерьёзные увлечения в прошлом, – естественно, всё ей было в новинку, к удивлению. Каждый раз, занимаясь с ней любовью, он сводил с ума. Был ли это банальный акт в миссионерской позе в неспешном ритме, или зубодробительный темп, стоя в прихожей, потому что не хватило терпения добраться в постель – итог был одинаково сумасшедший.

Он сводил с ума языком, творил руками чудеса с её телом, а одним своим присутствием лишал силы воли, соблазнял, даже развращал, если уместен этот термин в отношении совершеннолетней, здравомыслящей женщины.

Впрочем, в собственном здравомыслии Лера сомневалась чаще. Неужели она так и будет на вторых, третьих, десятых ролях в жизни Игоря? Смирится, будет ждать встречи, как верная болонка, задирает хвост в прихожей и млет от движения языка между ног... Аргумент бесспорно сильный, но дальше что?

Игорь не спешил расширять знакомство Леры с дочерьми. Она понимала его, действительно понимала. Отношения взрослых людей могут не сложиться, незачем впутывать детей. Но если бы она подружилась с Лисой и Линой, то могла бы чаще встречаться с Игорем, составлять компанию на катке, в «Крейзи-парке», да и в Русский музей походила бы с интересом. Главное, рядом – её мужчина.

Только Леру никто не спрашивал, всё, что ей оставалось – два-три вечера в неделю и одинокие ночи. Она, словно любовница женатого мужчины, задвинута на периферию его основной жизни. Хотя, если посмотреть правде в глаза, она и есть любовница. Шах и мат.

Глава 13

Раздался звонок телефона, Лера понадеялась, что Игорь, но нет. В среду он вылетел в Австрию, что тоже не добавляло хорошего настроения. Говорил, процесс развода запущен, нужно время и выдержка. Только где набраться терпения двадцатидвухлетней девушке? Она и так с начала лета ведёт себя до тошноты прилично, из противозаконного – лишь связь с женатым. Видишь, папа, что происходит, если запрещать взрослой дочери защищать редкие виды птиц.

– М-нда, – невразумительно проговорила в трубку.

Звонил Олег. Первое время после тимбилдинга Лера чувствовала себя неловко, будто намеренно обманула ожидания парня. Потом неловкие паузы сгладились, тяжёлого молчания становилось меньше, разговоров больше, атмосфера вновь налаживалась. Другом она Олега не считала, но и враг ей не нужен. Приятельствовать с коллегой – отличный формат отношений, устраивающий Леру и, кажется, самого Олега.

– Привет, чем занимаешься? – спросил до неприличия бодрый – для двенадцати часов утра выходного дня – голос.

– Валяюсь, – Лера потянулась, не удержалась от сладкого зевка.

– Слышу, – приглушённый смех был ответом. – Какие планы, вообще?

– Никаких.

– Давай выберемся куда-нибудь? Ближе к вечеру?

– Олег...

– Лер, ты не так меня поняла, просто выберемся, по дружбе. Посидим, поболтаем, пива выпьем. Я Чешский бар нашёл на Белинского – дёшево, красиво.

Вот только ещё одного друга ей не хватало... с одним уже «подружила», теперь лезет ночами на стены от тоски.

– Прости, я тут вспомнила, у меня дела. У тётки день рождения... ну... и...

– Да не буду я к тебе подкатывать, поговорить надо. Просто поговорить.

– Говори по телефону.

– О таком по телефону не говорят.

В итоге, после пятиминутного препирательства, согласилась. Стыдиться Лере нечего, планов на системного администратора у неё нет, а встречи с коллегами вне работы не возбраняются. Игорь проводил время с женой в Австрии, не сидеть же Лере безвылазно в квартире, пока он решает свои проблемы. Наверное, она нетерпеливая, хочет всего и сразу, не считается с интересами своего мужчины, не хочет вникать в его проблемы, которых, уверена, хватает, только ей никто о проблемах не рассказывает. Они встречаются и занимаются любовью, как бурундуки весной. Какой-то формат «для здоровья». Точка «ни туда и ни сюда».

Бар действительно оказался атмосферным, уютным и стильным: стены, перила, барная стойка, декор из массива дуба, кожаные кресла, удобные стулья с подлокотниками, старинные фотографии и современные картины на стенах. Ценник на еду выше среднего, но по миру загулявших не пустит, а алкоголь и вовсе недорогой. Правда, оценить вкус пива из собственной пивоварни Лера не могла, не знаток. Пиво и пиво – ничего особенно вкусного.

Олег начал издали, проехавшись сразу по больному.

– Всё ещё мутишь с этим Игорем Вячеславовичем? – отчество он подчеркнул специально, тыкая носом в разницу в возрасте и социальном положении, хотя последнее явно не про Суздальеву Валерию Валерьевну – дочь своего отца. Не миллионера, но человека во власти, что тоже не хухры-мухры, как говорила Валентина.

– Не начинай, – слайс пиццы, отправленный в рот, едва не застрял.

– Не в том смысле. Ты знаешь, что Настя окрысилась на тебя? Докладные строчит Шиманову с копией на вышестоящее руководство?

– Анастасия Николаевна?

– Какая ещё? – Олег пожал плечами.

– А ты откуда про докладные знаешь?

– Я так-то системный администратор, Лер. Имею доступ к служебной почте, внутренней переписке, файлам. Не проверяю, это дело службы безопасности, но в случае надобности – легко. Разговоры пошли, я любопытствовал.

– Разговоры?

– Как с Марса свалилась! Все уже знают, одна ты, блаженная, не видишь, что Настя на говно исходит после тимбилдинга.

Лера задумалась, она действительно ничего не замечала, мысли только вокруг Игоря. Неужели она стала настолько плохо справляться со своими нехитрыми обязанностями, что Настя уже пишет докладные записки вышестоящему начальству... Почему ей не сказала? Ерунда какая-то!

– Лер, ты правда дурочка или прикидываешься? – Олег откинулся на широкую спинку кресла, сложил руки в замок, скептически оглядел собеседницу. – На тимбилдинге ты сосалась при всех с этим твоим Игорем Вячеславовичем. Никому нельзя брать членов семьи, а к тебе любовник в открытую приехал, не абы кто, а дружбан Шиманова. Совпадение? Не думаю, – спародировал он Кисилёва.

– Вообще-то, совпадение.

– Скорей всего совпадение, если только вас не сам Витюша познакомил, а ты воспользовалась ситуацией... типа, Алёшину дала, чтобы он закинул удочку Шиманову, а тот уже почешется и начальству всё с нужного бока преподнесёт.

– Ничего себе, многоходовочка, – Лера засмеялась. – Не проще сразу Шиманову дать, как считаешь?

– Проще, – согласился Олег. – Если хочешь моё личное мнение, то вот оно: гонит Настька, ссыт, что её из-за детских больняков подвинут, а здесь ты, вся такая... перспективная, – стало ясно, что под «перспективной» имеется в виду что угодно, но не профессиональные качества Суздальевой Валерии. – В общем, я тебя предупредил. Будь осторожна.

– Спасибо, – Лера опешила и не знала, что ответить. – Правда, спасибо!

– Нема за что, диточка, – покривлялся Олег и заказал себе ещё пиво.

Они ещё посидели, заказали шашлыки, овощи и картофель Айдахо, по мнению Леры, оказавшиеся вполне съедобными. Олег же вынес вердикт: божественно. Добавили по пиву, несмотря на то, что второй бокал Лере был явно лишней. Она опустошила его наполовину, а остатки, в приступе рачительности, допила перед выходом из бара.

Ветер с Фонтанки дул в спину, яркие витрины баров, кафе и магазинчиков кружились, сливаясь в одно пятно.

– У меня к тебе вопрос интимного характера, – промусолил Олег на заднем сидении такси. Решили ехать на одном, сначала доберётся Лера, а потом Олег, или наоборот, как получится.

– Валяй, – гулять, так гулять, решила она.

– Вот если тебе не очень нравится человек, а послать ты его не можешь, как ты поступишь?

– В каком смысле «не нравится»?

– Так, ясен же красен, – заплетающимся языком промычал Олег. – В интимном.

– Типа, как ты мне? – глупо хрюкнула Лера.

– Ты сравнила! – перед взглядом Леры возник осуждающе покачивающийся мужской указательный палец. – Ты-то меня очень даже послала.

– Когда? – она округлила глаза.

– Когда-когда... Когда язык Игоря своего чуть не сожрала на тимбилдинге. Красноречиво и далеко послала. Не ссыкай, я не в обиде. А вот она – обидится. Не хотелось бы, человек-то хороший, просто не прёт мне, ну, типа, как тебе со мной, понимаешь?

– Ты про кого?

– Неважно.

– Про Марусю?

– Нет, – совсем неубедительно отнекивался Олег. – Ладно, твоя взяла, про Марусю. Как избавиться от неё и не обидеть?

– Никак, – подумав, заявила Лера. – Надо, чтобы она тебя послала.

– Вряд ли, – Олег сморщился. – Слушай, а давай, я тебя об услуге попрошу? Одолжение, типа?

– Ну?

– Вы с Шимановым встречаетесь? Ну там, в кино, в боулинг, типа парочками, как в мелодрамах, вот эта вся параша? Пригласи Марусю, она на него шликает, сведи их. Должен буду.

– Бегу и волосы за спиной, – фыркнула в ответ. И идея глупая, и сам разговор. Относительно оправдывает бредовый диалог пиво. К тому же, жалко стало Марусю – хорошего человека.

– Обещай, что подумаешь, – выбираясь из такси, пробормотал Олег и, пошатываясь, пошёл к подъезду.

Лера откинулась, закрыла глаза, прокручивая новости о кознях Анастасии Николаевны и горе-романе Маруси с Олегом. Последние не слишком интересовали. Разберутся как-нибудь, а Настя неприятно удивила. С другой стороны, что ещё можно подумать о связи двадцатидвухлетней девушки и успешного предпринимателя, приятеля непосредственного начальника. «Совпадение? Не думаю».

Увольняться не хотелось. Работа Лере не нравилась, но широкого выбора у молодого специалиста без опыта работы нет, а возвращаться домой, поджав хвост, не хотелось. Папа не осудит, посмеётся и закроет тему. Пристроит единственное чадо на тёплую должность, подарит квартирку с видом на море и машину – Мазду Х7 красного цвета. На юге хорошо, скоро хурма пойдёт и мандарины, сладкие, абхазские. И барабульку захотелось страшно, а ещё маринованный бамбук, приготовленный Валентиной.

Эх!

Только как же Лера уедет? Разве сравнится хурма, красная Мазда и барабулька с

Игорем? Она жить без него не может. Не может! А он сейчас в Австрии, жену навещает. Трогательно, обнять и рыдать.

В итоге расплакалась в такси, поднялась в квартиру, едва сдерживая истеричные всхлипывания, а за закрытыми дверями дала себе волю. Рыдала долго, навзрыд, до икоты, так и уснула – не смыв макияжа, в одежде, в позе эмбриона на неразобранной тахте.

Проснулась среди ночи от сигнала сообщения, машинально схватила телефон и долго смотрела в экран, с трудом соображая, что именно видит, что это не мираж, не воспалённое после пива и истерики воображение, а реальность.

Сообщение с незнакомого номера, с префиксом не российского оператора.

«Знаешь, что бывает со спящими с чужими мужьями?» – гласила надпись над селфи с красующейся парочкой. Оба таращились в камеру, Алёна на одной фотографии сияла, как натёртый пятак, а на другой прижалась губами к щеке мужа. Игорь не излучал счастье на морские мили вокруг себя, но и недовольным не выглядел.

«Ты – одна из многих», – было в следующем сообщении, к нему прилагалось несколько фотографий Игоря с женщинами. Не интимных, но кому понравится, когда любимый человек закатывается от смеха на фотографии, а неизвестная блондинка собственническим жестом положила ладонь на его бедро. Брюнетка хищно улыбается, заглядывает ему в глаза. И рыжая присела, отключив задницу, рядом с ним – эта, видимо, для комплекта.

Лера смотрела на экран, приближала лица, удаляла, боролась с желанием разбить телефон, стереть из памяти телефона изображения, а заодно и Алёшина Игоря Вячеславовича удалить из головы. Ничего удивительного, что он находит для неё время лишь два-три раза в неделю, нужно с блондинкой встретиться, брюнеткой, рыжую впихнуть в расписание, а в завершении навестить либеральную жёнушку. Может, они с супругой свингеры, откуда Лере знать? А тут она – со своей любовью, прицепилась, как банный лист к жопе, бедный Алёшин извёлся, совсем, как Олег, не зная, как послать в дальние дали надоевшую девку. Скоро Шиманову сосватает!

Чем больше Лера думала, тем больше злилась. Смотрела на циферблат, показывающий четыре часа утра, ходила кругами, хваталась за вещи, отбрасывала в сторону, зачем-то вытащила чемодан на середину комнаты, стала хаотично собирать всё, что попадалось под руку: купальник, пуховик, крем для загара, пудра, набор кистей для макияжа, серьги Сваровски, упаковку фундука.

Всё! Хватит с неё самостоятельной жизни! Склок на работе, добреньких системных администраторов, сомнительных подружек, раскрепощённых владельцев мебельного производства, окон с видом на «любовное гнездышко» собственного любовника и того, что прямо сейчас там горит свет... Свет?

Лера нервно сглотнула. Игорь в Австрии, почему в его квартире для свиданий свет? Должно быть логичное объяснение. Впрочем, Леру интересовала правда, а не логика, её она собиралась выяснить, пройдя через двор, поднявшись на нужный этаж. Консьерж сонно моргал, оглядывая голые ноги девушки в конце октября, при срывающемся то и дело снеге и слякоти на улице.

– Куда? – наконец выдавил дедок.

– В двести восьмую, – отчиталась Лера и промаршировала к лифтам.

– Упф, – ответили из-за стекла, больше никак не выразив протест против сомнительной девицы в пуховике и кроссовках на босую ногу.

Дверь открылась не сразу. Лера, пока добиралась, решила, что именно скажет

Алёшину, выбрала направление, куда послать чужого горе-мужа, несколько раз прокрутила в голове диалог, наслаждаясь собственной гордой поступью, когда будет уходить, громко хлопнув дверью. Пусть катится со своим графиком встреч, проблемами и осточертевшей осторожностью. Выходит, превышать скорость – опасно, прыгать с парашютом – безумие, жить в экологическом лагере на берегу Байкала – безрассудство, катать на сноуборде по пухляку и вовсе – верх глупости, а вот спать со всем разнообразием флоры и фауны – пожалуйста!

– Лер? – Игорь открыл не сразу. Рубашка выпростана из брюк, полностью расстёгнута, ремня в шлёвках нет, босиком.

Она едва не разрыдалась в отчаянии, похоронив собственный план уйти с гордо поднятой головой под рекой слёз. Смотрела на своего мужчину и сходила с ума от любви, от всего, что было им. От взлохмаченных, торчащих волос, хмурого, растерянного взгляда, гладко выбритого лица с прямым носом и упрямым подбородком. От запястий с часами и стильными браслетами, длинных пальцев, выступающих вен. От прокачанной широкой грудной клетки, косых мышц и мышц пресса, плоского живота, уходящего под брюки.

– Ты охренела? – выдал он, с силой дёргая за руку Леру, затаскивая в тёплую квартиру. – Ещё бы голая пришла!

– Охренел ты!

– Естественно, я охренел. Не успел зайти, раздеться, вваливаешься ты. Пьяная. Голая! На улице снег, Лера! Штаны надеть не подумала?! Почки лишние или придатки?!

– Заботливый!

– Нормальный. Разувайся! О, ещё и без носков! – прокомментировал он голые пальцы гостыи. – В ванную, быстро!

– Обнаглел, да?

– Нет, я офуел, нейтрально выражаясь, – он тащил упирающуюся, уже ничего не соображающую Леру.

Игорь один? Почему тогда здесь, а не дома? Что происходит? И как бы провалиться сквозь землю от стыда. Повела себя как психопатка – неумение управлять эмоциями, подозрительность, расторможенность, агрессия – всё, как в статьях на Яндекс Дзене.

– На, любуйся, – наконец, Лера вывернулась и сунула свой телефон в руку Игоря, не сводя глаз с его лица.

– Дьявол, – всё, чем прокомментировал он сообщения и фотографии, отложил телефон в сторону, на широкую полку, рядом со стопкой полотенец и декоративной корзинкой с душистым мылом. Включил горячую воду в душевой кабине, помещение начало наполняться паром. – Раздевайся.

Леру пробил озноб, она поняла, что замёрзла. Голые ноги, прикрытые лишь символическими шортами, покрылись гусиной кожей, руки затряслись, как в лихорадке, зубы чеканили неровный ритм. Игорь не стал долго ждать, быстро раздел девушку и пихнул под обжигающую воду со словами:

– Греешься не меньше десяти минут, не вздумай убежать, я рядом, – он закрыл дверь душевой кабины. Сквозь потёки по стеклу была видна мужская фигура, напряжённо скрещенные руки и ноги на ширине плеч. Лере казалось, она чувствует недовольный взгляд.

Ничего снисходительного, понимающего ни в позе, ни во взгляде мужчины не читалось. Никакого книжного: «Моя глупышка набедокурила, пожурю её, потом пожалею», в помине не было. Сдержанное недовольство, гнев. Лера из обвинителя превратилась в

трясущегося под горячими струями воды обвиняемого.

– Десять минут прошло. – Игорь резко отодвинул стеклянную дверь. – Выходишь?

– Да, – недовольно буркнула девушка, переступив порог кабины, опираясь на крепкую руку. Поморщилась от накинутого на плечи махрового халата, точно не по размеру Игорю, к тому же вопиюще женского бирюзового цвета.

– Чистый, – прекрасно понял её Игорь. – Потерпишь, – заключил он и подтолкнул в сторону спальни, к кровати, где однажды ночевала Лера. Усадил, как куклу, на середину, закутал ноги одеялом, поправил на голове чалму из полотенца и ушёл, чтобы вернуться почти сразу, неся поднос с чаем и мёдом.

– Аллергии нет?

– Нет, – буркнула она.

– Пей, – подтолкнул он поднос к Лере. – Теперь по порядку. Первое. Ещё одна подобная выходка, и мы расстаёмся, я тебе не воспитатель детского сада – это, надеюсь, понятно? Обсуждению не подлежит?

Промолчала, а что она могла ответить?

– Второе, давай разбираться. На первых фотографиях я с женой, я летал именно к ней, что тебя удивляет?

– Удивляет ваше миленькое семейное селфи, вот что меня удивляет!

– Фотографии для девочек, они знают, что я поехал к их матери. После поездок просят посмотреть фотографии, я не стану отказывать им, нравится тебе это или нет. Как эти фото оказались у тебя, кто переслал их с моего телефона, каким образом – выясню. У Алёны запрет на связь с внешним миром, в том числе по телефону – это часть реабилитации. Разрешены нечастые визиты родственников, одобренные заранее врачом. Я говорил с женой по поводу развода, пытался оговорить детали. Не лучшее время, но с ней никогда не будет лучшего. Либо она лечится, либо пьёт, либо балансирует на грани, срываясь в любой момент от всякой надуманной малости. С этим разобрались?

– Ну... – она не договорила.

– Третье, – перебил твёрдый мужской голос, не терпящий возражений. – Другим фотоотчётам сто лет на прошлую Пасху исполнилось, взяты из открытых источников.

– В смысле?

– В смысле, Гугл, Лера. Гугл. Яндекс. Только не говори, что не гуглила меня, я буду страшно раздосадован, – он криво усмехнулся. – Ты пока изучай интернет, – протянул Лерин телефон. – А я в душ. Устал как собака, добирался с двумя пересадками. Грязный, ещё немного – и козлом вонять начну.

Гугл помимо рабочей информации выдавал фотографии со светского раута – открытия модного ресторана в Москве полгода назад, именно там были сделаны снимки с блондинкой и брюнеткой. В том, с кем именно покинул мероприятие преуспевающий бизнесмен Алёшин Игорь Вячеславович, не было сомнений. Джентльмены предпочитают блондинок. Фото с рыжей нашлось в фейсбуке и вело, как ни странно, к Виктору Геннадьевичу. Оказалось, Алёшин и Шиманов отдыхали на одном горнолыжном курорте. Шиманов с рыжей, а Игорь с четырёхлетними синеглазыми красотками.

Потом пришлось говорить открыто, Лера не стала ничего скрывать. Ни своих сомнений, ни страхов, ни того, что безумно переживает из-за его женатого статуса, а ещё больше ревнует. Не понимает, почему он держит её на расстоянии от своих дочерей. Ведь она не враг им, а они такие славные, смешные, вовсе ей не в тягость...

– Лера, девочка, пойми, пока между нами происходят такие разборки, я не могу позволить вмешивать в наши отношения детей.

– Такого больше не повторится.

– Я подумаю, – всё, что ответил Игорь и, наконец, улыбнулся.

Позже они занимались любовью, как озабоченные, сумасшедшие кролики, навёрстывая дни воздержания. Уснули, когда на улице стало светло. Засыпая, Лера чувствовала себя по-настоящему счастливой. Она находилась в объятиях любимого мужчины, окутанная его теплом и запахом – это перечёркивало все сомнения и загодя решало возможные трудности.

Глава 14

Игорь с трудом открыл глаза. Выходной день, суббота, вставать в семь утра казалось кошмаром. Выбирать не приходилось, дела не отложить, жизнь течёт своим чередом, ждать поблажек неоткуда. Производство выходило на новый уровень, расширялось, требовало большей концентрации внимания, пока не станет в привычное, заново наработанное русло.

Он мысленно прокрутил в голове сегодняшний рабочий график, попытался скорректировать так, чтобы освободить вечер для Леры – не выходило. Не заявляться же на ночь глядя, когда всё, на что его хватит – секс.

Хорошо, хоть на интим сил хватает – мелькнула мысль. На самом деле, на секс у Игоря всегда хватало сил, желания и времени. В него словно сексуально одержимый бес вселился, настолько озабоченным он не был в шестнадцать, двадцать, двадцать пять лет. Не просто хотел гипотетического секса, как одну из основных потребностей организма, а именно с Валерией Суздальной – девушкой, которую он неожиданно для себя полюбил. Сильно, остро, как никого никогда не любил, даже в юности, когда все чувства острые и вновь.

Их отношения менялись, медленно продвигаясь к точке невозврата, когда встанет вопрос об официальном статусе Леры в жизни Игоря. Медленно ли, или он сам торопит события? Была бы его воля – наплевал на все условности ещё той ночью, когда она заявила к нему в «кроссовках на голу жопу». Расстроенная, взбешённая, с заплаканными глазами, она выбила почву из-под ног. Усилием воли он не взорвался, взбесившись от одной мысли, что Лера заболит по собственной глупости, а потом от причины дебоша.

Через нелепых событий выстроилась в один стройный ряд практически мгновенно. Алёна не общалась ни с кем, кроме друзей по несчастью, проходящих лечение в той же клинике, находящихся в тех же условиях – без средств связи с внешним миром. Навещала её лишь Сюзанна, с которой Игорь не общался со злополучного разговора. В дни приезда Игоря в Австрию, Сюзанна была там же, но он так и не нашёл времени встретиться с родственницей.

Большую часть времени мужчина провёл в беседах со специалистами, решая извечный вопрос – как залезть на ёлку и не ободрать задницу. Как сообщить о разводе и не усугубить состояние жены. Как развестись с наименьшими потерями для себя и, главное, детей, при этом не смешать с грязью Алёну, хотя бы в память о её отце. В остальное время решал рабочие вопросы. Бизнес не терпит передышек, тем более в момент, когда компания набирает немыслимые до этого года обороты производства и продаж.

Вечером же, не дожидаясь прямого рейса, Игорь убрался восвояси. Нестерпимо хотелось в Питер. К пронизывающему, холодному ветру, срывающемуся дождю со снегом, тёплым ладошкам дочерей, их задорному смеху и к сладким поцелуям Леры.

К дьяволу удобный, комфортабельный перелёт. Лучше пара пересадок и встреча с

Лерой уже утром, чем потерять половину дня и отложить поцелуи с ней на эту же грёбаную половину. Игорю глупо, нелепо, по-мальчишески не терпелось увидеть девушку.

А вот Сюзанна нашла время заглянуть к единственной племяннице, та, в свою очередь, не преминула сыграть в обиженную, всеми притесняемую сиротку – в излюбленном репертуаре зависимых, что от наркотической, что от алкогольной зависимости. Весь мир виноват в их трагедиях, этот же мир им бесконечно должен. Остальное – дело техники и женской изворотливости.

Игорь отходил от Алёны на несколько минут, оставив один на один с телефоном. Забраться в сообщения мессенджера не стоило ничего, пароль он не менял тысячу лет, надеясь на сканирование отпечатка пальца. Первое же открытое ею сообщение было Лере. Откровенная, неприкрытая нежность и влюблённость читались в каждой букве. На фоне разговора о разводе – взрыв астероида. Несколько кликов – переслать, удалить, подтереть следы.

Сюзанна решила действовать, спасти разваливающийся брак племянницы. Поверила крокодильим слезам и уверениям. Трудно винить сердобольную душу женщины, ещё верящей словам и уверениям алкоголички. Средства же выбрала примитивные, на уровне сельской хабалки.

Уже утром Игорь разговаривал с бывшей родственницей, установил чёткие рамки поведения и общения. Не постеснялся прямой угрозы лишить Алёну содержания, а саму Сюзанну – права видеться с Лисой и Линой. Угроза лишения содержания была пустой, тесть позаботился о будущем дочери, но, чёрт возьми, он найдёт возможность приструнить почти бывшую жену, поставить на место и оставить с голым задом. У него штат людей, спецов по семейному праву, финансисты, юристы, при необходимости наймёт ещё, у Алёны лишь тяга к алкоголю, как константа её существования.

Сюзанна не представляла опасности, она жила на дивиденды от счетов, оставленных на её имя мужем и братом, а так же от сдачи жилья в наём. Рантье, европейский средний класс. На безбедную жизнь, регулярные косметические процедуры с лихвой хватало, а суд с Алёшиным она не выиграет. Ни она, ни тем более пропившая мозги, сердце и возможности Алёна.

Неприятное объяснение с Лерой откладывать не стал. Говорил всё как есть, без прикрас и несбыточных обещаний. Она ответила пониманием сквозь пробивающееся недоверие. Было от чего не доверять Игорю: женатый, с детьми, проблемами, ушатом помоев от бывшей родственницы и мутными перспективами на будущее.

Игорь выслушал обиды Леры. Если бы речь шла лишь о бесноватых по содержанию и конечной цели сообщениях, было бы проще. Но она обижалась на выстроенные Игорем границы между ней и его детьми. Имела полное право.

А на что имел право он? Пустить в жизнь девочек Леру, будучи в подвешенных юридических отношениях с их матерью? Обнадёжить девушку, отчётливо понимая – она, в силу возраста, не в состоянии понять глубину пропасти, куда с юношеским задором готова прыгнуть? Или на свою любовь – болезненную, на грани с нездоровой одержимостью?

В то же воскресенье он позвал Леру на каток. В конце концов, если ничего не предпринимать, дело с мёртвой точки не сдвинется. Девочки были рады видеть знакомую, веселились всю дорогу до Ледового дворца. Оказалось, Лера неплохо стоит на коньках, пообещала научить малышей нескольким «трюкам». Детское воображение тут же нарисовало не меньше четверного тулупа, а то и полёты под куполом катка.

В итоге всё прошло отлично, примерно через час Игорь решил, что зря дёргается, и начал получать удовольствие от происходящего. Было от чего: неприкрытая детская радость, искренний смех, от которого теплело на душе, проблемы испарялись, как по мановению волшебной палочки, и дурманящее чувство щенячьей радости от присутствия рядом Леры.

Казалось бы, какая малость. Они просто катались, передвигались по льду компанией и поодиночке. Сначала Игорь придерживал Лису, а Лина отважно и косолапо скользила вокруг Леры. Потом поменялись местами. Позже девочки ехали первыми, Лина, как обычно, на полшага впереди более робкой сестры, а Игорь рядом с Лерой, взяв её за руку. Было в этом простом, невинном жесте столько нежности, нереализованных надежд, что закружилась голова. Мужчина словно увидел, как это могло бы быть... Он, Валерия, девочки. Простое, необходимое человеку счастье – счастье быть частью чего-то цельного. Семьи.

На обратном пути заехали в сетевой ресторан с детской комнатой. Пока готовился заказ, Лиса с Линой убежали играть, а Игорь остался с довольной Лерой за столом, краем глаза приглядывая за детьми.

– Не жалеешь, что пошла? – спросил он.

– Нет, – засияла Лера, похоже, она не лукавила.

– Тебе действительно понравилось?

– Да, весело!

– Дети – не всегда веселье, – не заметил, как криво улыбнулся, скользя взглядом по немного взлохмаченным волосам Леры. Под шлемом кудри спутались, заметно, что хозяйка пыталась привести их в порядок, но у непослушной шевелюры своё мнение.

– Ещё бы, – она кивнула и сделала глоток латте.

– Это правда.

– Ты меня запугать решил, да? – девчачья, задорная улыбка разгоняла демонов осторожности внутри Игоря. – Не выйдет! – девушка по-детски показала кончик языка.

Организм Игоря отреагировал неподходяще для столь невинного жеста. Тому виной длинные ноги и упругая попка под узкими джинсами, которой Лера бесстыдно крутила перед его носом всё время на катке. Впрочем, не крутила, просто у постоянно сексуально голодного в последнее время организма Игоря было другое мнение. Любой, самый невинный жест он расценивал, как провокацию, был готов к подвигам в любое время, в самом неподходящем месте.

– Они классные, – Лера тепло улыбнулась. – Лина всё время впереди, важная такая, командует.

– Она первая родилась.

– Это видно, деловая, – снова мелькнула задорная улыбка, от которой хотелось так же сиять, обнять собеседницу и весь мир заодно. – А ты не думал Лису на танцы отдать? Она такая... пластичная, не знаю, как это правильно называется. Музыкальная?

– Думал, – на долю секунды Игорь замешкался. Странно было вести подобный разговор с Лерой. Подобные вещи он обсуждал с матерью, иногда с нянями и педагогами Лисы и Лины, Лера же была, как из параллельной вселенной. – Они выбрали самбо.

– Молодцы! Я же говорила, они классные.

– Думаешь, молодцы? – Игорь едва заметно поморщился, кинул взгляд на сестричек. – Не девчачье дело – борьба.

Увлечение Лины и Лисы боевыми единоборствами он воспринимал как временное.

Надеялся, вскоре малышки перерастут, втянутся в более подходящие для них занятия – рисование, музыка, танцы, да хоть вышивание гладью и ришелье, но не борьба. Но пока глазёнки горели у обеих, он, как и полагается отцу, поддерживал начинания, поощрял за любые, самые незначительные достижения и приободрял в случае неудач.

Детское увлечение – всего лишь детское увлечение. Что говорить, Алёшин Игорь Вячеславович – преуспевающий бизнесмен, в свободное время с радостью тягающий железо в спортивном зале, – в семилетнем возрасте поддался сиюминутному интересу и записался в кружок танцев в местном доме творчества для школьников. И, кстати, занимался аж до конца второго класса.

Можно только вообразить «радость» деда, исправно посещавшего открытые уроки, смотревшего на внука в облегающих трико на худых ногах с торчащими коленками. К танцам Игорь вернулся в десятом классе, когда его поставили в пару к однокласснице, чтобы они изобразили на сцене вальс. Позже, пересматривая запись, Игорь понял, что он изображал вековое дерево, неколебимое, не идущее на сотрудничество с музыкой Дунаевского.

– Девчачье, – Лера фыркнула.

– Боюсь, вырастут мужеподобными.

– Я не выросла, – пожалала она плечами, растекаясь в кошачьей улыбке.

– Ты занималась борьбой? – Вот эта стройная девушка модельной внешности, с изящными запястьями и тонкими кистями, как на полотнах Альтмана, занималась борьбой?

– Армейский рукопашный бой, вернее, как бы армейский рукопашный бой, настоящий запрещён среди гражданских лиц, как тебе известно, – Игорь не знал, первый раз слышал. – Спортивное самбо и немного боевое.

– А как же танцы? Ты не пластичная?

– Я высокая, дылда, в общем, для танцев не подхожу. Меня в модельное агентство приглашали в тринадцать лет – Москва, Европа, мировое турне.

– И не захотела?

– Захотела, а как же! Целый вечер хотела, пока папа не вернулся с работы и не объяснил, чего я на самом деле должна хотеть.

– Чего же?

– Математику, русский язык, особенно внеклассное чтение, пожёванные молью произведения классической литературы, а ещё влажную уборку трижды в неделю и приготовление борща.

– Строг.

– Ага! – Лера засмеялась, было видно – она не держит зла на отца, любит его. Рассказывала с доброй улыбкой, довольно посмеиваясь. – Но справедлив! Отвёл к своему приятелю, тренеру единоборств, и велел выкинуть идиотизм из головы. Мне понравилось, я ещё студенткой занималась, а потом бросила.

– Можешь показать что-нибудь? Приём, болевой?

Стало по-глупому любопытно, не верилось до конца. Суздалева Лера – настоящая красавица, её образ никак не сочетался с «запрещённым для гражданских лиц армейским рукопашным боем».

– Ладно, – пожалала плечами Лера.

Игорь заворуженно смотрел, как женские пальцы с неброским маникюром обхватывают его широкую, загорелую ладонь, едва уловимым движением скользят между пальцев, будто соблазняя, обещая так много, что отозвалось в паху. Резкая боль мгновенно

вывела из мечтаний, Игорь зашипел, интуитивно попытался выдернуть руку, не сумел, в глазах потемнело. Он с трудом сдержался от крика. Боль была неожиданная и неминуемая, глянув на захват обманчиво нежных пальчиков, понял, если дёрнет руку – будет только хуже. Болевой захват, рычаг пальцев, не сходя с места, не меняя позы, выражения лица, всё с той же девчачьей улыбкой, от которой он стабильно отпускает мозги погулять.

– Ничего себе! – тряс он рукой, не скрывая восторга и гримасы боли.

– Как-то так, – отмахнулась Лера. – Не лишние знания для девочек, – подмигнула, посмотрела в сторону детской комнаты, отгороженной от зала стеклянной стеной, чтобы родителям было лучше видно отпрысков.

Лиса старательно раскрашивала раскраски, высунув кончик языка от усердия, а Лина спорила с мальчиком, бросая на оппонента недовольные взгляды, всем своим видом показывая, что уступать не собирается, о чём бы ни был спор.

– Так вот как ты сохранила девственность, – немного нелепо пошутил Игорь, когда взгляд Леры вернулся к нему.

– Да на неё как-то особенно не покушались... Я не специально, честно слово, – прыснула она, не смущаясь нелепого замечания.

Игорь действительно иногда недоумевал, удивлялся, задавался вопросами. Впрочем, чаще всего он не думал об этом, просто иррационально радовался тому, что именно он стал первым мужчиной Леры. Его Леры. На все сто процентов его. В нём просыпался собственник с психологией неандертальца, готового бить себя в грудь, подобно Кинг-Конгу, и громогласно орать: «Моя! Моя! Моя!»

– У меня был парень, если тебе так интересно, – она наигранно, сладенько улыбнулась. Игорь понял, ему абсолютно неинтересно, но отрицательного ответа дожидаться не стали и продолжили: – В одиннадцатом классе. Всё было серьёзней, чем кишечная палочка в разгар пляжного сезона, чтоб ты понимал. Ему уже было восемнадцать лет, отец «сделал» ему права и давал иногда свою машину. В этой самой Ауди мы и постигали премудрости петтинга.

– Лер, я не хочу этого знать.

– Нет, нет, – ответ прозвучал с нескрываемой ехидцей. – Я расскажу. Печальная история, между прочим. Монтекки и Капулетти нервно грызут ногти в стороне. Держи салфетку, – она ткнула салфеткой в ладонь Игоря. – Будешь слёзы утирать. И вот однажды, – в лучших традициях триллеров продолжила Лера, – мы решили, что пора переходить к основному блюду. Вернее, я решила, он бы перешёл в первый вечер, а я ждала подходящего случая. В машине не романтично и не гигиенично. Папу отправили в командировку, в тот же вечер мы встретились у меня. Цветы, свечи, музыка... – она нервно захохотала. – В общем, в самый ответственный момент он остановился и убежал!

– Да ты что?!

– Сложно продолжать, когда в голый зад тычет охотничья двустволка. В общем, нет повести печальнее на свете, – Лера забавно выпятила нижнюю губу, изобразила, как протирает слёзы и тяжело, скорбно вздыхает.

– Лер, прости, – не выдержал Игорь и заржал, даже не над ситуацией, а над тем, как в лицах, дурачась, говорит Лера. При этом ясно, что рассказывала она правду, не нагоняла тумана, не напускала ненужной загадочности.

– Вот ты смеёшься, а парень, между прочим, домой без трусов вернулся! У него, может, травма психологическая на всю жизнь!

– Главное, чтобы у тебя не было травмы.

– Была бы, ещё немного – и лопнули бы барабанные перепонки от ора папы, – она фыркнула. – Так и закончилась трагическая история любви в уездном городе. Родитель Ромео был подчинённым родителя Джульетты, после небольшой беседы под сенью служебного кабинета благородных отцов семейств, к влюблённому юноше было применено взыскание, и больше возлюбленные не встречались никогда в жизни.

– Никогда-никогда? Боже, это так грустно, – Игорь вытер салфеткой нос.

– Не, в школе они виделись каждый день, но романтическое настроение, как ты понимаешь, было потеряно навсегда!

– Ещё бы, с дулом у голой жопы, – не выдержал и снова засмеялся. – Мне нравится методика воспитания твоего отца, Лера.

– Посмотрим, что скажет на это твоя голая попа, – хмыкнула девушка. Поднесли заказ, Игорь ушёл за Лисой и Линой, а Лера осталась за столиком, провожая мужчину взглядом.

Неизвестно почему, но в тот момент он почувствовал прикосновение металла к своей оголённой заднице...

Глава 15

Вставать всё-таки пришлось. Утро начал с «дабл кофе» – рецепт, уходивший корнями ещё в Союз или время Перестройки. Игорь не интересовался, но именно с такой – лошадиной – дозы кофеина начинала свой день мать, будучи моложе, от неё и он перенял привычку. Никакой эспрессо не смог перебить вкус «дабл кофе». Холодный душ взбудрил окончательно. Игорь быстро глянул на часы, оставалось несколько минут до прихода няни Антонины Сергеевны.

В комнате девочек тихо – спали. Он хотел сегодняшний день провести с ними, отвезти на занятия в Русский музей, потом пообедать в пиццерии, погулять, если позволит погода, просто поиграть с ними – и очередной раз не удавалось. Накануне Лина выразила решительный протест, надулась, отказалась от папиного участия в раскрашивании альбома с раскрасками.

На занятия они отправятся с Антониной Сергеевной, с которой быстро нашли общий язык, а после семнадцати часов их перехватит мать. Куда они отправятся с бабушкой, Игорь спрашивать не стал, дабы не провоцировать лишние упрёки в свой адрес.

Да, он критически мало уделяет внимания Лисе и Лине. Да, он погряз в бизнесе, и «деревяшки ему дороже детей». И, да, он-таки должен подумать о матери для них, «чтобы в их жизни была хоть какая-то стабильность». По мнению матери, естественно. Почему-то забылось, что сама она всё детство сына работала в полную силу, а в периоды кризисов в стране – в две-три лошадиные силы. Игорь вырос, не скатился, не пошёл по кривой дорожке, можно сказать, состоялся как личность. Минимум, как бизнесмен.

Он бы с радостью «нашёл детям мать», вычеркнув навсегда из их жизни Алёну, но к детям прикладывался и он, собственной ненаглядной персоной. А он не желал никого видеть рядом с собой кроме Валерии Суздалевой. А какая из Леры мама?.. Девчонка совсем. Девчонка, в которую он влюбился, как сопливый пацан, и не собирался, а в первую очередь не хотел, ничего с этим делать.

Детская была просторной. Кровати на «втором ярусе» в виде яхт, с парусами-балдахинами, сделанными на заказ на его производстве, как и остальная мебель. Встроенные шкафы-купе, функциональные стеллажи, рабочие столы. Потолок в виде неба с облаками, по

ночам вспыхивающий тусклыми диодными «звёздами», был особенно любим девочками. Рабочая и огромная игровая зона, заваленная игрушками. Конструкторы, мебель, машины, целые замки для кукольных семейств, плюшевые игрушки, пазлы, резиновые пауки и пластиковые драконы, разборные динозавры, каучуковые мячи. Пластиковое оружие, в основном мечи, шпаги, секиры – сокровища Лины.

Наверное, не стоило покупать столько игрушек детям, да и пора бы расселить их по разным комнатам, но... Не баловать малышей Игорь не мог, время от времени пытался быть строгим отцом, но эта роль была близка ему не сильнее, чем роль счастливого мужа Алёны.

Поправил одеяло Лисе – та, как всегда, лежала на животе, подтянув ноги к животу, выпроставшись из-под одеяла, засунув голову под подушку. Как в принципе можно так спать? Похлопал по попе, Лиса завозилась, перевернулась на бок, откинула подушку и отчётливой засопела.

Лина раскинула руки и ноги, одеяло отлетело в сторону, подушка сбилась, лишь неизменный вислоухий, изрядно потрёпанный заяц покорно лежал рядом с хозяйкой, кося немного поцарапанным пластиковым глазом. Поправил подушку, укрыл одеялом. Кожа малышки показалась горячей, потрогал лоб. Лина недовольно хныкнула. Пришлось принести градусник, измерить температуру, благо электронный термометр держать долго не надо, недовольство не успело вылиться в слёзы.

Тридцать восемь. Не критичная температура для ребёнка, и не говорящая ровным счётом ни о чём. Диапазон возможных диагнозов бесконечен. Вечером дочка была здорова, веселилась, прыгала на батуте, носилась сломя голову по первому этажу – приходилось время от времени одёргивать, напоминать, что за стеной и этажом ниже соседи, надо уважать покой людей, стараться вести себя тише. А с утра пораньше сомнительный сюрприз – тридцать восемь.

Игорь спустился вниз, не задумываясь, позвонил заместителю, предупредил, что задержится. С начальством не спорят, тем более в восемь утра субботы. Проблемы это не решало, дома отсидеться всё равно не выйдет.

Дождлся Антонину Сергеевну, вызвал врача. Благо, клиника частная, педиатр ведёт детей с рождения, все хвори знакомы. Дождлся, когда проснётся Лиса, а за ней и Лина. Дочка, как ожидалось, была вялая, за завтраком капризничала, бесконечно забиралась к отцу на руки, хныкала, просилась гулять, завести енота или хотя бы сходить в контактный зоопарк, новые пазлы, смотреть мультик, полежать рядом с папой.

Антонина Сергеевна отвлекала Лису. Естественно, ни о каком Русском музее речи не шло, как и о прогулке. Через час Лиса ожидаемо выдала свои тридцать восемь и три и полный набор капризов. Болели сестрички всегда на пару. Стоило одной чихнуть, вторая подхватывала с энтузиазмом, и существование Игоря превращалась в небольшой апокалипсис местного значения. В этот раз исключения не случилось.

Пришедший педиатр – Мария Ильинична, от силы лет тридцати, – приветливо улыбнулась малышам, внимательно осмотрела каждую и вынесла вердикт: банальное ОРЗ. Игорь выдохнул с облегчением. Приятного мало, но не конец света. Осень – время простуд, без ОРЗ не обходится ни одно «очей очарованье».

Игорю с трудом удалось сторговаться, чтобы уйти из дома. Встречи ассистентка перенесла, зам стоял грудью и отбивался, как мог, но личное присутствие необходимо, хотя бы до шестнадцати часов. Встречу с представителями строительной компании просто так не сольёшь. Не те партнёры, которых возможно проигнорировать. Первый опыт сотрудничества

прошёл на «ура», упускать возможность долгосрочного контракта было бы кошунством. Алёшин заинтересован в них больше, чем они в нём – такова сухая выжимка, а значит, придётся подстроиться. Начав, как водится, с себя.

С девочками осталась Антонина Сергеевна, предупредив, сможет максимум до восемнадцати часов, и это при условии, что Игорь оплатит такси в Пулково. Прилетает какая-то долгожданная родня. Всё было оговорено заранее, день распланирован, отменить приземление самолёта невозможно. Пришлось звонить матери, менять планы, договариваться, что подъедет, на случай, если он не успеет.

Чёртова, чёртова осень! Прошло несколько часов после того, как он встал с кровати, а ощущение, что неделя. Детские болезни, даже элементарные сезонные простуды, выматывали похлеще двадцатикилометровых марафонов.

В итоге, после продуктивных переговоров остался решать мелочи с Шимановым, мечтающим свалить в закат выходного дня, но вынужденным выполнять распоряжения вышестоящего руководства. Обедал в офисе, на ходу, как и ассистентка, замы и директор по производству.

Ближе к восемнадцати часам Алёшин Игорь Вячеславович пытался попасть домой, матерясь на каждом красном светофоре. Мать застряла на Лиговском проспекте в пробке, не обещающей рассосаться в ближайшее тысячелетие. А Антонина Сергеевна нервно топталась у двери, поглядывая на часы.

– Да, – ответил Игорь по громкой связи. Голос Леры прорезал салон. Отличная акустика создавала впечатление присутствия девушки рядом, не хватало лишь сладко-свежего аромата и задорной, девчачьей улыбки. Он скучал, господи, как же он невыносимо скучал по ней. Каждый день. Ежечасно.

– Ты не звонишь целый день, что-то случилось? – в голосе не было ожидаемой обиды или капризов, как это было с любой другой женщиной. Она действительно беспокоилась о нём, о девочках, что бесконечно подкупало Игоря.

– Прости, Лер, замотался. Девчонки заболели, с утра врач, потом Шиманов, пробки эти, – дальше он в сердцах выругался, пришлось извиняться перед собеседницей.

– Заболели? Что-то серьёзное? Мне жаль.

– Ничего страшного, просто простуда.

– Голос, будто не просто...

– Нервничаю, просто, прости, если прозвучало грубо.

– Перестань извиняться за каждое слово и объясни по-человечески, в чём дело. Ты говоришь так, будто астероид упал от тебя в трёх метрах, а не «просто простуда» у девочек.

– Няню обещал отпустить в шесть, не успеваю. И мать не успевает. Не хочется подводить человека, заранее договаривались.

– О, давай, я сменю Антонину Сергеевну, – имя Лере было известно, они даже бегло встречались пару раз.

Первый – на детской площадке. Игорь общался с дочками на вечерней прогулке с няней, перед тем, как отправиться на свидание с Лерой, а она в это время выскочила из парадной, в узких брючках выше щиколотки, обуви на высоком каблуке и с ярким макияжем, всем видом показывающим, что это не деловое свидание. Подошла поболтать с малышками. Лиса подбежала обниматься, тут же начала делиться новостями. Лина вела себя более сдержанно, в итоге не выдержала и тоже разговорилась с Лерой.

И второй – Игорь забирал девчонок из спортивного клуба, предварительно заскочив за

Лерой на работу. Тогда они подвезли Антонину Сергеевну к метро, дальше женщина тактично отказалась, бросив немного любопытный взгляд в сторону Леры. Взрослому человеку становилась ясна степень близости Игоря Вячеславовича и молодой красавицы с копной непослушных кудрей.

– Правда, ты только предупреди, что я приду.

– А это удобно?

– Ну, тебе было удобно на прошлой неделе собирать мне комод, – смех в салоне отдался щекоткой в солнечном сплетении, а воспоминания, чем закончилась сборка мебели – тяжестью в паху.

– Комод произведён на моей фабрике, – со смехом ответил он. – Можно сказать, это дело профессиональной чести и достоинства. К тому же, никогда не помешает козырнуть перед барышней хозяйственностью.

– Считай, что я хочу козырнуть перед тобой домовитостью, – фыркнули с той стороны.

– Это действительно удобно? – меньше всего на свете Игорь хотел повесить свои проблемы с детьми на Леру. Будь она лет на семь старше... хотя бы на пять. Мир чертовски несправедлив! Не то, чтобы он желал ей стать старше или был недоволен своим возрастом, но всё вместе давало дерьмовый комплект несовпадений.

– Ты мне не доверяешь?

– Не в этом дело... просто... хорошо, Лер, – он быстро глянул на часы. – Я звоню Антонине Сергеевне. Когда ты будешь?

– Минут через десять.

– Отлично, до связи.

Через полчаса позвонила Лина, наигранно несчастным голоском просила привезти пиццу, обязательно, просто непременно – с ананасами. Лиса же вздыхала рядом – он почти увидел, как она заламывает руки в театральном жесте, – и тонюсеньким голоском просила пепси-колу. Пожалуйста-пожалуйста. Они потерпят ещё немножечко без общества любимого папочки, тем более, с Лерой весело, намного веселее, чем Антониной Сергеевной, только пиццу с ананасами и пепси-колой привезти необходимо.

Вот что делать с маленькими шантажистками? Знают, папа не откажет, и беззастенчиво пользуются ситуацией. Игорь, естественно, пообещал, не станешь спорить с заболевшими малышками. Пришлось сделать крюк в камерную пиццерию в соседнем квартале. Пиццу там пекли отменную, кальционе – пальчики оближешь, а доставки не было.

Дома оказался лишь через час. К тому времени позвонила мать, отчиталась, что наконец-то добралась. Присутствие Леры она никак не прокомментировала, как и воздержалась от высказываний каждый раз, когда слышала от внучек имя «Лера». Вряд ли родительница была довольна сложившейся ситуацией, и если бы Игорь её спросил, она бы обозначила своё неодобрение. Валерия, по мнению Лидии Максимовны, не была похожа на женщину, необходимую сыну. Молодая, броская красавица, не производящая впечатление скромной, тихой, благовоспитанной девушки.

Она и не была слишком скромной, не смахивала на тихую, робкую серую мышку среднего возраста, не могла похвастаться красным дипломом, да и стремлением к материнству тоже. Красивая, живая, энергичная. Пожалуй, из списка достоинств, одобряемых Лидией Максимовной, можно было назвать лишь благовоспитанность. – А вот и я! – сообщил он в дверях, прислушиваясь к классической музыке из кухонной зоны.

Интересно, никто не идёт встречать, не слышно привычных писков, топота детских

ног, когда кажется, что по дому совершает марш-бросок рота новобранцев, а не играют две шестилетки. Не надрывается телевизор с очередной поющей принцессой. Кто-то кого-то убил, и оставшаяся троица закапывает труп под негромкую музыку Стравинского? Стравинского?! Матери удалось заставить Лису с Линой слушать Стравинского?

Глава 16

Быстро разделся, оставил покупки в прихожей, скорым шагом прошёл на кухню. Танец Кощея и Жар-птицы звучал угнетающе, холодок пробежал по спине. Мать не теряла надежды приучить внушек к классике, раз уж с сыном вышло полное фиаско. Классику он знал, далеко не всё, но Шопена от Штрауса на слух отличить мог, как и остринатность Стравинского.

В дверях замер, облокотившись плечом о косяк двери. Игорь ожидал чего угодно, но не россыпи муки по полу, и рабочим поверхностям кухни. Леру, раскатывающую тесто неизвестно откуда взявшейся скалкой. Мать, сидящую за столом, так же усыпанным мукой, с усердием сворачивающую вареник. Это же вареник? Если с творогом? Рядом, с такими же сосредоточенными мордашками, лепили кривобокое нечто Лиса и Лина. Надо признать, у Лисы вареник больше напоминал образец, выложенный на блюде на середине стола, чем у сестры. Игорь, конечно же, вслух в этом ни за что не признается.

Стравинский, вареники, спокойная мать, сосредоточенные дочери. А что происходит?

– Лиса, твоя очередь! – развернулась Лера, трижды моргнула, увидев Игоря, и неожиданно залилась румянцем. До этого она никогда не краснела, даже в ситуациях, где от молодой девушки этого ожидаешь.

– Да! – подскочила довольная Лиса, проигнорировав папу, подбежала к столу, забралась на невысокую табуретку и начала стаканом выдавливать кружки из раскатанного теста. Когда-то так делала бабушка Игоря. Лина же в это время завистливо поглядывала на сестру, но недовольство не выражала. Хм... Ситуация покруче музыки Стравинского в квартире Игоря.

– Чего смотришь? Раздевайся, присоединяйся, – мама глянула на Игоря, он не слишком понял выражение её лица.

Подошёл, чмокнул в лоб Лину, заодно проверяя температуру, та недовольно фыркнула, но комочек «вареник» из ладошек не выпустила. Лису тоже поцеловал, она быстро обняла папу, оставляя на пиджаке следы муки, и тут же вернулась к своему занятию. Знал бы итальянский модельный дом, что на их модели останутся следы русских вареников!

Едва удержался от поцелуя Леры. Девочки были сосредоточены на интереснейшем занятии, а вот мать не сводила пристального взгляда. Стесняться ему нечего, мать не глупа, даже не видя Леру в квартире Игоря, она прекрасно понимала, что связывает их не дружеское участие. Но демонстрировать в лоб не стоило, как минимум ради Леры. Девушка, очевидно, чувствовала себя не в своей тарелке, хоть и держалась бодрым молодцом.

– Привет, – шепнул он на ухо, быстро вдыхая запах свежести и цветочной сладости, чувствуя прикосновение кудряшек у лица.

– Привет, – робко прошептала Лера, заглянув в глаза.

– Я быстро, – пообещал он и отправился к себе. Переодеваться и переваривать происходящее. Это вам не Кандинский с его «Маленькими мирами», тут осмыслить надо.

– Кому здесь помощь нужна? – громко известил он о своём присутствии, вернувшись на кухню, переодевшись в джинсы и футболку.

– Нам! – довольно взвизгнули Лиса и Лина, синхронно подпрыгнув на стульях, естественно, тоже перепачканных мукой. Если так пойдёт дальше, завтра придётся вызывать

клининговую компанию.

– Отлично, – Игорь присоединился, взяв в руки кругляш, плюхнул в центр творожную начинку, на этом сноровка иссякла. У Лины получался вполне симпатичный вареник по сравнению с творением Игоря.

– Давай покажу, – прозвучало над ухом, а на его пальцы опустились ладони Леры.

Мелькнул браслет на запястье, кольца, некстати вспомнилось о других украшениях девушки. Он судорожно сглотнул, игнорируя приподнятую бровь матери. Да что же это такое! Мозг сносит, дыхание перехватывает, возбуждение накатывает обжигающей волной. Пубертат какой-то!

– Вот так, – продолжила Лера, показывая, как сворачивать вареник и защипывать края. Скользила пальцами по тесту, следом нажимая на одеревеневшие фаланги Игоря. – Прищипнул, крутанул, прищипнул, крутанул. Понятно?

– Кхм, – закашлялся он, тряхнул головой. «Прищипнул, крутанул». Что это было? – Да, вполне, спасибо, Лера.

– Смотри, как надо, – на счастье, вмешалась Лина и начала с видом знатока учить папу. Уж она-то стала профессионалом в деле изготовления вареников!

Спустя час вареники были готовы, большая часть отправилась в морозилку, остальное было съедено. На удивление, Лиса с Линой не капризничали, жевали с отменным аппетитом, не забывая макать в сметану. Не вспомнили даже о пепси-коле. Чудеса, да и только.

Мать отправилась купать малышей в душ. Мука, тесто и творог красовались не только на теле, но и в волосах, а с приёмом ванны лучше подождать. Температура спала, но что покажет ночь – неизвестно.

– Я пойду? – пролепетала Лера, переставляя последнюю тарелку с обеденного стола на кухонный, откуда Игорь споро отправлял посуду в посудомойку.

– Подожди, – он толкнул дверцу машины коленом, сполоснул руки и притянул к себе девушку, наконец-то прижимая стройное, податливое тело к себе. Вдохнул глубоко, с удовольствием, скользя руками по спине, пояснице, опускаясь на ягодицы. – Спасибо тебе, – прошептал в шею, едва задевая кончиком языка гладкую кожу.

– Не за что...

– Лер, останься.

– Неудобно.

– Останься. Лер, прости меня.

– Перестань извиняться, – Лера нахмурилась. – Я не совершала подвиг, просто как-то неловко получилось...

– Мать тебе что-то сказала? – нахмурился Игорь. Естественно, сказала. И, конечно, в этом виноват он.

– Нет, что ты! Лидия Максимовна была очень... мила.

Мила она была. Кому-кому, а Игорю прекрасно известно, насколько «милой» она может быть. Максимально любезной, удушающе вежливой, как сталь ножа приставленного к горлу тупой стороной. Не опасно, но давит, холодит внутренности, заставляя сжиматься в комок нервную систему. Многолетняя выдержка педагога высшей школы, умеющего одним взглядом сравнить человека с плитусом. А Лера... Господи, она молоденькая совсем, откуда взялся иммунитет на металл в интонациях и взгляде.

– Прости.

– Ещё раз скажешь «прости», и я точно уйду! – фыркнула Лера, попятившись спиной к стеллажу в зоне отдыха. Когда-то это пространство задумывалось как территория для взрослых, сейчас на нижних полках стеллажа, диване, тумбе под телевизором была россыпь игрушек, фломастеров, рисунков, кусков пластилина и полимерной глины.

– Молчу! – он поднял руки в сдающемся жесте. Никаких «прости». Всё, что угодно, лишь бы она осталась. Он хотел времени с Лерой, хотел видеть её, чувствовать, осязать. Показал взглядом, чтобы Лера шла за ним, и она пошла. Нахмурившись, вздохнув, но пошла.

Первый этаж достаточно просторный, чтобы удалось пронести Лису и Лину из ванной комнаты, не акцентируя внимание на присутствии Леры. А мать... перетопчется. Потом он даст ей возможность сказать ему всё, что она думает, развернуться недовольной душеньке, если необходимо. Усадил девушку на диван у панорамного окна, попросил максимум полчаса, она послушно кивнула, всё ещё одаривая неодобряющим взглядом.

После душа отнёс Лису с Линой в детскую. Лису на левой руке, Лину на правой. Он уже не помнил, когда появилась такая последовательность. Даже по отдельности он поднимал Лину правой рукой, а Лису левой. Мышечная память. Пришлось побороться с нежеланием принимать лекарства, пообещать, что пепси-кола и пицца, о которых всё-таки вспомнили, будут на завтрак, поторговаться из-за страниц обязательного чтения сказки на ночь, зато выходил он из комнаты, когда два носика сопели в унисон.

Спустился вниз, мать собиралась, топталась в дверях, приноравливая широкий шарф, и подкрашивала губы.

– Тебя довести?

– Во-первых, у тебя гости, – она многозначительно посмотрела на Леру, вжавшуюся в подушки дивана, точно мечтающую превратиться в хамелеона и замаскироваться под часть интерьера. – А во-вторых, существует такси, – крутанула смартфоном перед носом сына.

– Я провожу, – отрезал он, открывая дверь, выходя на лестничную площадку, практически выталкивая мать.

– До свидания, Лерочка! – полушёпотом, якобы чтобы не разбудить детей, проговорила мать.

– До свидания, – послышался сдавленный ответ.

– Mam, что ты делаешь? – уставился он на недовольную женщину, плотно закрыв за собой дверь. – Тебе не кажется, что человек, как минимум, выручивший твоего сына и твоих внуков в сложной ситуации, достоин человеческого отношения, а?!

– Минимум?

– Да, минимум!

– А максимум?

– Максимум – она мне дорога.

– Дорога, значит?

– Mam, ты хочешь, чтобы я тут, перед тобой, растёкся в признаниях любви к Валерии? Хорошо. Я влюблён, она дорога мне. Довольна?

– Я переживаю за тебя! За девчонок переживаю! Прилетаю, а тут она, эта твоя Лера, хозяйничает, как у себя дома! Я не говорю тебе «подумай о себе», ясно, что именно о себе ты и думаешь, – мать всполошенно вскинула руки. – О детях подумай!

– Думаю я о детях, думаю. Что дало тебе основания сомневаться в этом? Я о них двадцать четыре на семь думаю, за себя и за их мать. Но я живой человек, мам. И Лера... она... – он непривык делиться личными переживаниями с матерью, а она имела свойство

придавливать в себе эмпатию, когда ей необходимо. Защитная функция не самой счастливой в личной жизни женщины. Игорь отлично понимал это, но впускать на свою территорию материнское недовольство не собирался.

– Она юная, слишком молодая, она...

– Да, молодая, красивая, умная, добросердечная, домовитая, – усмехнулся, вспомнив шутливое: «хочу показать свою домовитость». – Сделай усилие над собой, постарайся принять ситуацию такой, какая она есть.

– А какая она есть, Игорь?

– Неопределённая. Пока, – ответил он со вздохом. – Но я всеми силами стремлюсь к определённости, пожалуйста, не мешай мне. Нам не мешай.

– Как бы тебе не пришлось жалеть!

– Значит, буду жалеть. Сильнее я буду жалеть, если не дам нам с Лерой шанс.

– Дурень! – горько улыбнулась мама, потрепав сына по голове, как когда-то в детстве, когда он отчаянно косячил, а потом так же отчаянно жалел об этом.

Он вернулся в тихую квартиру, сел рядом с Лерой, притянул к себе, прикасаясь губами к взлохмаченной макушке, вдохнул запах свежести, сладости, колкой влюблённости, провёл рукой по оголённому предплечью и прижал к себе сильнее. Вдавил гибкое, стройное тело в себя, впитывая потрясающее чувство близости, давая себе возможность забыть о тревогах дня, заботах всей его грёбаной жизни.

– Я не нарочно, – пролепетала Лера ему в грудь.

– Не нарочно что?

– Вареники эти... По телевизору шло кулинарное шоу, как раз с варениками, я ляпнула, что умею... и вот.

– Всё отлично, Лер. Спасибо! Лет двадцать не ел домашних вареников. И девчонкам понравилось.

– Лидии Максимовне не понравилось, что я здесь хозяйничала, нехорошо вышло.

– Переживёт. Ты, кстати, где скалку взяла? – перевёл он тему.

– В столе, – Лера удивлённо глянула на Игоря.

– Интересно... никогда не видел.

– Конечно, тебе домработница готовит.

– Четыре раза в неделю, только обеды, иногда ужины, завтраки всегда я, и так, по мелочи.

– Ты умеешь готовить? – поддела Лера, засранка красивая.

– Меня больше удивляет, что ты умеешь, если честно.

– Ну... я немного умею, лишь повседневное. Пирог, блины, голубцы, мясо, гарниры, салаты, холодец... И борщ. Суши или пибимпап не умею, вот борщ – да, могу среди ночи с закрытыми глазами сваять. Его я с пятого класса готовлю почти ежедневно.

– Ого!

– До пятого класса бабушка соседская приходила готовить и убираться, а в пятом я «выросла». Так что, весь дом на мне был, – засмеялась Лера. – Сначала я злилась, подружки после школы идут гулять, а я готовить и гладить. Обидно было, жуть! Он же ещё придирался постоянно, то недосолено, то капуста крупно нашинкована, рубашки по несколько раз переглаживала! Потом поняла, что в большинстве случаев папа стойко ел бурду, мной намешанную, только когда совсем ужас-ужас – возмущался, а тогда обидно было. Ревела даже! Лера, говорил он, женщина должна уметь готовить. Вот будут у тебя дети, ты их чем

будешь кормить? Сушами из доставки?

– А ты что?

– А я в пятом классе детей рожать не собиралась, – зашлась в смехе Лера, встряхнув кудрями. – Позже поняла – когда-нибудь у меня дети будут, и лучше их кормить дома, а не «сушами», а в пятом классе – так себе аргумент.

– Действительно.

– Зато к седьмому классу я домашних дел не замечала вовсе. Автоматически делала. Приготовила, убралась – свободна. Иногда приходили друзья папы, тогда он говорил: «сообрази-ка нам что-нибудь», я «соображала». Так и получилось, что вареники или борщ я готовить умею, а изыски – нет.

– Хорошая моя, – уткнувшись в женскую шею, пробурчал Игорь, скользя по гладкой коже языком, останавливаясь в яремной ямке, замирая, чтобы ощутить удары пульса. Тук-тук-тук. Быстро, быстрее, ещё быстрее. – Ты будешь меня кормить борщами, а я тебя изысками в ресторанах. Отличный план?

– Отличный, – буркнула Лера, оглаживая его плечи.

Его вело. От всего. Запаха, вкуса, ощущения шелковистости кожи и мягкости волос. Тонкого стана, прижимающегося к нему, лёгких следов от юркого языка на своей коже, выводящего мелкий, замысловатый рисунок. Прохладной ладони, поглаживающей живот, стремящейся расправиться с пуговицей на джинсах.

Его сносило. Уносило в небытие. От всего происходящего. От того, как прогибается Лера под его напором, отвечает на ласки, скользит руками, телом, языком. От сладости, свежести, поцелуев. Лёгких, переходящих в тягучие, долгие, отбирающих дыхание. От тихих, приглушённых стонов и откинутой шеи, позволяющей целовать себя бездумно, страстно, утопая в оглушающих эмоциях.

– Игорь, – услышал он хриплый голос. Лера расставила ноги в простых брючках, прося ласки. Там, даже сквозь слои ткани, было горячо.

Кровь ударила в голову, дыхание окончательно сбилось. Он хотел, господи, как же он хотел прямо здесь, сейчас, на этом диване, невзирая на обстоятельства и ситуацию, на то, что в нескольких метрах лестница на второй этаж, откуда в любой момент могут появиться девочки. Невзирая на погодные условия и весь мир. Сходил с ума, дурел, слизывая сладкую женскую испарину, утопая в своих и Лериных столах.

– Пойдём, – свой голос он не узнал, потянул за руку, она покорно встала и двинулась за ним в ванную комнату.

– Лер, не могу больше ждать, – прохрипел он, защёлкивая дверь ванной с внутренней стороны. – Не могу, – он повернул женскую спину к своей груди, прижал одной рукой за талию, скользя ладонью по животу, а вторую положил на грудь, пропуская между пальцами сосок. – Как ты учила? Прищипнул, крутанул, да?

– Да-а-а, – стон был ему ответом.

– Так? – он быстро расправился с одеждой Леры, откинув в сторону футболку и спортивный бюстгальтер. – Смотри, так? – он видел её расфокусированный взгляд, скользящий по отражению, призывно приоткрытый рот и кончик языка, невероятно соблазнительно мелькающий между губ. – Прищипнул, крутанул.

– О, боже.

– Всего лишь я, – буркнул он, дёрнув собачку молнии на брючках, чтобы стянуть ткань по стройным бёдрам.

Взгляд остановился на белье. Классические белые трусы с широкой резинкой с названием знаменитого бренда, такого же, как на лифчике. Обычный трикотаж, без кружева, произвёл оглушительный эффект. Лера в его ванной комнате, в простых белых трусах, с оголённой грудью, с торчащими от возбуждения сосками и поблёскивающей штангой в одном из них, интуитивно прогнувшись в спине, отставившая ноги в стороны – произвела ядерный взрыв в мозгах, душе, сердце и во всём, что находилось ниже пояса. Он чувствовал – руки дрожат от возбуждения, втянул воздух носом, замечая концентрированный запах совместного возбуждения, едва ли уловимый в обычном состоянии и остро ощущаемый, когда чувства оголены.

– Прогнись, – глухо прошептал он, помогая одной рукой спустить бельё по женским ногам.

Она была готова, насаживалась на его пальцы и просила о большем. Он не стал тянуть, быстро скинул бельё вместе с брюками и вошёл сразу, до самого упора, с трудом сдерживая громкий стон. Тут же начал двигаться, удерживая руки на прогнутой пояснице, скользя по ягодицам и между. Они кончили быстро, ярко и вместе. В глазах потемнело, Лера пыталась осесть – удержал.

– Пойдём в кровать? – сказал он чуть позже, после того, как они быстро приняли совместный душ, не удержавшись от продолжения.

– Девочки же...

– Пойдём, придумаю что-нибудь утром.

Чертовски не хотелось отпустить от себя Леру. Пусть он ошибётся тысячу раз, но эту ночь он хотел провести с ней. И речь вовсе не о сексе, телесный голод утолён. Повторения Игорь не исключал, но острое желание удалось сбить. Хотел заснуть с Лерой, проснуться с ней же. Чувствовать её дыхание у себя на плече, откидывать непослушные локоны, лезущие ему в нос и рот. Обнимать тонкое тело и дуреть от удовольствия, когда она по-хозяйски, во сне, закидывает на него ногу, заявляя свои права на безраздельное пользование.

Под утро он не удержался от ещё одного раза, беря медленно, тягуче и размеренно полусонную, податливую девушку в своей постели. Потом провалился в крепкий сон, проснулся от копошения рядом – пристроилась Лиса, утыкаясь в папину грудь горячим лбом, чуть позже пришлёпала полусонная Лина, плюхнулась с другой стороны, уперев ноги в Леру, пытаясь оттолкнуть, освобождая себе территорию, но тут же устроилась на подушке и засопела. Он потрогал лоб бунтарке. Не такой горячий, как у Лисы.

А проснулся в пустой постели. На первом этаже, у телевизора, сидела Лера в его футболке – дал вчера для сна, – и девочки. Они уплетали пиццу, запивали пепси-колой, мотая голыми ногами из стороны в сторону, демонстрируя друг другу новенький педикюр. Девчонки. Рядом лежали упаковки лекарств и листик с назначениями врача. Ответственные девчонки.

Глава 17

Декабрь не отличался от ноября, да и от октября тоже. Всё тот же накрапывающий дождь, хмурое небо и ветер. Лера считала, что привыкла к повышенной влажности и ветрам, жизнь на побережье сказывалась, но здешние ветра были пронзительно-скрипучие, бесконечно-порывистые, пробирающие до позвоночных дисков. В центре города и в Коломне, куда время от времени вытаскивал её Игорь, ветер не так ощущался, а рядом с Финским заливом порывы сбивали с ног. Не успеешь выскочить из подъезда – хлесь по лицу, наотмашь, до колких, морозящих мурашек по всему телу.

Недели бежали за неделями. Несмотря на унылую серость, бесконечный дождь и ветер, в городе запахло новым годом. Первыми праздничную атмосферу начали создавать супермаркеты. В ноябре появились первые ёлки и развалы пластиковых новогодних игрушек. С каждого билборда летело предложение беспрецедентной, уникальной, новогодней, «только здесь и только сейчас» скидки. Позже подтянулась иллюминация, украсившая не только основные проспекты, но и парки, скверы, фонтаны. А когда Лера попала в центр – и вовсе открыла рот от восторга. Ещё немного, и почувствовала бы себя в сказочной стране, царстве каких-нибудь фей-светлячков. Или ошалевшей провинциалкой.

Причин особо не было, Лера не сидела безвылазно дома. С Валентиной она объездила порядочно стран, а позже, когда стала старше, с друзьями-приятелями. Но новый год всегда встречала дома, в кругу семьи – непререкаемый закон семейства Суздальевых. От того и удивлялась яркой, причудливой иллюминации, таращилась, будто слаще морковки в жизни не видела. Сказывалась проснувшаяся вера в чудеса, или гормоны шалили? Лера два месяца как начала принимать оральные контрацептивы, так что слезливое настроение и приступы неясной ностальгии могла списать на таблетки.

– Витюша, он такой, такой! – вывел из задумчивости звонкий голос Маруси. Лера отвела взгляд от монитора, на который якобы внимательно смотрела, изображая трудовую деятельность.

– Какой? – подала голос новая сотрудница, пришедшая на место ушедшей в декрет Архиповой Лены.

– Волшебный! – взвизгнула Маруся, театрально заломив руки и закатив глаза. – Вот бы от такого ребёночка родить, скажи, Лера? – села на своего конька неунывающая толстушка. – Ты бы хотела родить от Витюши?

– Нет, – фыркнула в ответ. Она не хотела рожать никакого ребёночка в обозримом будущем, тем более от Шиманова.

– Представляешь, какие у малыша будут ручки, ножки, пузико, пипочка... – в экстазе продолжала Маруся.

– Волшебная, надо понимать, – закатилась новенькая. Её звали Яна, высшее непрофильное образование, тридцать пять лет, разведена, есть ребёнок – эта вся информация, которую удалось выудить о ней Марусе, не без помощи волшебной девочки из отдела кадров.

После возгласов Маруси: «Пузико, пипочка!» Виктор свет Геннадьевич виделся Лере исключительно в образе лысого пупсика с растопыренными пальцами на кривоватых руках и ногах.

– Узнает Олег, будут тебе и ручки, и ножки, и рожки, – откликнулась Настя, выразительно глянув на дверь, где должен был с минуту на минуту появиться системный администратор.

О романе Маруси с Олегом не знал только слепо-глухо-немой моряк очень дальнего плавания. Правда, для Олега она скупилась на столь восхищённые эпитеты. То ли малыша от Сидоркина Маруся рожать не собиралась, то ли его пузико не вызывало шквал восторгов.

– После вчерашнего это не имеет значения, – вздёрнула нос оптимистка.

– А что было вчера? – Яна уставилась на ораторшу с нескрываемым любопытством.

Лера закатила глаза. Дёрнул же язык Яну, да и Маруся могла бы молчать. К тому же, что-то подсказывало, что ничего «вчерашнего» не было, лишь восторженное воображение

Маруси.

Корпоратив был назначен на двадцать шестое декабря. В крупном ресторане, всё официально, будет самое высокое начальство, никаких шагов направо-налево. Поползновение технично слиться расценивалось, как попытка улететь. Нет, позже польётся крепкий алкоголь, ведущий расшевелит поддатую публику, пойдёт веселье и пир горой, особенно, когда высокое начальство отправится восвояси по своим, начальственным делам. Но пара часов от начала до начала разгула воспринималась коллективом, как истинная мука. Всё это поведала Лере, естественно, Маруся.

А перед главным корпоративом отделы собирались на тёплые междусобойчики, экологический не исключение. Он отправился дружной компанией в боулинг, заранее прошерстив меню. Сильно тратиться накануне нового года никому не хотелось. Олег сопровождал наряженную в пух и прах Марусю. Он долго отнекивался, в итоге махнул рукой, зыркнул на девушку, обречённо вздохнул и согласился. К удивлению экономического отдела и восторгу Маруси, Шиманов принял приглашение коллектива, предупредив, что немного задержится к началу.

К девяти вечера разбившийся на команды отдел отмечал надвигающийся праздник, гоня шары по дорожке. Успела заскочить Лена Архипова, оставившая ребёнка на попечение мужа и мамы. Она с наслаждением выпила стакан сока и откусила кусок пиццы, скуля, как же всё её задолбало, и хочется нормальной еды, а не «вот это вот всё». Потом схватилась за грудь и убежала, на ходу махая рукой и широко улыбаясь.

Анастасия Николаевна была общительна как никогда, а Яна, напротив, поглядывала на новых коллег с опаской, но с интересом, как на забавных обезьян в зоопарке, выпустив которых можно пострадать. Маруся поминутно поглядывала на вход, Олег же методично цедил пшеничное нефильтованное, время от времени поднимая зад от кресла, чтобы кинуть шар.

Нельзя сказать, что Лера отправилась на совместную пирушку в приподнятом настроении. Весь день она отбивалась от папы и настойчивого требования – а иначе, как требованием, это не назвать, – встретить праздник дома, в кругу семьи. Она и сама была близка к тому, чтобы купить билеты и рвануть домой, только иррациональные, глупые мыслишки и мечты, что новый год они с Игорем проведут вместе, не давали нажать заветную кнопку «купить» на сайте. Но, то ли пиво подействовало, а шампанское сверху закрепило эффект, то ли общий настрой и до одури позитивный Дед Мороз, скачущий по боулинг-центру, веселя гостей, повлиял, а Лера всю веселилась, вошла в кураж и выбивала страйки один за одним, став звездой вечера.

Пришёл Шиманов, сияя дежурной улыбкой и портмоне. На столике экологического отдела появилась добавка пива, шампанского, закуски, ассорти к вину и пиву. Виктор Геннадьевич споро вписался в атмосферу, радуя подчинённых не только щедростью кошелька, но и шутками, почти панибратским отношением и оплатой дорожек ещё на два часа. Одним словом, праздник проходил на славу.

К одиннадцати, к удивлению Леры, в проходе появился Игорь. Она сама сказала, где проведёт вечер, не рассчитывая ни на что. Домой доберётся на такси, примет душ и завалится спать, как обычно – в одиночестве. Хотела бы сказать, что в гордом, только ничего «гордого» в своём положении она не находила, как ни пыталась...

Игорь говорил – процесс развода идёт своим чередом, в один день не получится. Несколько раз она была свидетельницей разговора с юристами, из которых становилось ясно

– Алёшин не врёт. Развод в итоге будет, но от понимания ситуация не становилась терпимее, скорее наоборот. И сколько бы Игорь ни утверждал, что не она – Лера - является причиной разлада в семье, отделаться от ощущения склизкого налёта в своей жизни не могла.

Лера замерла. Смотрела на идущего к ним мужчину, сглатывала тугой комок в горле и с трудом удерживала себя на месте, чтобы не рвануть и не повиснуть на шее. Она видела заинтересованные взгляды женщин и понимала их. Высокий, атлетически сложенный, с широкими плечами. В однотонном тонком джемпере, со слегка приподнятыми рукавами, с мелькающими на запястьях часами и браслетами, подчёркивающими сильные кисти рук, с длинными пальцами и едва выступающими венами.

Якобы небрежная укладка и открытая улыбка на лице с чётко очерченными скулами. Образ Алёшина Игоря Вячеславовича кричал об успешности во всех смыслах слова. Фонил мужской сексуальностью. Маскулинностью.

– Привет, хорошая моя, – не церемонясь, он скользнул коротким поцелуем по губам, втягивая носом воздух.

– Привет, – Лера чмокнула его в ответ. – А я королева бала, – махнула в сторону табло над дорожкой.

– Ух! Горжусь тобой. А какие у тебя ещё есть скрытые таланты?

– Я божественно целуюсь и катаю сноуборд, – хихикая, проговорила она в мужскую шею, дуряя от запаха. Терпкий, одновременно свежий, немного студёный, как ветер с залива.

– Кого я вижу, – подкатил уже изрядно пьяный Шиманов. – Будешь в нашей команде, ясно? – прогоготал он Игорю.

– Чего это? – Игорь крепко прижал к себе Леру и открыто улыбался, всем своим видом демонстрируя, ради кого он здесь находится.

– Того это! – заржал Шиманов. – Валерия нас делает, как слепых котят, ещё один профи в команде – перебор. Давай к нам, восстановим мировую справедливость.

– Я буду поддаваться, – улыбаясь, прошептал Игорь Лере на ухо, опалив горячим дыханием, и двинулся к дорожке соперников.

Потом продолжили соревнования, ещё один профи не сильно поддавался, но это не имело значения. Количество выпитого стирало грань социального неравенства. Все были равны и одинаково веселы.

Дальнейший кураж Лера могла объяснить только миксом пива и шампанского. В какой-то момент Олег слился, ушёл по-английски, оставив даму сердца, в пьяном угаре флиртовавшую с Витюшей. Настя быстро попрощалась, стрельнув хмурым взглядом на Леру и Марусю, а Яна убежала следом за начальницей. Остальные неспешно разбредались, не стесняясь, захватывали с собой остатки пиццы, пива и закусок.

Лера не сообразила, в какой момент они остались «парами»: она с Игорем и Маруся с Витюшей. Шиманов уподобился павлину, распустил хвост, Маруся цвела как майская роза от обходительного обращения и цветастых комплиментов. Вчетвером они направились в ресторанный зону, тут же, в боулинге. Шиманов с широтой пьяной души объявил, что платит за всё. Маруся, естественно, принимала петушины пляски на свой счёт, изображая из себя светскую леди, выглядя при этом нелепо и жеманно.

Игорь увёл Леру почти сразу, а вот Шиманов остался с Марусей. Что было дальше – история умалчивает. Если верить мечтательно закатанным глазам девушки – Витюша на деле показал, насколько он «волшебный», а если посмеивающемуся взгляду кавалера – волшебным он заплатил за такси. Тем более, время от времени он поглядывал в телефон, явно

ожидая сообщения.

Сообщение, кстати, получила Лера, когда они с Игорем подъезжали в такси к дому. «Спасибо, господи!» и куча счастливо ржущих смайликов от Олега.

О радости системного администратора она забыла, как только они ступили в лифт. С трудом оторвавшись от губ, Игорь притянул к себе Леру и подвёл к двери квартиры для свиданий. Она не стала спрашивать, почему здесь, просто ответила на абсолютно безумный поцелуй в прихожей, едва захлопнулась дверь. Дальше они двинулись, уже наполовину раздетые и удовлетворённые.

– Ты в этой шапке похожа на гнома, – проворчал Игорь, показав на вязаное изделие с нелепым помпоном.

– У меня слишком длинные ноги для гнома, – хрюкнула в ответ, подняв и продемонстрировав объект обсуждения. Что и говорить, ноги у неё отличные. Голые. В отличие от верхней части тела, всё ещё в блузке, шарфе в цвет гномьей шапки и в самой шапке. – Эх, гулять, так гулять, – громогласно провозгласила Лера, взгромоздилась на мужские бёдра и сдёрнула шапку широким жестом, встряхнув кудрями.

– Что ты делаешь? – Игорь приподнялся, упираясь о локти.

– Стриптиз! Ты должен быть счастлив!

– Я счастлив, если бы ты знала, как я счастлив.

Всё это происходило вчера, а сегодня Маруся залиvistым голосом рассказывала про волшебного Витюшу, как они с Лерой и Игорем – другом Виктора Геннадьевича, это было отдельно подчёркнуто несколько раз, – отлично провели время в фешенебельном ресторане. Просто «Маруся, фантастические твари, и где они обитают».

Лера, и без того предпочитающая не выпячивать свои отношения с приятелем начальства, после предупреждения Олега стала ещё осторожней. Благо, Шиманов держал дистанцию, одним своим видом напоминая о субординации. Будто она, выросшая в окружении чинов и погон, могла об этом забыть. Сейчас же, слушая залихватские рассказы коллеги, мысленно хваталась за голову.

По мере восторженных писков Маруси, благодушное настроение Анастасии Николаевны испарялось, та бросала недовольные взгляды на Леру, щурилась, поджимала губы и нервно вздыхала.

– Муромцева, ты работать сегодня собираешься?! – рявкнула Настя, сверля Марусю взглядом.

– Настя Николаевна...

– Какая я вам Настя?! – взвилась начальница. – Суздалева, тебя это тоже касается! Ты прислала мне отчёт по «Империалу»? – новому объекту, находящемуся на стадии разработки.

– Вчера, – она действительно отправила накануне свою часть отчёта. Настя кивнула, показав, что получила, на том и остановились.

– Не вижу!

– Отправить ещё раз? – с трудом сдерживая ехидные интонации, уточнила Лера.

– Будь любезна, – пропела Настя, оскалившись, как мелкий хищник.

Через сорок минут Анастасию Николаевну вызвал Шиманов. Вернулась она скоро, всклокоченная, мечущая искры вокруг себя на расстояние километра, зыря на Леру, точно пытаясь испепелить.

– Тебя Виктор Геннадьевич вызывает, – выплюнула она в сторону Леры, плюхаясь в

кресло на рабочем месте.

– А меня? – проняла Маруся.

– А тебя – нет, – огрызнулась Настя, как в средней группе детского сада.

Лера сидела в кабинете Шиманова уже двадцать минут, он стучал колпачком ручки по столу, недовольно щёлкал по клавиатуре, почёсывал лоб, время от времени бросая взгляды на подчинённую.

– Валерия Валерьевна, вы утверждаете, что это не ваш отчёт?

– Нет, – в который раз ответила Лера. – Анастасии Николаевне я пересылала другой.

– Ну, это-то проверить не составит труда, здесь и дошколёнок справится, ты лучше ответь, что мне с вами делать? С тобой и Настей?

– Что хотите, то и делайте, – не выдержав, она фыркнула. – В рамках трудового законодательства.

– В рамках законодательства, говоришь? Ты когда к нам пришла? В мае, июне?

– В июне.

– Отлично, пиши, – Шиманов протянул лист бумаги и злосчастную авторучку, до этого выполнявшую функцию барабанной палочки. – Заявление на отпуск, полгода прошло. Новогодние каникулы как раз. Съездишь куда-нибудь, отдохнёшь.

– Я не планировала, – опешила Лера.

Несколько дней назад решался вопрос отпусков, она собиралась брать в апреле, хотела махнуть на Байкал, своими глазами убедиться, что на Таловские болота вернулись птицы. Вся их компания активистов-экологов собиралась, ей не хотелось пропустить большой сбор приятелей «по борьбе». Летом же отправится на какой-нибудь курорт, погреть тельце на чистом песочном пляже, если сильно повезёт, то и с Игорем. Лиса с Линой будут на даче с бабушкой, он говорил, что найдёт время для совместного отдыха.

– Поменяешь планы, – отрезал Шиманов. – Послушай, я всё понимаю, но пойми и ты меня. Эта идиотка задолбала не только меня, она их заманала, – Виктор показал пальцем вверх, давая понять, кого именно. – В свою очередь, имеют меня. Вопрос стоит ребром. Или ты, или она. За Анастасией Николаевной хватает косяков, чтобы попросить её любовно написать по собственному желанию. Кого я прямо сейчас поставлю на её место?

– Не знаю, – Лера пожала плечами.

– Архипова умная девчонка, но ушла в декрет. Кандидатуру Муромцевой обсуждать смешно. Яна и прочий планктон ещё более неподходящие кандидатуры, чем эта Маруся, а тебе место Анастасии Николаевне не нужно. Или нужно?

– Нет, – Лера качнула головой. Работа ей не нравилась, карьерный рост в строительной компании не интересовал, деятельность казалась настолько скучной и никчёмной, что думать о повышении не хотелось совсем. Просто она обещала отцу остепениться, подумать о своём и его будущем. Вот и думает, собирая бумажки и составляя сомнительные экспертизы.

– Тогда пиши, – ещё раз ткнул в лист Шиманов. – Пока туда-сюда, я спокойно подыщу замену Анастасии, дальше будет видно.

– Может, сразу на увольнение?

– Не выдумывай. В женском коллективе всегда грызня, привыкай, каждый раз увольняться не станешь. И учти, Валерия, Алёшин мне друг, но истина дороже. Хороший исполнитель мне нужнее инициативного дурака – такова моя истина.

Заявление в отделе кадров подписали без вопросов, Настя поглядывала, как победительница, а Лера малодушно не стала никому рассказывать о разговоре с Шимановым

и о его планах. Да, она осталась без поездки на Таловские болота, но Анастасия эта Николаевна очень скоро останется без работы.

По коридору шёл довольный Олег.

– Спасибо, Лерка! – почти пропел он, едва не начав обниматься на виду у спящих коллег. – Идут мне рога? – заржал во весь голос, встряхнул чернявой шевелюрой.

– Ты бы хоть поменьше радовался, – фыркнула Лера. – От тебя, между прочим, малышастика рожать не собирались.

– Перекрестись, Суздалева!

– Дурень, – она улыбнулась, обогнула сисадмина и отправилась дорабатывать последние часы перед отпуском.

С работы забрал Игорь, вместе они заехали в уже знакомый спортивный клуб за Лисой и Линой, подвезли Антонину Сергеевну к метро и отправились домой. Вечер она провела с семейством Алёшиных. Ужинали, недолго играли в твистер, Игорь напомнил, что на ночь лучше детей не разыгрывать. В итоге они тихо-мирно пекли шоколадные кексы. Кухонная мебель красовалась потёками теста и крошками шоколада, зато Лиса и Лина так гордились своей выпечкой, что отправили фотографии бабушке Лиде.

– Ты сама не своя, – заметил Игорь, спустившись со второго этажа, устроился рядом, наконец-то обнимая так, как ей хотелось: тесно, крепко, чтобы забыть обо всём на свете. Он заметил её расстройство, несмотря на все попытки поддерживать видимость хорошего настроения, от этого становилось теплее и как-то душевней.

Рассказала, вовсе не жалуясь, только выглядела всё равно несчастной. Обидно менять планы из-за какой-то тупой карьеристики.

– Знаешь, что? Поехали на горнолыжный курорт, – вдруг сказал Игорь. – Встретим новый год где-нибудь в Швейцарии. Что скажешь? Я оплачу, – на лету перехватил сомнения Леры Игорь. – Могу я сделать любимой женщине подарок?

– И себе, – она улыбнулась.

– Больше себе, – охотно согласился Игорь.

На том и остановились. Правда, с празднованием самого Нового года выходила незадача. Лису и Лину решили взять с собой. После праздника девочек заберёт Лидия Максимовна. Обычно она отмечает праздник с подругами, и это обсуждению не подлежит, а вот отдохнуть в компании внучек где-нибудь Абано-Терме не откажется.

В распоряжении Леры и Игоря остаётся две недели наедине. Кажется, Дед Мороз начал приносить подарки раньше времени.

Глава 18

Сказано – сделано. Лера немного удивилась выбору Игоря. Церматт, Швейцария, один из самых дорогостоящих горнолыжных курортов Европы. Спорить не стала, от таких предложений не отказываются. Дело не в стоимости, хотя от цифр пробиравал холодок, Церматт славится своими трассами – здесь для Леры у Церматта не было конкурентов. Или она о них не знала. Близость же Итальянского курорта Червинья, с предлагающимися вкусняшками, делала предложение и вовсе шикарным.

Как-то сам собой забылся конфликт на работе, тем более, Шиманов в приватной беседе сказал, что подпишет Лере отпуск за свой счёт, если той захочется махнуть на Таловские болота. Раз даме сердца Алёшина никак не прожить без монгольского зуйка, тулеса и бекаса, он не станет стоять на пути светлых чувств.

– Он нормальный мужик, – подмигнув, прокомментировал слова друга Игорь.

Самая большая трудность заключалась в том, как сообщить отцу, что она не просто не приедет на новый год домой, а отправится на горнолыжный курорт, да не абы какой, а Церматт. Суздальев Валерий Анатольевич не был бедным человеком, но позволить себе оплатить отдых дочери на курорте Best of the Alps в новогодние праздники не мог. Лера со своей средней зарплаты и подавно. А это вызовет катастрофически много вопросов. Подключится дядя Олег – один бог знает, сколькоиородный родственник Суздальевых, не последний человек в доме на Литейном. Или Макар Степанович, чьё звание и место службы доподлинно Лере было неизвестно, но ничего хорошего от его вмешательства в собственную жизнь она не ожидала.

Любой в первую очередь заподозрит наличие щедрого мужчины у дочери, но не Лерин папа. Виновата, конечно, её подмоченная репутация, тяга к борьбе за экологию и жажда вселенской справедливости. Только и про мужчину рассказывать желания не было. Отвечать на тысячи вопросов, тогда как тестирование на звание «подходящий Валерии Суздальевой мужчина» Игорь Алёшин провалит сразу, из-за графы «семейное положение».

Промаявшись пару дней, Лера набрала номер Валентины, специально подгадав время, когда та возвращается с работы, а значит, почти наверняка рядом не будет свидетелей. Точнее – одного свидетеля, Валерия Анатольевича собственной персоной.

Лера первый раз задумалась, почему Валентина, а не Валя или тётя Валя? Как представил папа, так и повелось. Валентина появилась в жизни Леры в начальной школе, точнее не вспомнить. Когда точно отец познакомился с рыжеватой, вечно улыбающейся, излучающей позитивную энергию на сотни километров вокруг себя женщиной, Лера не интересовалась. Валентина стала приходить в гости, иногда оставалась ночевать, проводя вечера в компании небольшого семейства Суздальевых, порой помогала с домашним заданием Лере, но чаще была советчиком в делах девчачьих.

Какое платье выбрать на праздник? Что делать с вечно торчащими кудрями? Стоит ли красить волосы в ярко-синий цвет или можно обойтись сиреневым? Лишний раз убедиться, что это не она «дылда» и «черенок от лопаты», а вокруг все коротышки, особенно мальчишки-одноклассники. Отстоять своё право возвращаться домой после девяти вечера в десятом классе.

Иногда казалось, Валентина – единственная подруга Леры. Девушка ни на минуту не забывала, что женщина идёт вкупе с папой, но всё-таки папа – это папа, всегда строгий, требовательный, занятой человек. А Валентина – полная позитивной энергии, готовая в любой момент прийти на помощь старшая подруга. Даже в бунтарском подростковом возрасте, о котором Лера вспоминать не любила, Валентина внушала безоговорочное доверие. В отличие от папы, против которого и были обращены демарши и бунтарский дух подрастающей девушки.

– Наконец, пропащая душа! – с готовностью отозвалась Валентина.

– Привет, – буркнула Лера и замолчала.

– Давай, говори, – раздался журчащий голос с той стороны.

– Что говорить?

– Говори, почему не можешь приехать на Новый год.

– О?

– Лерок, я прошерстила интернет. В городе на Неве не погибают белые медведи, редкие растения если и есть, то не цветут в декабре, озоновая дыра находится выше, и никаких комбинатов на Ладожском озере не строят. Дамба, да, создаёт проблемы экологии

акватории региона, но митингов по этому поводу в ближайшее время не планируется. Вообще никаких митингов, кроме одиночных пикетов феминисток, а они не вымирающий вид флоры и фауны. Из чего я делаю вывод: это мужчина!

– Дедуктивные способности передаются половым путём?

– Как ты можешь такое думать о своём отце! Он никогда!

– До свадьбы ни-ни? – фыркнула Лера.

– Правильно тебя Валера воспитал, правильно, – с интонациями кота Матроскина ответила Валентина. Как не почувствовать себя правильным бутербродом?

– А почему вы до сих пор не женаты? – неожиданно пришла в голову мысль, от внезапности Лера даже озвучила её.

– Потому что твой отец ужасен в быту! Борщ недосоленный, пересоленный, с какой-то не той приправой, капуста переварена, недоварена, томат только домашний, а картошка должна быть нарезана квадратиками. Это я ещё до второго не добралась! И рубашек!

Лера не выдержала, засмеялась в ответ на эмоциональную тираду страдальцы от деспотизма Валерия Суздалева.

– Я тебе про своего мужчину рассказала, теперь твоя очередь, – Лера словно увидела, как улыбается немного веснушчатое лицо собеседницы.

– Он меня в Церматт позвал на новый год, – начала Лера. – Владелец мебельного производства. Крупного мебельного производства, – тут же дополнила. – И двое детей. Девочки... Шесть лет.

– И жена?

– Ну... почти.

– погоди, ты что, увела этого владельца табуреток и комодов у жены?

– Нет! Не думаю... Не знаю. Всё сложно. Поэтому я и звоню.

– Айн момент, я припаркуюсь. Минуточку. Ещё чуть. Ещё... ага, – Лера слышала бормотание с той стороны, щелчки поворотника, писк парктроники. – Рассказывай, звезда моя, слушаю, – завершила манёвр Валентина.

Лера рассказала, откровенно настолько, насколько получалось, опуская интимные подробности. Одновременно мучаясь от неловкости момента и облегчения, что может обсудить этот вопрос. С приятельницами женатого любовника обсуждать не станешь, Лера точно не станет... Даже те, кто видел Игоря, не знали подробности о нём. Только имя и то, что он Лерин парень, если слово «парень» уместно в отношении него.

– Перед отцом прикрою, придумаем что-нибудь, не переживай, – подвела итог долгой беседе Валентина. – Хорошо отдохни, всё-таки Церматт, – с придыханием завершила Валентина.

Заядлая горнолыжница, она весь сезон не выползала из Красной поляны, мотаясь больше сотни километров в одну сторону. Трассы Церматта были почти недостижимой мечтой для неё. Пожалуй, ради такого, она бы даже потерпела жену у своего мужчины...

Летели прямым рейсом в Цюрих. Лера бывала в аэропорту Клотен, но в этот раз всё было иначе. Не потому что места у них были в бизнес-классе, нет. Пару часов полёта легко перенести в экономе. И не потому, что рядом без умолку болтали Лиса и Лина. Воодушевлённые предстоящими приключениями, девочки делились радостью с миром. И даже не потому, что через несколько часов они окажутся в Церматте, а от того, что рядом расслабленно сидит Игорь, время от времени сжимает её ладонь своей. От какой-то правильности происходящего. Незыблемости.

Открыто, перед девочками, свои чувства Игорь не проявлял. Казалось, для Лисы присутствие Леры стало чем-то обыденным, постоянным, а вот Лина настораживалась каждый раз, когда замечала внимание папы к Лере. В то же время именно с Линой Лере было проще, а после того, как она предметно похвалила малышку за бой на соревнованиях по самбо, та и вовсе прониклась уважением к «папиной подружке». Лина выражала недовольство открыто, будь то несанкционированное прикосновение Леры к папе или напоминание о дневном сне, в котором, по шестилетнему разумению, девочка не нуждалась. Лиса более тихая, иногда замкнутая, порой поглядывала на Леру с подозрением, правда перепад настроения быстро проходил, и она снова превращалась в покладистую милашку.

– Папа, Австрия и Швейцария рядом? – синие, широко распахнутые глазки Лисы смотрели открыто на окружающий мир.

– Да, – после секундной заминки ответил Игорь. – Мы смотрели карту мира. Австрия и Швейцария рядом. Какие ещё страны граничат со Швейцарией? – он попытался перевести, неудобную, готовую выпрыгнуть, как чёртик из табакерки, тему.

– С Германией, – послушно начала отвечать малышка, – с Италией, с Францией, с Австрией...

– Ещё?

– С Лихтенштейном! – без запинки выдала Лина. Было чему удивиться, Лера в очередной раз поразила, насколько развитые дочери у Игоря. Иногда казалось, что они знают и понимают больше неё.

– А мы к маме в гости поедem? – проигнорировав триумф сестры, продолжила Лиса.

– К маме не пускает доктор, – Игорь поправил взлохмаченные светлые волосы девочки. – В следующий раз.

– А тётя Сюзанна к нам приедет? – подхватила Лина.

– Когда приедem, напиши ей и спроси, – улыбнулся Игорь. – Лучше расскажи, какой подарок ты приготовила бабушке Лиде? Она прилетит после нового года, – он явно уводил неудобный разговор в сторону.

– Рисунок. И куплю бо-о-о-ольшой леденец!

– У тебя есть деньги?

– У тебя есть! – засмеялась малышка, приведя железный аргумент.

– На леденец точно есть, – засмеялся Игорь.

Дальше начался жаркий спор между сестричками, какой именно леденец дарить бабушке Лиде. К всеобщему удовольствию сошлись на шоколадке. Неплохой выбор.

– Прости, – прошептал Игорь на ухо Лере, опалило дыханием, от которого появились мурашки на спине.

– Не извиняйся, – она постаралась улыбнуться. Что ж, такова реальность. За спиной сестричек и Игоря всегда будет маячить тень Алёны. Если бы они полетели в Аргентину, Лиса всё равно могла бы вспомнить о маме и начать задавать вопросы.

После приземления, получения багажа, коллективно решили добираться на поезде. Удобней и быстрее автомобиля. Поездка на легендарном Ледниковом экспрессе и вовсе взбодрила путешественников. Таких волшебных видов Лера никогда не встречала, хоть и прожила большую часть жизни в живописной местности. Здесь тебе и дорога в Хогвартс, и Нарния, и царство Снежной королевы в одном флаконе за двенадцать минут поездки. Малышки прилипли к окнам, посекудно вскрикивая:

– Смотри, смотри!

Или:

– Там, там!

Потом:

– Вы видели, видели?!

Лере и самой хотелось подпрыгивать и визжать от восторга, она нетерпеливо ёрзала, не отрывая взгляда от проплывающих сказочных пейзажей.

– Смотри, смотри, – шепнул Игорь ей на ухо, быстро чмокнув, она скосила взгляд и увидела, что он улыбается. Широко, открыто, смотрит на неё и улыбается. Будто счастье расплёскивает, и брызги переливаются радугой, отражаются в белом снеге и высоком небе.

Отель располагался в центре Церматта, недалеко от одного из множества подъёмников. Номер оказался просторным, с выходом на открытую террасу и видом на бескрайнее альпийское небо. В распоряжении Лисы и Лины была отдельная комната, для Леры предоставлена своя спальня, с тем же видом, что на террасе, только вряд ли она будет спать отдельно от Игоря. А в комнате главы семейства стояла поистине гигантская кровать, панорамное окно и выход на ещё одну открытую террасу с видом на Маттерхорн. Отделка из дерева, чудящийся запах древесины и чистого снега добавлял ощущения уюта, а огоньки на улице – праздника.

Деревушка сияла огнями новогодней иллюминации, сновали крохотные электромобили, больше похожие на гибрид холодильника и консервной банки – единственный разрешённый вид транспорта, помимо редко встречающегося гужевого. Гостеприимно открывали двери сувенирные лавочки, питейные заведения и камерные кафе. От цен Лера время от времени икала, но предвкушение катания перебивало всё. Она даже секса с Игорем так не хотела, как взять скипасс и рвануть на приличную трассу.

В пригороде Петербурга были горнолыжные курорты. Несколько раз они с Игорем выбирались, но дождь с искусственным снегом не способствовали катанию, как и пологие для Леры трассы. Лисе и Лине, занимающимся раз в неделю с инструктором на Северном склоне, хватало впечатлений и «экстремального катания», а ей – нет. Не выручали и горнолыжные склоны Игоря с оборудованной для фристайла зоной.

Первые три дня Лера отрывалась, игнорируя обед, а иногда и завтрак, исследуя все направления и красные трассы в округе. Не обследованной осталась Червинья. Италию они отложили на потом, решив отправиться все вместе. Игорь позволить себе кататься целый день не мог. На какое-то время он оставлял девочек с инструктором в горнолыжной школе или в детском клубе с программой развлечения и питания, тогда они встречались с Лерой и катали в своё удовольствие. Ну, а остальное время дочки проводили с папой, что было справедливо. Малышки нуждались в общении с Игорем сильнее Леры. Радовало, что уставшие от насыщенного дня, активных игр и горного воздуха Лиса и Лина засыпали раньше, чем переступали порог номера после ужина. Полусонных их раздевали и укладывали в постели, где они беспробудно сопели всю ночь, и не проснулись бы, даже если бы над кроватями прогремели канонады.

Вечера целиком и полностью были в распоряжении Игоря и Леры. Они сидели на террасе, лакомились сыром, шоколадом, запивали вином, бесконечно целовались, не в силах оторваться друг от друга. Ночью занимались любовью. Жарко, жадно, порой тягуче, размеренно, никуда не торопясь. И Лере казалось, она утопает в любви мужчины рядом. Если раньше её мучили сомнения, переживания и страхи, то теперь, как-то вдруг, поняла простую вещь – она счастлива с Алёшиным Игорем.

Счастлива! Всё происходит именно так, как и должно происходить. И ей нужны его ночные объятия, шёпот, поцелуи, страсть, любовь. Необходима его любовь. Важно чувствовать себя любимой и нужной. Ведь он нужен ей. Нужен, чтобы дышать. Без Игоря воздух становился слишком разреженным, неважно на какой высоте она находилась.

Он – её воздух. Высокопарно, но именно так думала Лера, засыпая рядом с Игорем, укутанная его любовью, прижатая тесно-тесно к горячему, сильному телу.

– Куда сегодня отправишься? – поинтересовался Игорь за завтраком в отеле. Несмотря на пафос места и стоимость проживания, завтраки в Церматте отличались скудностью разнообразия. По слухам, это касалось всех отелей.

Лера подумала и назвала трассу. Мысль свербела и не давала покоя с первого дня пребывания на курорте, а скорее всего, поселилась ещё раньше, когда она изучала окрестности, трассы и их особенности. Хотелось попробовать свои силы, испытать судьбу, хватануть адреналина по самое солнечное сплетение.

– Лер, это чёрная* трасса.

– Я знаю, – она отпила кофе и посмотрела на Игоря.

– Не стоит. Опасно.

– Перестань, ничего опасного! – Лера нахмурилась. Предостережения и осторожность Игоря во всех сферах жизни было тем единственным, что немного нервировало её.

Он редко превышал скорость или нарушал правила дорожного движения, не переходил дорогу в неположенном месте. Не стал бы выходить на лёд, ездить на мопеде, не то что на байке, без защиты. Не ел в непроверенных местах, морщился при виде крылышек КФС, автоматически протирал руки антисептиком. Четыре раза в неделю обязательно посещал спортивный зал, бегал по утрам и совсем недавно сдавал кровь на обследование. Более того, предложил то же самое сделать Лере. Речь не шла о ВИЧ или гепатите, хотя с учётом того, что они отказались от презервативов, такая просьба казалась разумной, а об обычном клиническом анализе. Алёшин Игорь был осторожным. Для привыкшей не заострять внимание на мелочах Леры, чересчур осторожным.

– Хорошая моя, я не могу рисковать своим здоровьем, – спокойно говорил он.

Одним полушарием она понимала, Алёшин Игорь Вячеславович – единственный кормилец для своих детей и немолодой матери, а другим - бесилась от продуманности каждого шага своего мужчины. Невозможно так жить. Смертельно скучно! Если не испытывать время от времени адреналин, жизнь превратится в болото с тягучей ряской и двухметровым слоем вязкого ила. Засосёт – не заметишь, как прошла не только молодость, а вся жизнь.

– Я хочу попробовать, – Лера упрямо посмотрела на Игоря, он недовольно покачал головой.

– Лер...

– Перестань, ничего не случится.

– Ты знаешь, сколько здесь стоит медицинское обслуживание? – зашёл с другой стороны. Лера поняла – хитрит, отвлекает, как Лису с Линой от неприятного разговора в надежде, что она передумает. Только она не ребёнок и твёрдо решила – рискнёт. Хватит впечатлений.

– У нас спортивная страховка, – парировала она.

– Лер?

– У?

– Ты ведь не откажешься от этой мысли?

– Нет.

– Тогда дождись меня.

– Можно подумать, ты катаешь лучше меня.

– На сноуборде – нет, на лыжах точно лучше. Мастер спорта, – подмигнул он.

– Ого! Когда успел?

– В молодости, Лера, в молодости. И разряд в скалолазании, чтобы ты знала.

– Божечки-кошечки! – рассмеялась Лера.

– Да-да, я не только гуру секса, но и гор.

Смех был Лериным ответом.

– И всё-таки, хорошая моя, подожди, если так необходимо... – она явственно услышала вместо «необходимо» совсем другое слово.

– Ладно.

И всё-таки ждать она не стала. Потопталась на остановке, пропустила пару автобусов, курсирующих каждые пять минут, и в немой решимости двинулась в район Gant, где присмотрела трассу с внушительным, по-настоящему чёрным уклоном. Подождёт у подъёмника или поднимется на высоту красной трассы. Кстати, она тоже очень интересная: узкая, плохо огороженная, слева гора, справа – пропасть.

У подъёмника также не дождалась Игоря. Прилетело сообщение, что задержится ещё минут на десять. Девушка ответила, что отправилась на двадцать девятую, и двинулась наверх, проигнорировав предупреждение и угрожающие смайлики. Ей просто хотелось спуститься с ветерком и настоящим драйвом. Она испытала все синие и красные трассы, немного свежих впечатлений не помешает. Неизвестно, вернутся они ещё раз в Церматт или нет, невыносимо хотелось испытать весь спектр ощущений, хапануть адреналинового коктейля до спёртого дыхания. Кто в своём уме откажется от острых впечатлений, понимая, что второго шанса скорее всего не представится? Точно не Лера.

Лера занималась дайвингом в Таиланде и Вьетнаме, осваивала сёрфинг на Бали,

каталась на слоне, кормила наглых обезьян, ходила на шоу со змеями, пробовала водку с сердцем кобры, с трудом переборов рвотные позывы. Жить необходимо здесь и сейчас, а не оглядываться поминутно, сдавая кровь на гемоглобин или холестерин.

На красной трассе, несмотря на невысокий уровень опасности, её потрянуло от леденящего страха. Испортилась видимость, усилился ветер. Узкая колея, близость горной породы, зияющая в тумане пропасть, испугали до одури, но в то же время впрыснули столько адреналина, что потребовалась ещё доза. И только на чёрной трассе, что шла в обход красной, она вдруг поняла, что не справляется.

Слишком сильный уклон, короста на снегу, наросты льда и бугры нерасчищенной трассы оказались сложными для неё. Усугублял всё боковой ветер, сносивший в сторону, от чего доска подпрыгивала на заледенелых кочках, а Лера с трудом держала равновесие, управляя сноубордом. Останавливаться смысла не было, да и не могла она... Не могла! Её несло, как углое судёнышко в шторм.

– Лерка! – Она не сразу сообразила, что точка, догнавшая её – Игорь. Несложно поверить, что перед ней мастер спорта, так легко он лавировал и плавно притормаживал на внушительном уклоне. – Переноси вес на опорную ногу, переноси! – девушка с трудом соображала, что он пытается напомнить ей, как тормозить. – Упор на пятки, Лер. На пятки! Вот так, перпендикулярно! Ну же! Хорошая моя, не паникуй, не паникуй. Упор. Перпендикулярно.

Если бы он протянул руку, схватил Леру, они бы перевернулись оба, покатались, переломав себе всё, что только можно. Но мужчина лишь перекрикивал ветер и разгонял ужас и сковывающий Леру страх. Через три глубоких вдоха она притормозила, а потом и вовсе шлёпнулась на пятую точку, хватая воздух до боли в груди.

Игорь притормозил, обернулся, улыбнулся широченной улыбкой, от которой у Леры набежали слёзы на глаза, и... на резком повороте, который она бы точно не преодолела, покатился кубарем вниз под её нечеловеческий визг.

Отвлёкся. Он отвлёкся, расслабился. Чёрная трасса не простила неряшливого к себе обращения. Горы не прощают небрежности, расхлябанности, нелепостей. Не трассы экспертного уровня с их поворотами, перепадами, целинным снегом, наростами льда и заледенелыми буграми.

Потом были спасатели, из беглого швейцарско-французского которых Лера не понимала ничего. Аллеманский диалект немецкого был для Леры и вовсе тёмным лесом. Всё время в Церматте она обходилась английским, классическим французским и языком жестов. Для общего понимания вполне хватало. Всё, что поняла Лера – ей следует отойти, спуститься вниз с одним из спасателей и ждать. Неизвестно чего и сколько ждать. А ещё она видела бледное, неживое лицо Игоря, безвольно опущенную руку, и от этого становилось во сто крат страшнее, чем когда её несло по трассе. В миллион раз ужаснее.

Господи, она даже не понимала, жив ли он! А спасатели не говорили ничего. Ровным счётом. Переговаривались между собой рваными фразами, окружив лежащего Игоря, а потом и вовсе отправили Леру вниз, к подножью.

С трудом она сообразила, что нужно забрать Лису и Лину из детского клуба. С таким же трудом нашла небольшую клинику, куда отправили Игоря. Живого! Главное – живого! А потом курсировала по коридору, как акула, пытаясь разобрать хотя бы пару слов из разговоров медицинского персонала.

Прошло несколько часов, девочки жались к Лере, испуганно расспрашивали, а ей

нечего было сказать, кроме того, что она угробила их отца. Но ведь не скажешь! Не покаешься перед шестилетними малышками, которые не понимают, что происходит, но хотят к папе.

Живому, здоровому отцу, который в состоянии позаботиться о них и их благополучии.

Ругающему за плохо съеденный завтрак и отводящему каждое утро в детскую горнолыжную школу, а потом в клуб. Играющему с ними в твистер, терпеливо читающему сказки, несмотря на то, что они сами бегло читают, и не только на русском языке. К отцу помогающему, поддерживающему, обеспечивающему тот уровень жизни, к которому привыкли. И может быть, однажды, он купит им живого енота или хомяка.

Не расскажешь о собственном тупом желании хапнуть адреналина, будто без него невозможно жить... Она не могла жить без Игоря, а без какого-то дебильного гормона вполне обошлась бы. Может, это и противоречит законам физиологии человека, зато не идёт в разрез с её сердцем.

На пороге клиники появилась Алёна, Лера сразу её узнала. Та ещё не вошла, а она узнала. Кислород сжижался, превратившись в жидкость, застревающую в дыхательных путях. Женщина была одета просто: пуховик, брюки, спортивные ботинки. Но во всём облике, от поворота головы, взгляда, движения кисти, до чуть хрипловатого, глубокого голоса чувствовалась уверенность в себе и ситуации. Одним взглядом она размазала Леру, превратив в жалкое ничто.

Представители власти отдали несовершеннолетних Алису и Алину Алёшиных их матери и законному представителю – Алёшиной Алёне Леовне. Ей же рассказали о состоянии здоровья Алёшина Игоря Вячеславовича – законного мужа, и ей же выражали слова поддержки и сочувствия, одобрительно брали за руку и бегло разговаривали. В отличие от Леры, Алёна понимала каждое слово.

– Вот что, подружка папы, – Алёна подошла вплотную к слившейся со стеной Лере. – Детей я забираю. А тебе лучше уносить ноги подбру-поздорову.

– Я не уеду.

– Послушай меня, маленькая шлюшка. Ты – никто. Подстилка. Дрянь, почти угробившая Игоря. Я не стану угрожать тебе судом, считай жестом доброй воли, только учти, сейчас я позвоню Лидии Максимовне и расскажу ей, почему её сын находится сейчас на больничной койке, и поверь, перспектива суда тебе покажется раем.

– И ещё, – продолжила Алёна после молчания. – Ты не просто едва не угробила Алёшина, ты чуть не оставила его детей без отца. Такое не прощают. Он не прощает.

Что-то в этих словах было не так. «Алёшин» и, главное, самое главное – «Его детей». Его!

Лера с трудом соображала, она задышалась в чувстве вины, смотря, как Лиса и Лина беззаботно машут ладошками «папиной подружке» и, счастливые, уходят с мамой...

* Классификация горнолыжных трасс:

«зеленая» — для начинающих

«синяя» — низкого уровня сложности

«красная» — среднего уровня сложности

«черная» — высокого уровня сложности

Ночь Лера провела в номере, курсируя из комнаты в комнату. Панорамные окна с видом на террасу и Маттерхорн навевали тоску до состояния панической атаки. Лера никогда не страдала ничем подобным, но желание забиться в тёмный угол, сдавленное, судорожное дыхание, наползающий, окутывающий ужас пугали до одури. Как и желание убежать. Бежать, куда глаза глядят. Забыть всё, перечеркнуть, избавиться от чувства вины и тревоги не только за Игоря, но и за Лису с Линой. Исчезнуть. Вычеркнуть из жизни. Забыть! Не Алёшиных, а всё, что произошло. Отмотать время на сутки, не пойти на тот автобус, не подниматься на красную трассу, а потом и чёрную, свернуть в любую другую сторону, лишь бы ничего не произошло.

Почему? Почему девочек не оставили с ней? Всё понимала, ответ знала. Он её категорически не устраивал! Она, Лера, посторонний человек для сестричек Алёшиных, а женщина, считавшаяся матерью, говорящая про родных дочерей: «Его детей» – законный представитель?!

У Леры тоже была родная, правильнее сказать, биологическая мать. Женщина, которая почти двадцать три года назад произвела её на свет. О том, что она дитя случайной связи, Лера узнала в средней школе, ничуть не расстроившись от этой информации. К тому времени она прекрасно знала фамилию, имя и отчество матери, где она жила, с кем. Иногда встречала на улицах, вежливо здоровалась, как учили папа и Валентина. Встречая знакомого, говорить: «Здравствуйте», а на все вопросы отвечать: «Обратитесь к папе». Естественно, с близкими друзьями отца или родителями своих приятелей Лера останавливалась поболтать, а с посторонними людьми – никогда. Мать была для неё посторонним человеком.

«Так получилось», – объяснил четырёхлетней Лере папа. Она легко приняла такую действительность, другой у неё не было. Зато был отличный папа. Весёлый, добрый, самый-самый лучший. Зачем нужна какая-то непонятная мама, если есть папа?

Сейчас она понимала, так действительно получилось. Её мать забеременела совсем молодой, долго скрывала от родителей, а когда всё вскрылось, ничего, кроме как родить, не оставалось. Родители матери не захотели обузы, настояли на том, чтобы оставить новорожденную в родильном доме. Уж на какие кнопки нажал тогда Суздальев Валерий Анатольевич, числившийся в скромном звании и должности, какие рычаги двинул, неизвестно, но через месяц у Леры появились законные фамилия, имя, отчество и папа.

А ещё запись в свидетельстве о рождении в графе «мать». Но никакая надпись в графе не сделает из человека мать, отца, родственника или друга.

Клиника ещё не открылась, а Лера уже топталась у порога. В этот раз персонал был более разговорчивый. На смеси английского и французского она объяснила о цели своего визита, удивительно, но её поняли, и она сообразила из объяснений, что пациент в сознании, отдыхает. Улыбчивая полненькая женщина в синей форме проводила до дверей палаты и спешно посеменила по коридору.

Палата как палата. Никаких особенных изысков для миллионеров Лера не заметила, кроме, пожалуй, вида за окном. Больничная койка, тумбочка, передвижной обеденный столик с поворотной столешницей – на вид всё пластиковое. Она неуверенно потопталась, смотря на спящего Игоря. Волосы скатались, лицо бледное, как и руки поверх одеяла. Дышит ровно, испарины нет. Просто спит. Безмятежно. Будить Лера не решилась, уселась в небольшое кресло в углу комнаты и смотрела, смотрела, смотрела на мужчину, которого полюбила, и никак не могла насмотреться.

Жив! Он жив! Никаких пугающих аппаратов не подключено, нет капельниц, не торчат

катетеры. Вокруг не суетятся врачи, не снуют медсёстры, не видно бинтов, порезов, переломов – всего, что представляла себе Лера, знающая о медицине лишь по фильмам и сериалам.

– Подойди, – несмотря на то, что она не отводила взгляда от Игоря, хриплый голос прозвучал, как гром среди ясного неба. Она уставилась в серые, со стальным оттенком глаза и нервно сглотнула. – Лер? – он шепнул и постучал пальцами по одеялу. Отчего-то бросилось в глаза отсутствие привычных украшений на запястьях. Оголённые руки казались беззащитным, будто с них не браслеты и часы сняли, а кожу.

– Который час? – Игорь посмотрел за окно, где синело высокое, прозрачно-голубое небо, а солнце отражалась в искрах снега.

– Восемь.

– Вечера?

– Утра.

– Дьявол... Девочки где?

– С... с Алёной.

– Дьявол! – он резко привстал и тут же упал на подушку, побледнев. – Дьявол! Мне нужен мой телефон.

– Где он? – Лера растеряно засуетилась. Начала открывать отделения больничной, пластиковой тумбочки, шарить взглядом по пустым полкам встроенного шкафа в тамбуре палаты, даже в санитарную комнату заглянула. Глупо, как всё глупо. И она ведёт себя как дура!

– Позови кого-нибудь из персонала, – подсказал Игорь. Лера выскочила из палаты, благо мгновенно наткнулась на ту же пухленькую, улыбчивую женщину, та кивнула в ответ на попытку объяснить, что от неё требуется, и вошла в палату.

Через несколько минут перед Игорем возникли все вещи, которые были с ним на чёрной трассе, включая одежду, привычные браслеты, наручные часы, пластиковые карты и конечно телефон.

– Зарядки мало, – пробурчал он недовольно и обратился к медсестре. В отличие от Леры он хорошо понимал швейцарско-французский и даже местный диалект немецкого. Через минуту он подключил, взявшуюся откуда-то зарядку и сосредоточено слушал гудки, до белизны сжав губы.

– Сюзанна?! – нетерпеливо крикнул он в трубку. – Да, я. В Церматте, – он коротко рассказал, что делает на курорте, с кем приехал, когда. – Что значит, не знаешь, где Алёна?! Она должна быть с тобой в Женеве! Да. Да. Дьявол! Нет, сиди дома на случай, если явится. Жди! Нет, я не стану тихо, по-семейному решать. У неё мои дети, я обращаюсь в полицию. Сейчас же!

– Прости, – пролепетала Лера, смотря на бледного, как никогда, Игоря. Он бессильно откинулся на подушку и в течение минуты просто смотрел в потолок, кажется, ничего там не видя.

– Подойди, – всё ещё глядя в потолок, произнёс Игорь, пододвинулся на кровати, сморщившись от боли. – Хорошая моя, ты ни в чём не виновата.

– Я попёрлась на чёрную, отпустила Лису и Лину с А-а-алёной, – имя жены Игоря далось с особенным трудом. Лера будто грецкий орех пыталась раскусить, а не имя произнести.

– На трассе произошёл несчастный случай. Грёбанный несчастный случай. Такое

случается сплошь и рядом. Как видишь, я жив, – он попытался улыбнуться, только Лера отлично видела, понимала – ему больно. – Ну, а против закона ты бессильна. – Игорь приподнялся, крепко обнял, провёл носом по шее, громко вдыхая, и отпустил со словами: – Поможешь?

С трудом они поднялись, Игорь оделся, то и дело потирая отекавшее колено, прикрывая глаза и шипя сквозь зубы. Он молчал, но Лера видела: ему больно наступать на ногу, сгибать колено, поворачиваться всем корпусом, наклоняться. Каждый шаг, движение, давались с видимым трудом.

– Похоже, связки, – буркнул он, пошевелив ногой. – До свадьбы заживёт, – тут же подмигнул, перехватив Лерин перепуганный взгляд. – Пойдёшь замуж за калеку, у которого были подростковые прыщи, когда ты ещё не родилась? – он внимательно посмотрел на неё, улыбнулся и тут же двинулся к двери, хромя на ходу.

– Да, – прошептала вслед мужской спине, только, кажется, никто её не слышал.

Уже через несколько минут в небольшой палате собрались врачи, два полицейских, ещё пара человек, должностные обязанности которых Лере не были известны. Она снова слабо соображала, что происходит, казалось, говорили все одновременно. От гаркающих звуков, непривычного произношения, подкатывающей паники, чувства беспомощности и вины становилось душно, поднималась тошнота.

Иногда Игорь переводил происходящее, чаще же словно не видел Леру. И, в общем-то, она понимала – ему сейчас ни до чего. Он даже с врачом поговорил быстро, отмахиваясь от предостережений и рекомендаций. Всё, что его интересовало, куда Алёна увезла Лису и Лину, где находятся его дочери.

– Я позвоню, – все, что сказал Игорь, когда уезжал с полицейскими.

– Мне что делать? – Лера действительно не понимала, как ей поступить. Хотелось помочь, только что она могла? Без знания языка, законодательства, ни черта не понимающая в медицине, будучи посторонним человеком для Алёшина Игоря Вячеславовича.

– Номер оплачен, отдыхай. Я позвоню.

«Я позвоню».

Игорь поцеловал Леру, клюнув в щёку, через мгновение она осталась одиноко стоять на заснеженной, белой дороге, щурясь от ослепительного снега, солнца и альпийских, сказочных гор.

Глава 20

Игорь сошёл в аэропорту города Сочи, невольно удивившись. Он не был в регионе с юности, и хоть новый терминал не стал неожиданностью, разница между подростковыми воспоминаниями и сегодняшним днём поразила.

Новый год он встретил в небе над Европой, через пару часов бродил в переполненном, несмотря на праздники, аэропорту в Москве, а ещё через некоторое время – приземлился в Сочи.

Спал ли он последние несколько суток? Игорь силился вспомнить. Спал, должен был. В такси, спешащем в аэропорт Женевы. В часы, когда довольные Лиса и Лина скакали в номере рядом, изо всех сил стараясь играть тише. Несколько отчаянных визгов, сотый просмотр «Холодного сердца», ставшего хитом девочек всего мира, и военные действия друг против друга без объявления нападения не в счёт.

Игорь никогда не забудет сковывающий грудную клетку ужас, когда не знал, где его девочки. Его дочери. Его. Неважно, плоть от плоти ли, не имеет значения, кто их родил, кто

биологическая мать или мать де юро. Лиса и Лина – его дочери.

Он знал про них всё. Тайны, страхи, болезни. Он знал, что Лисе достался музыкальный слух, а на Лину начал поглядывать с интересом тренер по дзюдо в спортивном клубе, пророча спортивную карьеру. Помнил, что у Лисы были проблемы с межзубным произношением, а Лина грешила грассирующим «р». С логопедом они занимались больше года. Одной легче давались языки, другой – математика.

Они ругались по сто раз на дню, но были едины в желании завести енота или шиншиллу, или хотя бы рыбку, но тогда уж ни больше, ни меньше, а рыбу-меч. Готовились пойти в первый класс, Игорь вместе с ними, и волновался ничуть не меньше. Его девочки бегло читали, считали в пределах ста, с увлечением изучали энциклопедии для младших школьников, умели делать презентации, но слыли непоседливыми, а Лина и нетерпеливой к окружающим.

Скорее всего, они избалованные или не самые очаровательные девочки не свете – в последнее не верилось, даже включая объективность на полную катушку, – но абсолютно точно, невозможно любимые. Алёшин Игорь Вячеславович не представлял своей жизни без синих, широко распахнутых глазёнок, тепла детских ручек, быстрой речи наперегонки с сестрой.

Найти Алёну после несчастного случая на горнолыжной трассе властям не стоило труда. У Алёшиной Алёны Леовны было двойное гражданство, полученное на заре юности не без помощи отца, некогда преуспевающего бизнесмена, и недвижимость в Женеве. Дом, доставшийся в наследство. Один звонок, стечение обстоятельств, такое же нелепое, как ледяной нарост на трассе – результат не заставил себя ждать.

Алёна выписалась из клиники две недели назад со стойкой ремиссией, в которую ни на миг не верил Игорь, запретив появляться в России и на глаза детей. Дело о разводе в разгаре, наряду с делом о лишении родительских прав. Игорь шёл на уступки в финансовом вопросе, он не стремился пустить по миру некогда близкую ему женщину. Причитающийся ей процент дохода готовился отдать без сожалений и раздумий. В конечном итоге, своим успехом Игорь отчасти был обязан тестю, свинство обирать до нитки его дочь. Свои обязательства, как доверителя в трастовом фонде, созданном тестем, он был готов выполнять и дальше, безукоризненно и честно. Фонд работал не только на Алёну, но и на дочерей. Лишать их денег, оставленных дедом, он не собирался.

Почти бывшая жена время от времени орала в трубку, отказывалась общаться с юристами, грозилась «показать, где раки зимуют», но дальше угроз дело не двигалось. Она поселилась в Женеве, в собственном доме, к ней перебралась Сюзанна, взяв заботу о племяннице на себя.

По словам Сюзанны, Алёна не употребляла алкоголь, соблюдала режим дня, занималась с фитнес-инструктором и тренером по йоге, а также посещала психотерапевта. Несколько раз Сюзанна начинала разговор о возможности начать всё заново. По её мнению, Алёна полностью исправилась, осознала ошибки и была готова к новой, трезвой, полной здоровых ощущений жизни. Игорь не разделял её оптимизма, к тому же планы без пяти минут бывшей жены не имели для него значения. Лера – вот имя женщины, которую он полюбил всем сердцем. С ней связывал своё будущее, если она захочет.

Планы Алёны на жизнь его не интересовали, как и то, почему она не обращается к адвокатам. Надеется на удачу, честность Игоря? Плыл по течению, не имея желания и привычки что-то самостоятельно решать? Он просто хотел, наконец, поставить жирную

точку в своей семейной жизни, изолировать бывшую жену от детей. Надеялся, что исчезнув, она постепенно перестанет играть роль в жизни дочерей. В последнее время девочки почти не вспоминали маму, Лиса не надувала обиженно губки, а Лина не пыхтела недовольно, вспоминая маму. Они учились жить без матери.

А все вместе – девочки, он, Лера – искали равновесие, будто боялись нарушить зыбкий баланс и право на совместное будущее. Семейство кошачьих, с опасением поглядывающее на тонкий лёд, с осторожностью трогающее лапой гладкую, обманчиво прочную поверхность.

Алёну обнаружили быстро, вернее, она сама себя обнаружила. Сюзанна вспомнила о некоем друге племянницы, арабе швейцарского происхождения, проходившем лечение в одной с ней клинике в прошлом году. Парень из благополучной, законопослушной семьи покатился по кривой дорожке в школьные годы. Сейчас жил на пособие и считал в своих бедах виновным весь мир, кроме себя. Стандартная история, написанная, как под копирку.

Представители власти не успели подъехать к дому, где проживал «друг», как в одну из полицейских машин влетела легковушка Алёны. Чудом никто не пострадал кроме самой Алёны, взятой под арест. Езда в нетрезвом виде, дети, находившиеся в транспортном средстве без детских удерживающих устройств – автокресел. Сопротивление представителям власти, а также воз и маленькая тележка других правонарушений, по здравому размышлению, игравших на руку Игорю. На миролюбивом разрешении бракоразводного процесса можно смело ставить крест, как и на материнстве Алёны. Лишение родительских прав стало реальностью, отложенной на незначительное время.

Девочки были испуганы, когда их забирал Игорь, но целы и здоровы. Лиса долго всхлипывала, но увидев «Домино'с Пицца» тут же лукаво прищурилась и заявила, что хочет есть. Сильно-сильно. И кока-колу. Лина горячо поддержала сестру, демонстративно надувшись, старательно изображая голодного, несчастного котёнка-сиротку, выставленного под дождь злой тётёй-кошкой и котом Василием. Что скажешь? Новое поколение выбирает фастфуд.

Позже Лиса рассказала, что в квартире «того дяденьки» противно пахло. Он громко разговаривал, размахивал руками и всегда смеялся. Но зато включил им с Линой мультик, принёс шоколадных зайчиков и не ругался, в отличие от мамы, которая всё время была сердитая. А потом развеселилась и сказала, что отвезёт их в зоопарк.

– Она напилась коричневой водки, – зло профырчала Лина и уставилась в окно, разглядывая машины, прохожих, аниматора в костюме оленя, раздающего листовки. – От неё противно пахло, и от того дяденьки тоже. Не поеду больше с ней, – отрезала Лина.

– И я, – вздохнула Лиса. Было видно, что малышка, более мягкая от природы, отходчивая, сомневается в собственных словах. Игорь надеялся, что после окончательной изоляции Алёны от детей, Лиса и Лина забудут и об истории с «дяденькой», и о матери. Не так много было её в жизни дочерей. И психологов не стоило сбрасывать со счетов.

– И не надо, – закончил разговор Игорь, тут же отвлекая внимание малышей на меню и попытку поторговаться за кока-колу. Кому молиться за благополучный исход, он не знал, но был готов поставить свечки всем известным святым.

Позже состоялся короткий разговор с Сюзанной. Пришлось раскрыть тайну рождения Лины и Лисы, в надежде утихомирить родственный пыл, к тому же, велика вероятность, что подробности всплывут на суде. А также запретить видеться с девочками наедине на территории Швейцарии или любой другой страны, где потенциально может находиться Алёна. Лишь дома, в присутствии Игоря, если у Сюзанны останется желание. Ему было

искренне жаль несчастную, потерянную женщину. Но не он послужил причиной ранней смерти её мужа, не он сидел за рулём автомобиля, убившего её сына, и абсолютно точно не он свёл в могилу Лео – отца Алёны и брата Сюзанны.

Хватит жить прошлым, идти на компромиссы, довольствоваться полумерами. И сейчас он сошёл в аэропорту Сочи, чтобы сказать это Лере.

О том, что Лера улетела к отцу, Игорь знал. Он позвонил сразу, как только прояснилась ситуация с дочками. В Женеве у него оставались дела с властями, бюрократия в любой стране бюрократия, череда праздников не облегчала ситуацию. Игорь сомневался, что он с малышками успеет вернуться в Церматт к новому году. Находясь в подвешенном состоянии, он не мог предложить ничего определённого Лере, а звать в Женеву, вмешивать в семейные дразги, не хотел. Хватило заочного выступления Сюзанны с отвратительными комментариями и сольного выпада Алёны.

Лера улетела к отцу, сказав, что видеть не может Маттерхорн и Церматт вместе взятые, как и подъёмники, снег и праздничную иллюминацию. Игорь не возражал. Что скажешь? Позже позвонил матери, попросил приехать раньше, поступившись своими планами, та, конечно, не отказала, не преминув наигранно вздохнуть. Рассказывать по телефону о произошедшем не стал. Побоялся за здоровье матери, в последнее время она чаще стала жаловаться на давление и общее недомогание. Возраст. Прилетев же, узнав подробности «отдыха», женщина впала в почти религиозную экзальтацию, не выпуская из виду внучек ни на минуту. Грозилась всеми возможными людскими и божественными карами Алёне и её тётке. В конце объявив, что не останется в этой стране ни на минуту.

Пришлось на ходу менять планы, соблазнять дочек Диснейлендом, а потом Лапландией. Проводив малышей с бабушкой на отдых, Игорь сразу отправился в Россию.

А побережье встретило шквальным ветром. Пока садился в такси, леденящие порывы пробирались под одежду, били по лицу, шее и навевали отчётливые воспоминания. Ветер. В тот день, когда Лера стала его, дул порывистый северо-западный ветер. Пробирали до мурашек, бил в лицо каплями дождя, прямо как сегодня. Здесь и сейчас. Город южный и город северный, а ветер один на двоих.

Таксист подозрительно покосился, когда Игорь назвал адрес, но послушно тронул машину с места, не постеснявшись озвучить цену за проезд, которую кроме как «конской» не назвать. Почти через час пути, сначала по шоссе вдоль смурого моря, а потом по узким проулкам, вдоль высоких заборов и виднеющихся вдали гор, автомобиль остановился у кирпичной изгороди с глухим забором и видеокамерами по периметру.

– Приехали, уважаемый, – крикнул таксист. Игорь расплатился и вышел, вздрогнул от порыва ветра и уставился на металлическую калитку, больше похожую на дверь от сейфа.

Позвонить Лере? В домофон? Время седьмой час утра, светало, воздух стоял прозрачный, колебался лишь под внезапными порывами, когда же ветер затихал, казалось, что утреннее солнце вот-вот прорвётся полуденными лучами. За высоким забором послышалась музыка, громыхнул фейерверк и раздался мужской смех, вернее, гогот, а за ним женский визг. Игорь вздохнул и нажал кнопку, поднимая взгляд к камере.

К удивлению, замок щёлкнул, давая понять, что гость может проходить, но ни за калиткой, ни на просторном дворе, устланном цветной тротуарной плиткой, ни на крыльце под кованым козырьком никого не было. Игорь несколько раз безрезультатно позвонил в звонок у металлической, внушительной двери.

– Здравсти вам, – услышал за спиной, резко обернулся, от неожиданности наступив на

больную ногу, едва сдержал стон и посмотрел на говорящего.

Долговязый парень лет двадцати восьми стоял в бомбере, голубой шапочке Снегурочки, с болтающимися синтетическими косичками по бокам, сланцах и плавках. Bravo шаркнув ногой, тряхнув цыплячьим косами, он смерил гостя взглядом.

– Здравствуйте, – ревность скользнула по позвоночнику. Братьев у Леры не было, для отца пацан молод. Друг? Насколько близкий? Как давно? Что за бред лезет в голову? Какое может быть «давно», если Игорь у Леры первый мужчина, а дома она всего-то несколько дней. – Мне нужна Суздалева Валерия, она здесь?

– Здесь, здесь, пошли, – парень махнул рукой и сошёл со ступенек, кивнул в сторону Игоря и направился по дорожке вдоль дома.

Обогнув дом, достаточно большой, трёхэтажный, с черепичной крышей и несколькими эркерами, Игорь оказался на заднем дворе. Так вот где выросла его Лера. Большое пространство под газон с пробивающейся, несмотря на зиму, зеленью, туи, самшитовые шары, беседка, качели, импровизированный колодец. Через газон пролежала тропинка к одноэтажному строению в той же стилистике, что и дом. На открытой веранде – хаотично расставленные стулья из ротанга, остатки банкета на сдвинутых столах, валялись какие-то вещи, сырые полотенца, прогоревшие свечи и россыпь бенгальских огней. Один выход с веранды смотрел на дом, а второй – на кованый стационарный мангал и бассейн с водой. Уже через секунду из двери строения выскочил здоровенный, раскрасневшийся детина и с разбега плюхнулся в воду, оглашая окрестности воплем оголодавшего Годзиллы.

– К Лерке, – после того, как над водой появилась отплёвывающаяся, матерящаяся голова, доложил Снегурочка в плавках и шлёпках на волосатые ноги.

– К Валерии Валерьевне, Петухов, – ответил мужик, впиваясь взглядом в Игоря. Когда лицо пловца вернуло нормальный цвет, стало понятно – это никто иной, как Суздалев Валерий Анатольевич. Короткие волосы, торчащие из-за воды, вились мелким бесом, как у Леры. Полностью Лерино лицо, только она бесспорная красавица, а Валерий – просто мужик.

– Так вот какой ты, питерский олень, – услышал Игорь, когда Суздалев выбрался из бассейна и подошёл, растираясь до красноты полотенцем.

Один отлично поставленный удар пришёлся ровно в солнечное сплетение, Игорь задохнулся, согнулся пополам, в голове помутилось до чёрных точек. Всё верно, всё верно, рассчитывать на другое не приходилось, но как же больно. Дьявол!

Глава 21

Лера не смогла остаться на курорте без Игоря и девочек, а он не был уверен, что сможет вырваться на новый год. Торчать в номере одной, когда вокруг сверкает иллюминацией праздник, не хотелось.

Радовало одно. С Линой и Лисой всё хорошо. Сестрички не пострадали ни морально, ни физически. Наверное, впоследствии нужно будет обратиться к детскому психологу или другому специалисту. Лера мало понимала в воспитании детей, но пока они строили рожицы на камеру, с восхищением рассказывая, что скоро приедет бабушка Лида, отвезёт их в Диснейленд и Лапландию. Значит, всё хорошо. Хорошо же?

Игорь не возражал против решения Леры улететь домой, сказал шуткой, что приедет к ней, как только освободится. Как считала она – шуткой.

Надо ли говорить, что папа включил на полную катушку «отцовскую чуйку» и забросал вопросами ещё когда забирал дочь из аэропорта домой.

– Ты пойми, сначала ты летишь в Швейцарию с друзьями, а потом, вдруг, бац – домой.

Отсюда вопрос: что случилось?

– Я просто соскучилась, – засмеялась Лера, глядя на отца.

Правда соскучилась, даже не представляла, что настолько. Вот сидит он сейчас рядом, на водительском кресле, следит за полупустой трассой, время от времени бросая взгляды на дочь, и якобы недовольно хмурится, а у Леры внутри тепло растекается. Бармалей русоволосый, с непослушными, короткими кудряшками на макушке – пора стричь.

– Хитра, хитра, Патрикеевна, – довольно ухмыльнулся и снова перевёл взгляд на трассу.

Дома допрос продолжился, уже к вечеру Валентина, перебравшаяся на время новогодних праздников к ним, сдалась.

– Не виноватая я, – наигранно заламывая руки, вздыхала Валентина. – Он применил пытки!

– Да что ты? – сощурилась Лера.

– Заставил готовить борщ!

– Именно, – деловито подтвердил глава семейства. – А ты что приготовила?

– Там есть свёкла – это борщ, Валера! – справедливо возмутилась Валентина.

– В селёдке под шубой тоже есть свёкла. По-твоему, она – борщ? – припечатал мужчина. – А ты куда намылилась? – это уже Лере, решившей свалить под шумок в свою комнату и появиться на кухне лишь когда отец отправится по служебным надобностям, последним в этом году.

Потом можно перегородить вход на кухню стульями и потребовать всех выйти вон. Кухня – её епархия. Что-что, а субординацию Валерий Анатольевич Суздаев свято чтит, как уголовный и административный кодекс.

– К себе.

– Сюда иди, – она подошла. – Садись, – указал на стул. Села. – Алёшин Игорь Вячеславович, значит?

– Значит.

Лера выслушала подробный отчёт о личности Игоря Вячеславовича. Возраст, образование, семейное положение, ближайшие родственники, где прописан, движимое, недвижимое имущество, даже неоплаченный штраф за парковку в неподобающем месте нашёлся. Одним словом – страшный человек, представляющий угрозу если не населению, то лично Суздаевой Валерии Валерьевне.

– Что ты на это скажешь? – казалось, отец просверлит взглядом дыру в бестолковой дочери, связавшейся с женатым, детным, старым, злостным неплательщиком штрафов за неправильную парковку. И это Валерий Анатольевич ещё медицинскую карту Алёшина не запросил!

Никаких сомнений, кто именно выдал Суздаеву информацию на Игоря, не было. Дядя Олег и небезызвестный Макар Степанович – большо-о-о-о-ой человек.

– А что я должна сказать? – Лера уставилась на отца.

– Ты понимаешь, что он старый женатый мужик? Ты что, профурсетка какая-то, чтобы с таким типом связываться? Я тебя этому учил?! Кто тебя этому учил?!

– Пап, перестань. Он не старый. Скоро разводится. И вообще – это не твоё дело.

– Не спорь с отцом! Старый!

– Валера, какой же он старый?! – возмутилась до этого молчавшая Валентина.

– У него дети! Зачем ей этот геморрой? Кому вообще нужен мужик с прицепом?

– Действительно, – профырчала Валентина. – С детьми, ещё и старый. Леденящие кровь подробности!

– Ты не путай облепиху с ситуацией! – рявкнул Валерий, ни больше, ни меньше – Анатолевич.

– По-другому говорится, – ответила в тон Валентина.

– Знаю я, как говорится. При детях и женщинах не выражаюсь.

– Вот и не выражайся. У тебя дел много, езжай. А нам ещё селёдку под шубой из борща готовить.

После этих слов отец вылетел из кухни, вернулся в форме, раздувая ноздри как жеребец, схватил список недостающих продуктов, окатил всех взглядом, от которого простой смертный постарел бы раньше времени, и был таков.

– Не переживай, – Валентина подседа к понуро молчавшей Лере. На понимание отца она сильно не рассчитывала, отлично понимала, как всё выглядит со стороны, просто надеялась отложить разбор полётов. – Перебесится, вернётся с другим настроением, вот увидишь.

– Не переживаю...

– Правда, что произошло? Поругались?

– Отцу расскажешь?

– Лучше я, чем его каналы или ты. Тут подход нужен, – Валентина повиляла кистью руки, изображая юркую рыбку. – Когда ты зуйков своих спасала, он терпел, а здесь...

К вечеру взмыленная Лера носилась по кухне, а отец и правда повеселел, подобрел. То ли Валентина всё ему поведала по телефону, уж очень долго она топталась в бане, якобы убираясь в комнате отдыха. Напротив банного отделения, с предбанником и русской парной, через коридор, было отделано просторное помещение. С огромным столом, лавками, несколькими диванами, стеллажами и даже бильярдным столом, которым никто никогда не пользовался.

То ли початая бутылка Хеннеси сыграла роль.

Было только одно «но». Повеселевший папа притащил несчастного Петухова, в приказном порядке велел не отходить от Валерии Валерьевны ни на шаг.

Родиона Петухова Лера знала уже лет пять. Долговязый, лопоухий, с поставленным, командным голосом, делал быструю карьеру благодаря протекции Суздалева. Отец Петухова – чин в отставке, переехавший в благоприятный климат из района Салехарда, познакомился с Валерием, будучи ещё при должности. Близкими друзьями они не стали, но все годы приятельствовались. Петухова Родиона Лера встречала постоянно, иногда казалось, он бывал в их доме чаще Валентины.

Понятно, что через несколько лет Родион перерастёт должность пацана на побегушках, он уже почти перешагнул этот рубеж, но сегодня старательно изображал бурную радость при виде Валерии Валерьевны. Впрочем, может, действительно был рад видеть? Они никогда не враждовали, хоть и не были друзьями. Мешала разница в возрасте. В то время, когда Лера росла, пять лет разницы – почти космос. А сейчас...

Сейчас у неё есть Игорь. А Петухов – отличная тягловая сила. Кто-то должен помочь накрывать на стол, переставлять стулья, двигать скамейки, носить неподъёмные блюда с салатами на двадцать человек – примерно столько было приглашено в дом Суздалева, не считая друзей, решивших заглянуть экспромтом.

Так и встретили новый год. Отец с Валентиной, сослуживцы с семьями, и Лера с Петуховым, не обременённым близкими отношениями с девушкой.

– Рано, – говорил он. – Лет через пять женюсь, не раньше.

К шести утра Лера уже и наотмечалась, и навизжалась всласть, любуясь фейерверками, и наелась, и пострадала от лёгкого похмелья – третий бокал шампанского оказался лишним. Наверное, лучше пить водку или коньяк, как научал папа Петухова, только крепкий алкоголь она не переносила. Несколько раз убирала со стола и один раз прыгнула в бассейн, распарившись в бане. Из воды её выдернул папа, со смехом и шлепком по мягкому месту отправил обратно греться.

– Беги, замёрзший Маугли! Тощая, кости торчат! – Лера закатилась смехом от причитаний отца. Грозный начальник полиции, а ворчит, как старая бабка, пытаюсь засунуть внученьке лишний пирожок с картошкой.

– Не тощая, а стройная! – парировала она.

– Сиди, пока пар из ушей не пойдёт и чтоб на улицу без штанов и шапки не выходила. Стройная нашлась! – отчеканил отец, грозно зыркнув в спину убегающей дочери, натирая в это время полотенцем покрасневшие плечи, притопывая ногами в сланцах. – Ты как, Валюша? – переключился на спутницу.

– Отлично, – покрасневшая Валентина поправила лямки слитного купальника. Приятные округлости ладной, невысокой фигуры после более чем десяти лет знакомства приковывали взгляд строгого отца семейства. Она это знала и напропалую флиртowała.

К утру первого дня нового года Лера улизнула в дом, наскоро попрощавшись с друзьями отца, быстро загрузила посудомойку и решила – пора ложиться спать. Папа может праздновать до обеда. Его не берёт ни холод, ни алкоголь, ни усталость. Лера искренне восхищалась отцом, любила его, но угнаться за ритмом его жизни не могла, в отличие от Валентины, которая с энтузиазмом ныряла в бассейн после бани в любое время года, не морщилась, когда пила коньяк, и могла составить компанию в любом, самом безумном начинании Суздалева.

Конная прогулка через перевал? Запросто. Управление квадроциклом наравне с ним и приятелями-квадроциклистами? Легко. Отправиться в Сибирь среди зимы, чтобы проехать тучу километров на снегоходах? Всю жизнь мечтала! Валентина всегда была наравне с ним и отстаивала свои права и интересы жёстко и аргументированно.

Отец и Леру учил быть такой – самостоятельной боевой единицей. Уродилась она не робкого десятка, но в Сибирь на снегоходах?.. История на чёрной трассе учила не рисковать ради дозы адреналина, думать не только о своих ежесекундных желаниях. Наверное, по-настоящему осторожной она станет нескоро, а может никогда, но становилась понятна осмотрительность Игоря. Одна-единственная ошибка, ледяной нарост на склоне – и всё летит к чертям, порождая череду нелепиц, неразбериху, иногда трагедию.

Закуталась в одеяло, посмотрела на телефон. Игорь то появлялся в зоне доступа, то исчезал, о чём услужливо сообщали смс, после её попыток позвонить. Несколько сообщений от него, последний ответ Леры оставался непрочитанным. Может, спит? Сообщения от друзей-приятелей проигнорировала, проснётся, прочитает.

Сон не шёл, крутились мысли об Игоре, Лине, Лисе. Сорвавшихся совместных планах. Насколько она счастлива, что всё обошлось. Ревность обходила Леру стороной в то зябкое, новогоднее утро. Не отвечает, значит, не может.

– Лер, к тебе приехали, – услышала голос Петухова сквозь пелену незаметно

окутавшего крепкого сна. Родион барабанил по двери, будто пожар. – Лера! Валерия свет Валерьевна!

Она подскочила, с трудом соображая, что находится дома, в родной «детской» комнате, в дверь ломится Петухов, грозя зайти на счёт «три».

– Раз. Два. Три! – с этими словами Петухов распахнул дверь и уставился на Леру, та на него, потряхивая головой, пытаясь собраться мыслями. Так. Она дома. Здесь Петухов. Папа в бане... Она дома. А Игорь...

– Оденься, – услышала приказной тон Петухова, развернувшегося спиной к тарашившей глаза девушке в трусах и топе.

– Я у себя дома, вообще-то, – огрызнулась она. – Чего тебе?

– Приехали к тебе, говорю.

– Кто?

– Конь в пальто! Мужчина, предположительно тридцати трёх лет, рост выше среднего, атлетического телосложения, одет...

– Выключи полицейского, – прыснула Лера, швыряя в затылок долговязого попавшуюся под руку книгу в мягком переплёте.

– Умышленное причинение средней тяжести здоровью, не опасного для жизни человека...

– Статья сто двенадцать УК РФ. Сейчас приду!

Быстро оделась, растрёпанные волосыхватила резинкой, не смея поверить, даже надеяться, что приехал Игорь, рванула в баню. Это было бы слишком прекрасно! Больше некому, у Леры не так много знакомых «предположительно тридцати трёх лет». Алёшин Игорь и Артур – руководитель их команды в экологическом лагере на Байкале. Только Артуру здесь делать нечего, они даже не общались последнее время. Выходит, Игорь. Боязно поверить и следом разочароваться.

Лера влетела на веранду бани и замерла, не сводя взгляда с Игоря. Он расстегнул куртку, выглядывал ворот лонгслива, рука расслаблено лежала на столе, привлекая внимание привычными часами и браслетами.

– Нравится? – папа откинулся на стуле, оглядел взлохмаченную, покрасневшую дочь.

– Я люблю её, – спокойно ответил Игорь и подмигнул готовой провалиться в тот же миг Лере.

– Мы сейчас это обсудим, – Валерий Анатольевич важно кивнул, посмотрел на дочь: – Сообрази-ка нам Кровавую Мэри, дочка.

– Пап, утро!

– Самое время.

Время – так время. Поставила на стол коктейль «Кровавая Мэри» по версии Суздалева Валерия Анатольевича, поглядывая на приподнятые в удивлении брови Игоря. Три рюмки ледяной водки под тарелку горячего борща – альтернативный рецепт знаменитого напитка, да и завтрак спорный.

– Умница, – похвалил папа. – Теперь иди в дом.

– Я останусь.

– Лера, в дом иди, – отрезал папа.

– Иди, – мягко улыбнулся Игорь.

Пришлось уйти. На кухне Лера включила видео наблюдение, направила камеру на

террасу бани, уставилась в монитор. Звука не было, лишь изображение, по которому ничего не понятно. Сидят, разговаривают, пьют, закусывают. Вот Игорь снял куртку, откинул на стул. Вот вдвоём зашли в баню, Игорь прихрамывая. Вышли, отец в футболке и спортивных штанах, Игорь в майке и брюках. Отец разжёл мангал, который раз с прошедшей ночи, перенёс оставшуюся закуску из комнаты отдыха в бане – в основном соленья и маринады, – и поставил непечатую бутылку виски.

Через час из бани вышли уже в полотенцах, ещё через полчаса из дверей ныряли в бассейн, поднимая столбы брызг, и возвращались в помещение. Видимо, холод начал пробирать разгорячённые алкоголем организмы.

Петухов давно спал, растянувшись в гостиной на диване, оглушая дом начальника храпом, пытаясь укрыть длинное тело халатом Валентины, не найдя приемлемой альтернативы. Валентина сопела в спальне хозяина дома, а гости разбрелись до визита Игоря. Лера же не отводила глаз от монитора, борясь с желанием пойти и разогнать тёплую компанию.

С одной стороны, мужчинам необходимо поговорить, решить внутренние и внешние противоречия, конфликты. Меньше всего на свете Лера хотела, чтобы папа враждовал с Игорем, а тот отвечал взаимностью. С другой – она не одалиска в гареме султана, чтобы понуро опустив голову ждать, пока мужчины решат её судьбу. И, несмотря на то, что обоих мужчин она любит всем сердцем, силы, потраченные на изображение пай-девочки, стремительно заканчивались.

Лера привела себя в порядок, принарядилась, насколько уместно, и отправилась в баню.

– О! – её появление ознаменовал возглас папы. – А я говорил. Сейчас придёт и начнёт командовать. Всё почему? Потому что Суздалева!

– Пап, хватит, – она решительно забрала наполовину пустую литровую бутылку виски. – Спать иди.

– Командует, – растёкся большой начальник. – Как большая.

– Я сейчас Валентину позову.

– Стратег!

– Папа!

– Сядь, – появившиеся командные нотки в голосе отца дезориентировали. – К нему садись, не мнись, – махнул рукой на молчаливо улыбающегося, не сводящего взгляда с Леры Игоря.

Девушка присела рядом с Игорем, повела носом – непривычно чувствовать запах алкоголя от него, но аромат парфюма, свежести и пряности перебивал виски и дух берёзового веника из бани. Он, не церемонясь, обнял Леру, прижав к горячему боку, едва не вынудив замурлыкать. Несколько дней не видела, по ощущениям – целую вечность. Как же хотелось прижаться теснее, обнять двумя руками, уткнуться в грудь.

– Ты знаешь, что балтийских кольчатых нерп осталось в Финском заливе не больше двухсот особей? – вдруг сказал папа, обращаясь к Лере.

– Да, – она, конечно, знала. Балтийские кольчатые нерпы живут обособленно, не пересекаются с другими животными из Балтийского моря и находятся на грани вымирания. Негативное влияние человека на единственную среду их обитания – Финский залив – губит их.

– Занялась бы судьбой этой обособленной популяции. Ты видела несчастных котиков

нерпы, оказавшихся на грани жизни и смерти? Разве можно предпочесть его, – отец показал рукой на Игоря, – котика нерпы? Не узнаю свою дочь!

– Обещаем не оставаться безразличными к судьбе балтийской нерпы, – едва сдерживая смех, проговорил Игорь. Лера же и вовсе засмеялась в голос, всё-таки уткнувшись в Игоря. Такой счастливой она не чувствовала себя никогда. Минута концентрированного счастья, незамутнённого ничем. Просто счастье. Яркое, звенящее, прозрачное.

– Попытаться я был должен, – пробурчал Суздаев, поднялся и пошёл к выходу. – Хозяйничай, – кинул он Лере и вышел.

– О чём вы говорили?

– Торговались за калым.

– Перестань.

– Приданое?

– Игорь!

– Некоторые вещи мужчины оставляют между собой, хорошая моя, – он провёл большим пальцем по лицу Леры, очерчивая абрис, коснулся губ, медленно обвёл, заставляя приоткрыться и скользнуть языком по подушечке, ощущая папиллярный рисунок. – Иди ко мне, – он накрыл своими губами её, и весь остальной мир прекратил своё существование.

Она, прижатая к Игорю, чувствовала, как сильно бьётся сердце в мужской груди, заставляя отзываться в унисон. Тёплые руки гладили поясницу под футболкой, скользя пальцами по позвоночнику выше, между лопаток, и опускаясь вниз, к границе трусиков. Простые, приветственные движения сводили с ума. Понуждали лхнуть к мужскому телу, скользить ладонью под майку, оглаживать крепкий живот, дразнить у линии пояса, пробираясь пальцами под ремень и ниже, а потом скользить по крепкой грудной клетке. Гладила по рукам, чувствовала губами кожу, рецепторами языка – вкус, запах, тепло – всё, что сводило с ума, не давало мыслить, толкало дальше и дальше в своём желании быть с Игорем. Стать его. Здесь. Сейчас.

– Хорошая моя, – услышала она сдавленный стон перед самым умопомрачительным поцелуем в своей жизни, хотя, казалось, их были уже тысячи, миллионы, и все с одним мужчиной. Переплетение языков, губ, дыхания, тел сводило с ума. Заставляло громко стонать, сдёргивать нетерпеливыми движениями брюки с Игоря и с себя джинсы, как назло узкие.

– Тише, тише, – услышала Лера, как сквозь толщу воды, не до конца понимая, что слова обращены к ней. Она – похотливый комочек нервов, жаждущий, просящий, готовый отдать всё, что угодно, лишь бы здесь и сейчас почувствовать любовь мужчины рядом. – Лера, хорошая... – голос оборвался приглушённым стоном.

Мгновенно девушка сообразила, что усевшись верхом на откинувшегося на спинку дивана Игоря, задела повреждённое колено.

– Прости, прости, прости, – залепетала она. – Прости. Больно? Да? Я вызову врача! Сейчас, – схватила телефон, пытаясь сообразить, кому именно звонить.

– Утро, первое января, какой врач? – захохотал Игорь.

– Эй, ты в доме Суздаева! Надо будет – устроят парад медиков! Кто нужен? Травматолог, ортопед, ревматолог? – перечисляла по её мнению необходимых специалистов, не имея ни малейшего понятия, чем ортопед отличается от ревматолога. Не гинеколог же!

– Стоп, – резкий голос Игоря отрезвил. – Лера, у меня разрыв связок коленного сустава, возможно, понадобится операция. Возможно! – заткнул он почти вырвавшийся

вскрик ужаса Леры. – Сейчас мне не нужен врач, никакой.

– Но?

– Лера, сядь и успокойся. Да, колено доставляет неудобство, особенно когда красавицы пытаются его оседлать, но это не причина паниковать. Поняла меня?

– Поняла, – насупилась Лера. – Многие красавицы прыгают на твоём колене?

– Ты третья, – закатился смехом Игорь. Конечно, третья. Лиса, Лина и Суздалева Валерия, всеми своими ста семидесяти восьми сантиметрами!

– Прости, – ещё раз буркнула Лера, присаживаясь рядом с мужчиной, который протягивал руки, чтобы обхватить у талии, прижимал к себе и окутывал теплом и дыханием.

Прошло совсем немного времени, руки Игоря напряглись, Лера почувствовала знакомую настойчивость движений и опаляющее дыхание у губ. Она потянулась за поцелуем, в этот раз мягким, оглаживающим, деликатным. Мужчина будто первый раз обследовал рот Леры, ласкал язык языком, едва прикусывал губы, оставляя шлейф неудовлетворённости.

Лера скользнула поцелуями по скуле Игоря, покрытой суточной щетиной, жёсткой, колкой, получая несказанное удовольствие. Задрала футболку, опустила губами на грудь, выводя языком узоры, поочередно задевая соски, с наслаждением наблюдая, как напрягаются прокачанные мышцы живота. Прикусила кожу у пупка, опустила ниже, чувствуя жёсткую поросль волос, и расстегнула ремень с пуговицей на поясе почти одним движением.

Обхватила член сквозь бельё, провела несколько раз, с восхищением чувствуя напряжение с каждым движением руки. Потянула резинку белья вниз, оголяя то, что обхватывала ладонью. Игорь приподнял бёдра, помогая спустить брюки и трусы вниз. Лера посмотрела на член, будто впервые видела.

До этого момента она не единожды удовлетворяла его рукой. Несколько раз доводила до финала, обхватывая ствол, проводила по нему, легко сжимала в руках яички, скользя рукой дальше, по впадинке между ягодицами. Лера не была стеснительной или слишком робкой, много раз ласкала Игоря орально, получая истинное удовольствие, но всегда это было частью прелюдии, а не «основным блюдом». От и до.

Сейчас она решила это исправить. Почувствовала неясное волнение, подкатившее к горлу. Сердце заколотилось, как сумасшедшее, дыхание перехватило.

– Лера, ты не обязана. У меня разрыв связок на колене, я не смертель...

– Помолчи, пожалуйста! – отрезала Лера, с удивлением отмечая у себя твёрдые интонации Игоря.

– Понял, – мгновенно отозвался он, двинул ногами, чтобы брюки с бельём окончательно спустились по ногам, и устроился удобней, откинувшись на мягкую спинку дивана.

Лера никак не могла унять внутренней дрожи. Что это? Страх? Волнение? Переход отношений на следующий, пока непонятный Лере уровень? Другой пласт доверия?

Игорь, её Игорь, находился сейчас в доме её детства. В комнате для отдыха, куда она приносила еду отцу с друзьями. Где она сидела с подружками, попивая чай с травами после парилки, растопленной папой. Рядом с бассейном, где плюхалась, будучи школьницей, напротив газона, по которому носилась, играя с друзьями. Он был в её доме. Говорил с её отцом. Прилетел специально к ней. К ней! Её Игорь прилетел к ней! Вот такой. Уставший, с суточной щетиной, с травмированным по её вине коленом. К ней. Её!

Вряд ли Лера смогла бы разобраться в сумбуре в собственной голове и чувствах. Слишком сильный диапазон, не в обхват.

Проведя несколько раз по стволу члена, она огладила пальцем налитую головку, обхватила губами, чтобы сразу, без раздумий, опуститься настолько ниже, насколько смогла. Заглатывая максимально глубоко, как позволяли возможности. Едва попустила и снова втянула в себя, немного углубляя проникновение. И ещё раз. Ещё. Ещё. Сбиваясь, упрямо начиная снова.

– Лера? – услышала она приглушённый голос, подняла глаза, встречаясь с тёмным взглядом. – Смотри на меня, – она не отводила взгляда, как зверёк от хищника перед атакой. Твёрдый захват рукой затылка не дал бы повернуть голову, даже если бы она захотела. – Вдохни, – она вдохнула, почувствовала движение внутри глотки. – Успокойся. Тише. Дыши носом. Теперь вдохни ещё раз, – второй раз не был неожиданным, она приноровилась, третий и четвёртый прошёл значительно легче, а пятый толчок спровоцировала она, как и все последующие.

Несмотря на то, что мужская рука непривычно удерживала Леру, а двигался Игорь сам, буквально трахая её рот, она чувствовала власть над ним. Ни больше и ни меньше – власть! И ещё какое-то нереальное, невозможное, запредельное удовольствие от происходящего. Блаженство, уносящее за пределы гравитации и реальности.

Игорь почти выскользнул перед окончанием, но всё же результат Лера... проглотила. Плямкнула языком, не понимая, как относиться к непривычному вкусу. Схватила бокал с виски и растаявшим льдом, махнула одним глотком и затрясла головой в отвращении.

– Лер, – смеясь, Игорь протянул ей стакан с персиковым соком. – Хорошая моя, – он улыбнулся, как довольный котяра.

– Я только что впервые в жизни попробовала виски и сперму.

– И как?

– Ноль к десяти в пользу спермы!

– Приму за комплимент, – засмеялся Игорь. – Огурчик?

– Штаны надень, огурчик! Никакой в тебе романтики!

– Ты даже не представляешь, сколько во мне романтики.

И она узнала, сколько в Игоре Вячеславовиче романтики, когда они улетели в Питер и жили в его загородном доме все новогодние каникулы. Розы, свечи, музыка, танцы, эротические игры, поцелуи до утра, сидя на веранде, смотря в темноту питерской зимней ночи и на сверкающий снег под фонарями на лужайке перед домом.

Глава 22

Алёну лишили родительских прав сразу после развода, состоявшегося в январе. Игорь не посвящал Леру в процесс, она и сама не стремилась вникать в детали. Знала только, что не обошлось без всесильного Макара Степановича, заставившего одним звонком повернуться колеса неповоротливой судебной системы, не оставив бывшей Алёшиной и шанса на оправдание и решение в свою пользу.

Воспоминания о дне, когда Алёна забрала Лису и Лину, и о проведённой после этого ночи в опустевшем номере, врезавшиеся в память болезненной, размазанной кляксой, чувство беспомощности и вины, растекающееся по венам, как высокотоксичный газ циан, отдавая запахом миндаля и отчаяния, всякий раз доставляли боль.

Новость о том, что Алёна не биологическая мать девочек, обрадовала Леру. Она не

слишком задумывалась о генетической предрасположенности к алкоголизму или психопатии, подтверждённой специалистами у бывшей жены Игоря, но понимание того, что эта женщина не имеет отношения к детям, иррационально радовало. А может, в Лере говорила банальная ревность.

Лера переехала к Игорю после новогодних каникул. Мысль, что после почти двух недель взаимного блаженства в загородном доме Игоря, снова придётся жить отдельно, приводила в уныние, заранее нагоняя тоску.

Она всё понимала, ни на что не претендовала. Необходимо в первую очередь учитывать интересы девочек. Малышкам предстояло пройти небольшой курс терапии у детского психолога. Правда, Лидия Максимовна, с которой Игорь общался все каникулы по несколько раз в день, говорила, что сестрички прекрасно себя чувствуют. Не плачут по ночам, не капризничают по пустякам, идут на контакт, одним словом, ведут себя так, словно и не было инцидента с мамой и «тем дяденькой». Но Игорь настаивал на проработке ситуации, и Лера была с ним согласна.

Только здравый смысл – здоровым смыслом. А желание засыпать и просыпаться рядом с любимым человеком не задушить, сколько разумных доводов ни приводи. Всё решил Игорь. Единолично. Впрочем, скорее всего, он считал мысли Леры, так что, согласие получил заочно.

Зайдя с ней в съёмную квартиру, сразу по возвращению из пригорода, он поинтересовался, какие вещи необходимы Лере прямо сейчас, а какие можно будет перенести в течение ближайших дней. Опешила, но спорить не стала. Не об этом ли она мечтала?

Девочки восприняли нового человека на их площади благодушно. Настолько спокойно, что это немного пугало. А как же детская ревность? Обиды?

Утром они приходили в спальню к папе, заваливались поперёк кровати, норовя во сне столкнуть и Леру, и отца. После первой ночи в постели Игоря, Лера поняла, что сон в пижаме вовсе не мужская прихоть, а необходимость. И даже купила себе несколько вполне скромных трикотажных комплектов. Вот они и пригодились.

Потом дружно завтракали, в суете собирались по своим делам. Игорь подвозил Леру на работу, а девочек в детский сад доставлял водитель. Только к вечеру, а то и к ночи все снова оказывались под одной крышей, ужинали, делились событиями дня и укладывались спать.

Ничем не наполненная, но в то же время полная событий новая жизнь нравилась Лере, да и Игорь, не стесняясь, выражал своё счастье, особенно усердствуя ночами. Мысль о том, что с началом совместной жизни пыл мужчины остывает, не нашла подтверждения.

Лидия Максимовна отнеслась к переменам в жизни сына сдержанно, но от комментариев воздерживалась. Может быть, она высказывала недовольство Игорю, с Лерой же всегда держалась хоть и отстранённо, но приветливо. Довольно скоро девушка поняла – Лидия Максимовна не против новых отношений сына, просто человек такой – сдержанный в проявлении эмоций. Она по-прежнему приходила на выручку с внучками, а то и «отпускала молодых» на выходные побыть наедине, без двух пар любопытных синих глазёнок.

Тема о переводе статуса отношений в официальный не поднималась. Всем было ясно, вопрос этот решённый и обсуждению не подлежит. Лера не вздыхала, не просматривала каталоги свадебных платьев. Игорь не думал о том, где они проведут медовый месяц или неделю, что позволит график.

Однажды, ярким весенним днём, в апреле, когда хмурое, стальное небо вдруг стало

пронзительно синим, и лишь одно кучевое белое облако повисло над куполом Исаакиевского собора, Игорь сделал предложение Лере, а она ответила согласием.

В ресторане «Мансарда», на тех же самых местах, где они ужинали в первый раз. Совсем не верилось, что прошло чуть больше полугода, а мужчина, сразивший Леру настолько, что она готова была бездумно отдаться ему после первой встречи, встал на одно колено и немного театральным жестом протянул кольцо.

Лера обошлась бы и без ювелирного украшения, тем более за безумные деньги, но спорить не стала. Пискнула «да» и разрыдалась. От счастья ведь тоже плачут. Безумную ночь, последовавшую за предложением, Лера не забудет никогда в жизни.

Как и подарок, преподнесённый будущим мужем – поездка на Таловские болота, где Лера провела три дня в компании «товарищей по борьбе». Уставшие, замёрзшие, счастливые, они смотрели на результат своего многомесячного труда и радовались, как дети, появлению монгольского зуйка. Перелётным пернатым снова было где отдохнуть в долгом, нелёгком пути.

Когда Игорь объявил дочкам о предстоящей свадьбе, семейство Алёшиных познакомилось с детской ревностью. Спасибо детскому саду. Воодушевлённые Лиса и Лина рассказали о будущем торжестве, на котором они планировали получить в подарок ни больше, ни меньше, а енота, и на следующий день узнали от друзей слово «мачеха» и несколько других, не столь цензурных выражений.

Игорь устроил разнос заведующей частного сада, не имеющей отношения к злым языкам некоторых родителей. Атмосферу в детском коллективе удалось быстро нормализовать. Детям устроили праздник в честь свадьбы папы сестричек Алёшиных. С аниматорами, воздушными шарами, сладостями, конкурсами и раздачей призов. Негативный шлейф среди детей рассеялся, очень скоро большинство малышей мечтало о свадьбе родителей и завидовало сестричкам, а вот дома начался небольшой Армагеддон.

Если Лиса, похмурившись два дня и несколько раз уточнив, превратится ли Лера в злую мачеху, удостоверившись в неизменности папиной любви, успокоилась и зажила своими, детскими заботами, то Лина ревновала. Ревновала папу к Лере, Леру к папе, Лису к папе и Лере одновременно. Обижалась, дулась, плакала. Отказывалась ходить в садик, на некогда любимые дополнительные занятия и даже на борьбу, чем окончательно ввергла Игоря в отчаяние. Спортивное самбо было любимейшим занятием малышки, а тренер – непререкаемым авторитетом и безусловным фаворитом. Если даже ему не удавалось отвлечь Лину, то дело действительно серьёзное.

Помог сменённый детский психолог, нашедший связь детского бунта и выходки Алёны. И бережное, буквально «на цыпочках» обращение Леры. Откуда девушка узнала, как общаться с шестилетней ревнующей девочкой? Она отлично помнила себя, ревновавшую папу, и то, как вела себя Валентина. Советы последней приходились очень кстати.

Так, мало-помалу, они возвращались в привычный ритм жизни. Девочки половину лета провели в загородном доме Игоря с папой, Лерой и няней, а вторую – на даче с бабушкой, куда каждые выходные приезжали Игорь и Лера. Они жарили зефир на костре, навещали енота, совершали длительные велосипедные прогулки и ходили купаться на карьер. Ощущение неизменной стабильности делало своё дело, и Лина снова превращалась в беззаботную, счастливую девочку, с огромными, прямо-таки грандиозными планами на жизнь. Выйти замуж за императора и победить в олимпиаде. Тот факт, что ныне действующих императоров можно пересчитать по пальцам одной руки, а самбо не

олимпийский вид спорта, обладательницу синих глаз не останавливал.

В сентябре девочки пошли в первый класс частной школы. Лера, несколько не лукавя, могла сказать, что Лиса и Лина – самые красивые первоклашки во всём городе, а то и на планете. Аккуратная школьная форма с эмблемой, синие, огромные глаза, и волосы, заплетённые приглашённым парикмахером. Раз Лере полагался свадебный стилист, было логично, что девочкам нужен «школьный».

В подготовке свадьбы Лина принимала самое активное участие – в выборе аксессуаров к платью, букета невесты и направления свадебного путешествия. То, что папа отправится без неё и Лисы, воспринималось малышкой, как должное.

Правда, слова: «Вам же надо будет заниматься любовью, а мы будем мешать!» повергли Игоря в шок. Лера всерьёз подумала, что психолог понадобится уже ему. Благо, он быстро собрался и мужественно согласился, что да, надо будет заниматься... любовью. Ну, раз уж они с Лерой женятся. Видимо, придётся. Но во всех остальных случаях ни Лина, ни Лиса мешать не будут. Никогда в жизни. Ни за что!

Лера хотела камерную свадьбу в маленьком ресторанчике в Коломне, но количество приглашённых перевалило за цифру, которую способны принять уютные ресторанчики. Пришлось искать альтернативные варианты.

Остановились на вполне уютном, с налётом фешенебельности месте в парадном центре Петербурга. От празднования в одном из дворцов – с балом и каретой – Лера категорически отказалась. Конечно, в струящемся платье, подчёркивающем стройность стана и длину ног, она чувствовала себя даже не принцессой, а королевой, а если отдавать дань исторической действительности – великой княжной, но не настолько, чтобы кружиться в полонезе в огромном бальном зале в стиле барокко среди бесчисленных зеркал и позолоты.

Они прошли обязательную программу петербургских молодожёнов. Побывали на Мало-Конюшенном мосту, Театральном – так называемое Троемостье, Ново-Конюшенном мосту около Спаса-на-Крови. Цветной купол Спаса-на-Крови выделялся ярким пятном на фоне сероватого неба, пронизанного редкими для Петербурга перьевыми облаками, схожими с боа. Ветер норовил забраться под подол длинного платья, Лера придерживала скользящую ткань, а Игорь прикрывал девичью спину в тончайшем кружеве от пронизывающих порывов.

Молодожёны выпустили голубей и воздушные шары на Стрелке Васильевского острова. Целовались, проезжая мосты. Оставили замок с именами на Поцелуевом мосту и там же целовались, а на них немного снисходительно поглядывала река Мойка.

Подержались за большой палец Атланта у Зимнего дворца. Пили шампанское возле Сфинксов, доверив финансовое благополучие семьи одному из них. Любовались на полноводный, размеренный бег отливающей сталью Невы, а потом написали желание, положили в бутылку и бросили в воду.

Лера, было, возмутилась варварской традицией – эколог внутри неё содрогался от такого вандализма, но Игорь очень убедительно заявил, что с городом в таких вещах не спорят, и невеста пошла у него на поводу. Она давно заметила – Игорь говорит о Петербурге как о думающем существе. Некой сущности со своей душой, сердцем, повадками, характером, и ей безумно хотелось, чтобы сущность города на Неве приняла её.

К тому моменту, когда они добрались в ресторан, Лера устала и была голодна, как рота гвардейцев кардинала, вернее, если отдать должное исторической аналогии, кавалергардского полка. Да и девчонки вымотались настолько, что Игорь нёс обеих на руках.

Прогулка по свадебным местам не могла состояться без наряженных Лисы и Лины –

самых активных участниц свадебной церемонии.

К слову, енота девочкам не подарили, зато рыжий беспородный котёнок, выбранный Лерой в приюте для бездомных животных, моментально стал любимцем сестричек. Разве может сравниться какой-то енот с рыжим котёнком по имени Рыжуля? Рыжуля оказался мальчиком, Лина проигнорировала правила русского языка, а Лиса поддержала.

Естественно, приехал папа. До этого он приезжал к дочери два раза под благовидными предлогами, но все понимали – это инспекция. На свадьбе Валерий Анатольевич был с Валентиной. Он так растрогался, что сделал предложение руки и сердца своей боевой подруге, та от неожиданности согласилась. А может, это был стратегический ход? Попробуй, откажи бравому красавцу, если предложение сделано в микрофон на виду сотен глаз. Сразу после уверенно сказанного «Да!» Валентина подскочила к Лере с вопросом, как всё-таки называется приправа, которую ни в коем случае нельзя добавлять в борщ.

– Поймал-таки, индюк самодовольный, – причитала подозрительно счастливая для собственных недовольных причитаний Валентина.

Свидетелем со стороны жениха был Шиманов, а со стороны Леры – Маруся, всё ещё питавшая нежные чувства к пипочке, пузику и прочим органам Витюши Геннадьевича. Лера сомневалась, стоит ли приглашать Марусю. Любому было видно – девушка не вызывает никакого интереса у Виктора Геннадьевича, и понятно, что не вызовет.

Домашняя утка не пара павлину. Взгляд побитого щенка сыграл роль, Лера согласилась.

Шиманов пришёл не один, а со спутницей, в которой Лера узнала рыжую красавицу с фотографии с горнолыжного курорта. Правда, девушка стала жгучей брюнеткой с чувственными губами, покрытыми слоем алой помады. Виктор глаз не сводил с красавицы, не отходил от неё ни на шаг, полностью игнорируя пышные прелести Маруси.

Громоотвода в виде Сидоркина Олега не было, он отказался идти на свадьбу Алёшиных, Лера не стала настаивать. Подозревала, что причиной отказа послужила рачительность: свадьба у человека уровня Алёшина Игоря Вячеславовича – мероприятие, не рассчитанное на бюджет системного администратора. Не такими уж и друзьями они были с Олегом, чтобы переживать из-за его отсутствия. И ставить парня в неловкое положение не хотелось абсолютно. Без подарка, одетым в демократичный кэжуал, в царстве селективной парфюмерии и костюмов модных брендов мало кто сможет чувствовать себя уверенно.

Маруся едва не ревела, разглядывая спутницу Шиманова. Лере было искренне жаль неунывающую толстушку. Сколько можно мечтать о несбыточном? Чувства не поддаются разуму, сердцу не указать, кого любить, а кого не стоит...

Но не пора ли Марусе оглянуться вокруг, увидеть того, кто оценит её по достоинству? Со всеми теми недостатками, которые она приписывала себе, смотря на невысокую, худую брюнетку, обтянутую платьем так, что никто не сомневался – под тканью безупречная фигура, облачённая в дизайнерское бельё.

Лера с Игорем уехали с собственного торжества раньше всех. Их ждал водитель с заранее собранными чемоданами в багажнике и целый месяц на тропическом острове. Где будут только он, она, океан, чистейший песок... И жаркие, страстные ночи в объятиях друг друга.

Отступление:

Вернувшись в город, встретивший привычными порывами ветра и вереницей

ежедневных проблем, выйдя на работу, к которой, кажется, почти привыкла, Лера узнала новость.

Маруся станет мамой. Всего-то через восемь месяцев. К тому времени она планирует взять фамилию Петухова и уехать жить к Родиону. Будущая свекровь глотает валидол, а Родионушка не горит энтузиазмом прослыть честным человеком после небольшого приключения в Питере на свадьбе дочери непосредственного начальника.

Но зато у Маруси будет ребёночек. Свой собственный. Виктор Родионович Петухов!

Эпилог

Лера почти подъехала к дому, в мечтах она уже схватила купальник и отправлялась на озеро, то самое, где семь лет назад познакомилась с Игорем, а через год стала его женой. Конец июля не был жарким, можно обойтись и без брызганья в воде, но голова, казалось, взорвётся. Последний день перед отпуском выжал остатки сил. Казалось, озёрная вода смоет налёт усталости и Лера, наконец, вздохнёт полной грудью.

Мечты безапелляционно прервал звонок. Сидоркин Олег. Дадут ей спокойно уехать в отпуск или нет?!

– Да, Олег, – она сдержала раздражение. В том, что она работала без отпуска целый год, порой игнорируя выходные, виновата только она, уж точно не руководитель IT-отдела мебельного производства.

– Привет. Всё сделали, всё настроили, работу принимать будешь?

– Давай, кто-нибудь другой, – Лера поморщилась. – Обещал завтра, вот завтра и покажешь всё Катерине, расскажешь. А я в отпуске.

– Как скажешь, – Лера буквально увидела, как он встряхнул чернявыми кудрями, и как засияла широкая улыбка Олега.

Уже три года Лера возглавляла благотворительный фонд по защите и охране окружающей среды. Путь к решению был долгим и непростым. Ещё сложнее оказалась сама деятельность, являющаяся, по сути, сложным коммерческим предприятием со штатом юристов, экономистов и специалистов самого разного профиля. От экологов до орнитологов.

При всей усталости и нервной, изматывающей деятельности, Лера чувствовала, что наконец-то нащупала ниточку реальной, действующей поддержки окружающей среде. Митинги, пикеты и юношеские протесты остались в прошлом, пришло понимание, что из хаоса рождается только хаос. Для эффективной деятельности необходима система.

Сидоркин Олег до последнего года работал в строительной компании, откуда Лера уволилась через несколько месяцев после свадьбы, примерив на себя роль домохозяйки, с которой, впрочем, справлялась с трудом. Деятельной натуре стало невыносимо заниматься лишь домом и детьми. Постепенно она начала обрастать знакомствами, связями в интересующей её области, трудилась волонтером, специалистом, обучалась, пока не пришла к сегодняшней деятельности.

А вот Олега всё устраивало. И заработная плата, и незначительный, но уверенный карьерный рост. Всё закончилось, когда Шиманов ушёл со своей должности, найдя место сытнее, получив приставку «топ» к слову «менеджер». Новая метла, естественно, метёт по-новому, почти весь «шимановский» отдел был уволен в течение месяца.

Лера с Олегом продолжали общаться на приятельской ноте. Близки не были, но и чужаками не становились. Чаще общение стало происходить, когда Лера открывала офис фонда. Мальчишки-студенты, пришедшие для установки программного обеспечения,

наворотили такого, что вся система зависла на несколько дней. В панике Лера позвонила Сидоркину, который, как по мановению волшебной палочки, всё починил, настроил, включил. Олег стал внештатным работником фонда.

Оставшись без работы, он не преминул обратиться к Лере, и, по стечению обстоятельств, нашлось хорошее место у Игоря. О том, что когда-то чернявый выходец Ставрополя имел виды на Леру, все забыли, так что трудился Сидоркин на двух фронтах. Благотворительный фонд и мебельное производство. Деньги Сидоркину были необходимы, совсем недавно он женился, молодая семья ждала пополнения.

Спустя несколько минут ворота открылись, красная Ауди аккуратно припарковалась в гараже, втиснувшись между БМВ Игоря и Мерседесом папы. Не зря папа учил восемнадцатилетнюю девчонку справляться с механической коробкой передач, сейчас эта девчонка, в свои двадцать девять лет, может сделать за рулём почти любого мужчину.

Папа ожидаемо был во дворе, возле просторной беседки, построенной лет пять назад специально для таких вот случаев: в гостях все-все-все знакомые и друзья Кролика. Рядом с беседкой красовался монстрообразный мангал, не вписывающийся в скандинавский стиль участка, дома и подсобных помещений. Здоровенного уroda притащил папа лично, заявив, что готовить шашлык в барбекю-печи – удел рафинированных смолянок, ни Суздальевы, ни Алёшины такими не были.

Суздалева Валерия Анатольевича перевели в Подмоскowie с повышением в звании, должности и зарплате. Лера, конечно, была рада за папу, вот только от Питера до Москвы каких-то семьсот километров, на Сапсане вовсе четыре часа пути. Родителя Лера любила горячо и искренне, но иногда хотелось любить горячее – тысяч на пять километров.

Скрашивала приезды-инспекции папы Валентина, так и не научившаяся готовить, к слову. Раз в неделю она стояла с понурой головой, изо всех сил изображая раскаяние, кивая на возмущения мужа, пока он сам готовил борщ, естественно, нарезаая картофель ровными кубиками. Лера с нетерпением ждала, когда папа начнёт учить жену печь чебуреки и фаршировать щуку. Валерий был свято убеждён в своих педагогических способностях и, что ещё важнее, верил в потенциал Валентины на кулинарном поприще.

На кухне пили чай Валентина и Лидия Максимовна. Пожалуй, самое невероятное, что случилось в их семье – это дружба Валентины и Лидии Максимовны. Женщин, невероятно разных по темпераменту, вкусу, взглядам на жизнь. Каждый приезд Валентины заканчивался совместным походом дам в театр и набегом на торговый центр в поисках обновок.

– А девочки где? – кивнув вместо приветствия, спросила Лера.

– На озеро пошли, – сияя улыбкой, ответила Валентина.

– Что значит «на озеро»?

Можно себе представить «радость» Игоря. На занятия девчонок по-прежнему возил водитель, сопровождала «няня» или Лидия Максимовна. Лера была согласна с позицией мужа. Самостоятельности они успеют научиться, город большой, небезопасный, да и кто знает, что стукнет в голову тринадцатилетнему подростку. Уж Лера это отчётливо понимала, правда, Игорю о своих подвигах не рассказывала, берегла нервную систему мужчины.

– Без паники, – засмеялась Валентина. – На озеро приехали их друзья, подружки, тренер... как его? – она вопросительно посмотрела на Лидию Максимовну. – Позвонили девчонкам, они рванули.

– Даниил Михайлович, – подсказала Лидия Максимовна имя тренера.

– Внеочередная встреча с педагогическим составом, в общем!

– Не понимаю, Лина только вернулась со сборов, четыре дня прошло, когда успела соскучиться?!

– Они дружат с самого детства, – заступилась Лера за Лину и заодно Лису. – Не на нас же им смотреть, в самом деле, – она улыбнулась и отправилась к себе.

Заодно наденет купальник, накинёт подходящее платье и прихватит полотенце. Надо сходить на озеро... Искупаться, конечно же. Только искупаться! Лера ведь так и собиралась, когда подъезжала к дому. Только одним глазком посмотрит, как там девочки, с кем, чем занимаются.

Папа ожидаемо разводил огонь в мангале. Время к ужину.

– Снова шашлыки? – скорее дежурно поинтересовалась Лера, подставляя лоб под отцовский поцелуй.

– Угу, – кивнул Валерий Анатольевич, крайне довольный собой.

– Я так потолстею!

– Где? Тошная, кости торчат!

Лера засмеялась. В такие минуты папа становился похожим на причитающую над худобой внучки бабушку. Всем бы такую тощую фигуру. Со времени свадьбы Лера прибавила, дай бог, один килограмм, зато полностью избавилась от угловатости, свойственной худым высоким людям. Она уверилась в собственной привлекательности на все сто процентов, ведь дарил ей эту безусловную уверенность Игорь.

Девочек увидела сразу. Как не увидеть ультра-розовую, с вкраплениями синих прядей, топорщащуюся во все стороны причёску Лины. Полгода назад она обрезала и начала красить в самые немыслимые цвета волосы, повергая в состояние временного психоза отца. Благо, краска смывающаяся, и на рискованные эксперименты Лина шла не чаще раза в месяц. За шесть месяцев Алёшины наблюдали все оттенки радуги на голове девочки.

Лина росла решительной, с титановым стержнем внутри. Трудно сказать, повлиял ли на девочку спорт или наоборот, она прижилась и достигла успехов в борьбе благодаря своему характеру, но в том, что Алину ждёт огромный успех, не сомневался никто. Ни родители, ни тренер, ни сама Лина.

После ухода по возрасту из группы спортивного самбо от самого любимого, обожаемого, распрекрасного, расчудесного и миллион других эпитетов тренера, Лина перешла в группу дзюдо. Сейчас девочка входила в сборную города, стабильно одерживала победы на региональных, Российских и международных соревнованиях. Руководитель спортивной школы, где тренировалась Лина, уже заикался Игорю о юниорском составе сборной страны – дело времени.

Лина стояла в окружении мальчишек – почти все ровесники и воспитанники спортивной школы. Они действительно только-только вернулись со спортивных сборов в Подмосковье, через три дня должны были отправиться на спортивную базу от школы, на этот раз со своими «родными» тренерами. Тринадцати-пятнадцатилетних мальчишек родители спокойно отпускали по городу и даже в пригород. Сегодня они решили скоротать время на озере, благо, погода позволяла. А заодно – решить архиважные организационные детали, которых, Лера уверена, хватает в тринадцатилетнем возрасте. В иных вопросах родителям не доверяешь! Святое право любого подростка.

Рядом с компанией стоял тренер Лины Григорий Валентинович, мужчина лет пятидесяти пяти, невысокий, полноватый, производивший обманчивое впечатление добряка. Он отчитывал одного из парнишек, кажется, того звали Тёмыч, он занимался самбо, его Лера

помнила с самых первых соревнований, на которых побывала у сестричек Алёшиных.

Рядом, смотря на озёрную гладь сквозь отчитывающего тренера, стоял парень. Тот самый Даниил Михайлович. Племянник руководителя спортивной школы и приятеля Игоря. Двадцатилетнего Даниила Лера видела несколько раз. Сейчас он учился в университете, параллельно тренируясь в сборной по дзюдо и работая тренером у родного дяди. Неоднократный победитель международных соревнований. Без пяти минут олимпийский чемпион. Да и просто – красивый парень, любимец девушек с вдумчивым, серьёзным взглядом карих глаз, широким размахом плеч и обворожительной улыбкой. Сколько же сердец разобьёт этот Даниил Михайлович за свою жизнь...

Кстати, о разбитых девичьих сердцах. Лера перевела взгляд на присевшую на поваленное, отполированное дождями и временем бревно Лису. По мере роста сестричек разница между ними становилась заметнее. В характере, манерах, поведении, теперь и внешности. Лиса против своей сестры смотрелась былинкой. Прозрачным, пушистым одуванчиком. Пушащиеся волосы до плеч и огромные глаза дополняли образ.

Лиса перестала ходить на борьбу в тот же год, когда Лина перешла на дзюдо. Ко всеобщему удивлению и несказанной радости Лидии Максимовны, она выказала желание заниматься музыкой, попросив записать её в музыкальную школу. Сначала по классу пианино, а потом скрипки.

Выдающимся талантом Лиса не обладала, мировая известность не стояла на пороге её жизни, но удовольствие, получаемое девочкой, появившаяся самодостаточность, индивидуальное мироощущение, которое не могла постигнуть Лера, но интуитивно чувствовал Игорь, производили неизгладимое впечатление на окружающих.

Не говоря об общем образе девочки-былинки со скрипочкой в руках. Даже Лере хотелось аплодировать стоя полупрозрачному человечку на сцене, а потом укутать своей заботой, спрятав от всех невзгод. Прибавьте к образу мелодичный голос, плавные движения и будто мистический, потусторонний взгляд – и вы получите всеобщую любимицу не только одноклассников, учителей, педагогов, но и мальчишек из спортивной школы Лины. Только такое, немного взвешенное существо, как Лиса, не смогла испортить всеобъемлющая любовь окружающих.

Сейчас этот одуванчик с тонкими, трепетными пальчиками, не сводил синего взгляда с Даниила Михайловича.

Даниил не замечал влюблённых взглядов тринадцатилетней девочки, а если и видел, то отлично притворялся незрячим, обходя тихую малышку по кривой дуге. Порой он фамильярничал с Линой, видя в ней «свою», но Лису... Лису он в упор не замечал.

Они познакомились в прошлом году, вернее, сестрички видели сына приятеля папы на совместных праздниках, но не помнили этого. Слишком большая разница в возрасте и интересах. Позже Лина общалась с Даниилом. Он занимался в том же клубе, тренировал малышей, иногда давал мастер-классы самой Лине, делился опытом по просьбе Григория Валентиновича. Старший товарищ, интересный лишь с точки зрения получения спортивного опыта и рассказов о соревнованиях.

Лиса же в прошлом году отправилась на межклубные соревнования к сестре, после они планировали посидеть с мальчишками в Макдональдсе напротив спортивного клуба, отметить колой и бургером победы и поражения. Лера сопровождала сестричек, дав клятву смиренно сидеть в машине, пока молодёжь «гуляет и празднует». В тот день и произошла «роковая» встреча.

Лина толкалась среди таких же взмыленных спортсменов, ожидая результатов. Руководитель клуба похвалил всех ребят, поблагодарил родителей за участие в жизни клуба и за всеобъемлющую поддержку, а Даниил Михайлович объявлял победителей, раздавал медали, грамоты и кубки.

Когда Лина хвасталась очередным кубком Лере и сестре, Даниил Михайлович подошёл, чтобы поздравить девочку отдельно. Выразить надежду на дальнейшие победы и просто по-человечески похвалить, порадоваться за спортсменку.

– Привет, Лиса, – он улыбнулся открывшей рот в удивлении Алисе. – Не помнишь меня?

– Нет, – промямлила девчушка.

– Как же, в музыкалке на одном концерте выступали. Правда, ты в первом классе, а я в выпускном.

– Вы музыкант? – Лиса скептически оглядела тренера в футболке спортивного клуба.

– Не, я спортсмен, но нельзя просто родиться в нашей семье и не закончить музыкальную школу, – парень засмеялся. – Класс скрипки, как и у тебя. – Он кивнул на лежащий рядом футляр со скрипкой.

– Сыграете? – дерзко кинула Лина.

– Алёшина, ты мне не веришь?

– Нет!

– Можно? – Даниил спросил Лису, мягко улыбаясь.

– Да, – вконец растерялась девчушка.

Скрипочка была не с руки высокому парню, он кое-как пристроил инструмент в руке, закрыл глаза и провёл смычком по струнам, издавая жалобный стон, а потом и вывел первые ноты, погрузая зал в волшебство льющихся звуков.

– Скорик. Мелодия, – прошептала Лиса, забирая скрипку.

– Молодец, – похвалил Даниил и ушёл, бросая взгляд победителя на моргающую, в удивлении отрывшую рот Лину.

С тех пор Лиса не пропускала ни одного соревнования сестры, даже те, где заведомо не будет Даниила Михайловича. И не сводила с двадцатилетнего парня глаз, ловя каждый жест или нечаянный взгляд в свою сторону.

Этим летом она вознамерилась ехать на спортивную базу с сестрой, вызвав шквал закономерных вопросов у папы и непомерное удивление бабушки. Оба потом пытали Леру, но она стойко хранила секрет былиночки, в ожидании, когда Лиса перерастёт своё увлечение, как переросла книги Муни Витчер.

От поездки отговорил Игорь.

– Алиса, ты взрослый человек, должна понимать – тренеры и педагоги несут юридическую и моральную ответственность за воспитанников. Ты музыкант, не спортсменка, тебе необходим отличный от всего лагеря режим занятий. Понимаешь, как много необоснованных трудностей ты создашь людям?

Лиса согласилась. Лина отправится на спортивную базу, а Лиса сначала с бабушкой в Европу, а потом к дедушке Валере в Подмосковье.

Валерий Анатольевич удивительно быстро нашёл общий язык с малышками. Их подкупили поездки на квадроцикле, «походы» с ночёвкой на берегу горной реки и позволение ложиться спать не только в десять, но и в одиннадцать вечера. Поездка же в Сибирь, на «настоящую рыбалку» в подарок на десятилетие, стала завершающим аккордом.

Как не полюбить такого замечательного дедушку?

– О чём мечтаешь? – вывел из задумчивости голос Игоря.

Лера засияла как новогодняя ёлка, обернулась и тут же прильнула к любимым губам. Всего лишь день не виделись, а ощущение, что целый год. Казалось, что сильнее любить человека невозможно, но год от года Лера любила всё сильнее и сильнее. Любовь перетекала из одного состояния в другое, трансформировалась, обростала нюансами, полутонами, оттенками, но абсолютно точно не исчезала. На её счастье, чувство было взаимным.

– Искупаться хотела, – Лера показала на полотенце в руках.

– Я так и подумал, – Игорь чмокнул жену в нос и улыбнулся. По приезду с работы он успел зайти домой. Не найдя «своих девчонок», переделся в пляжные шорты, взял полотенце и отправился составить компанию жене и дочерям.

Лина с Лисой ожидаемо сделали вид, что папу с Лерой в упор не видят, продолжили общаться с приятелями и друзьями. Пришлось идти купаться без них. Вода была теплее, чем воздух. Совершенно не было желания выбираться на берег. Хотелось нежиться в озере температуры парного молока и в деликатных объятиях мужа – любопытные синие взгляды нет-нет, а вспоминали о родителях.

Обратно шли медленно. Игорь придерживал Леру за талию привычным, немного собственническим жестом, Лера держала руку на его поясице, так же не отказывая себе в демонстрации всему миру, чей до одури привлекательный мужчина идёт с ней в ногу.

Впереди, оживлённо беседуя, топали девочки. Лина выше, крепче, и как всегда, немного впереди. Лиса отставала на шаг, задумчиво поглядывая на носки цветастых кед. Яркая майка-«разлетайка», не менее яркий топик внизу, светлые шортики, ужас колориста на голове – и нарочито простенький сарафан из вискозы, пушистое каре, едва прикрывающее шею, и пара собственноручно сплетённых фенечек на запястье.

– Не знаешь, что с Лисой? – хмурясь, спросил Игорь. – Задумчивая какая-то, грустная. Её кто-то обидел?

– Нет, а что с ней? Всё хорошо, – она соврала, не моргнув глазом, честно смотря на мужа. Пришлось. Разговоры ничего не изменят, а лезть в тонкую, закрытую на сотни замков душу одуванчика не стоит.

– Значит, показалось. Слушай, ты видела постер в комнате Лины этого якобы певца, которого она слушает целыми днями? Лицо в татуировках, шрамы через всё тело... Посланник ада на земле, честное слово.

– Лине не скажи, – рассмеялась Лера.

– Не стой на пути у высоких чувств? – усмехнулся озадаченный вкусом собственной дочери папаша.

– Тебе жалко, что ли? – Лера ткнула пальцем под рёбра Игоря, тот поморщился, попытался увернуться. Не тут-то было. – Они Грэмми взяли три года назад, между прочим. Парень в Аргентине живёт, и вообще гей, у бедолаги нет ни единого шанса стать твоим зятем.

– Успокоила, – пришлось снова уклониться от тычка пальцев. – Лина! – вдруг окрикнул Игорь. – Иди-ка сюда!

– Что? – Лина подошла, недовольно зыркнула на отца.

– Это у тебя что такое? – он развернул девочку к себе спиной и заглянул под разлетайку со спины. – Что это такое, я спрашиваю?

– Па! – послышалось возмущённое, только что ногой не топнула.

– Я внимательно тебя слушаю, – одним движением он поставил дочку перед собой, удерживая взглядом возмущённый блеск глаз. – Слушаю.

– Машка мне татуировку чёрной хной нарисовала.

Маша – соседская девочка, ровесница сестричек, неизменная подружка не только в пригороде, но и в городе.

– На всю спину?

– На всю!

– Отлично. Маша сама нарисовала? Хну где взяла?

– В интернет-магазине купила.

– О возможной аллергической реакции ни одна из вас не подумала? О качестве так называемой «хны»?

– Какой же ты зануда, папа!

– Папа не зануда, мы заботимся о вашем с Лисой здоровье, – вступилась за мужа Лера.

Вообще-то, причин для паники она не видела. Хна для мехенди не вызывает раздражения, тем более, Лина не страдала от аллергии, но в сомнительном магазине могли подсунуть токсичный краситель вместо натуральной хны.

– Может, вам пора начать заботиться о своём ребёнке? – с горячностью выпалила Лина, сверля непонятливого отца взглядом. Что может случиться от рисунка на спине? Не маркером же рисовать, как малышня.

– Ты и есть ребёнок, – одёрнул дочку Игорь.

– Своём собственном ребёнке! Родите себе ребёночка и заботьтесь о нём, сколько влезет! А мы с Лисой не дети! Лиса?! – рассерженная Лина призвала на помощь сестру, требуя активного участия в защите угнетаемого населения. – Лиса?!

– Я бы хотела брата, – деликатно ушла от ответа Лиса. – Но о таких вещах не спрашивают и не говорят. Это личное дело пары... – она покосилась на папу, кинула недоверчивый взгляд на сестру и поспешила отойти в сторону, подальше от эпицентра надвигающегося конфликта.

Лина поспешила за сестрой, размахивая на ходу руками, пиная в раздражении песок. Возмущению девочки не было предела. Она их свободу и гражданские права отстаивает, а сестричка деликатничает. Где это видано?! Где это слыхано?! Как это называется?! И когда закончится?!

Игорь замедлил шаг, давая дочкам скрыться за калиткой дома.

– Что ты об этом думаешь? – спросил он тихо.

Лера поняла, о чём спрашивает муж. Ребёнок... Совместный ребёнок. Игорь никогда не настаивал, но и не возражал, а вот Лера первые годы не хотела слышать о совместных детях. Не чувствовала в себе потребности становиться матерью. К Лине и Лисе она относилась с искренней любовью и привязанностью, но воспринимала их как младших сестёр, а не как собственных дочерей, и они смотрели на Леру, как на старшую подругу.

В последний год что-то изменилось... Видимо, время пришло.

Лера всё чаще задумывалась о рождении ребёнка, вспоминала про свой возраст, возраст мужа. Поглядывала на детские площадки со спящими малышами, на коляски, то и дело натыкалась на беременных на улице, ловя себя на мысли, что хочет так же: неспешно идти, переваливаясь как уточка, катить впереди себя коляску, проводить часы на игровой площадке. Выбрать кроватку, балдахин к ней и развивающие игрушки для младенцев.

Что дети – не пластиковые пупсы в праздничных одёжках, она отлично понимала, как и то, что вряд ли сможет уделять всё своё время ребёнку. Работу в фонде она надолго оставить не сможет, домохозяйка из неё не выйдет. Но желание становилось навязчивым, приобретая почти осязаемые черты.

После нового года Лера поговорила с Игорем. Вместе они сходили на консультацию к специалисту, который не нашёл никаких причин откладывать беременность, раз уж пара созрела. Они были полностью здоровы и готовы к продолжению рода «хоть завтра». Лера покончила с контрацепцией, но всё как-то не решалась на ответственный шаг, а Игорь ждал её осознанного желания, полной готовности. Пока же они пользовались старым, добрым, раздражающим обоих латексом.

– Думаю, стоит попробовать, – она прикусила губу и вдруг заробела, как девчонка перед первым поцелуем.

– Я люблю тебя, – просто сказал Игорь. – Всё получится, обещаю тебе.

Дом встретил суматохой, накрытым столом в беседке, запахом шашлыка и овощей на гриле, от которых потянуло под ложечкой, закружилась голова. Валерий Анатольевич снимал по одному большому шампуру с увесистыми кусками мяса и передавал Валентине, та несла добычу, как стяг, и укладывала на большое керамическое блюдо в центре стола. Лидия Максимовна расставляла последние приборы, а девочки, забыв разногласия, носились из кухни в беседку и обратно, принося тарелки с закусками, зеленью, салатами.

За ужином желали хорошего отдыха Игорю с Лерой, лёгкого полёта и много впечатлений. Мексика – не ближний свет. Чете Алёшиных захотелось новых впечатлений, решение «изменить» юго-восточной Азии и европейским горнолыжным курортам пришло одновременно, выбор пал на страну ацтеков и загадочного племени майя.

Потом дружно планировали совместный отдых в последнюю неделю августа на побережье. Дом детства Леры отец оставил в качестве общей семейной базы отдыха. Валерий, как обычно, ратовал за поход в горы, Валентина истово соглашалась, Лидия Максимовна скептически молчала, вспоминая свою единственную ночёвку у Фишта, а девчонки выражали энтузиазм и активно строили планы.

Может быть, придет Сюзанна – она так и жила в Женеве, посвятив свою жизнь непутёвой племяннице. Раз в год женщина выбиралась в Россию и, с разрешения Игоря и под его же присмотром, общалась с девочками, которые радовались встрече с родственницей, несмотря на то, что были в курсе истории своего появления на свет. С Алёной не общался никто, кроме Лисы. Время от времени они разговаривали по телефону, Игорь не запрещал, а Лера не смела возражать, да и психологи в один голос говорили о вреде строгого запрета. Для Лины женщины, родившей её на свет, не существовало.

– Как раз у Петухова сын родится, – засмеялся бывший начальник Родиона.

– Девочку же обещают! – возразила Лера.

– Ничто не мешает ему верить в чудо, – заржал папа.

– Действительно, – Лера фыркнула, предпочтя держать комментарии при себе.

Родион Петухов всё-таки поступил, как честный человек. Под венец Маруся пошла, больше похожая на жизнерадостную гиппопотамиху, чем на невесту. Лера согласилась быть свидетельницей на свадьбе, летала для этого в город детства, провела там не меньше недели, показывая самое основное будущей жительнице: несколько базарчиков, расположение сетевых магазинов, парикмахерские, химчистку, одним словом всё, что только может пригодиться на будущее.

Несчастный Петухов сидел на собственной свадьбе – если не прибегать к нецензурным словосочетаниям – с лицом, выражающим крайнюю степень изумления. Время от времени он почёсывал нос, заглывал, не морщась, горькую и исправно целовал невесту на каждый вопль: «Горько!». Свекровь вздыхала напоказ, а отец Родиона смотрел хмуро, время от времени постукивая пальцами по столу. Одна Маруся была счастлива и беззаботна.

По истечении более чем пяти лет она рожала третьего ребёнка, и снова девочку. Родион хотел сына. Лере казалось – Маруся знает заветное слово и специально штампует дочек, чтобы не дай бог муж не остановил конвейер, уж очень ей нравился процесс. Воспитания, рождения, беременности или зачатия – трудно сказать.

Жили Петуховы дружно. Слаженно строили трёхэтажный особняк, судя по количеству комнат – быть Родиону отцом не меньше семи девочек, пока жена не родит пацана. Завели сторожевую собаку, кота, десяток куриц, засадили огород овощными культурами, а палисадник цветами. Правда, поговаривали, была у отца семейства небольшая, не крупнее пятидесяти килограмм, сердечная слабость, жила через пару улиц, но Маруся сплетни игнорировала. У неё были дети, муж, дом, огород и курицы, а слабость... Мужу при его-то чине полагается. Пусть тешится, если сильно хочется.

Лера сидела на постели, бросая взгляды в зеркало перед кроватью. Попытка привести причёску в порядок после душа не увенчалась успехом, впрочем, Игорь с ума сходил от кудрей жены, так что причин переживать не было.

Игорь вошёл в спальню, прикрывая дверь в ванную комнату за спиной. В зеркало было отлично видно, как он машинально проводит полотенцем по голове, оставляя капельки воды на плечах и голом торсе. Необходимость спать в пижамных штанах прошла, а привычка осталась. Сейчас низко посаженные, свободные брюки лишь распалили воображение Леры. А понимание того, что под ними нет белья, заставляло сердце колотиться в предвкушении.

Игорь не выглядел на свои сорок два года. Привычка заниматься спортом, бег по утрам в любую погоду, отказ от алкоголя и курения, обязательный восьмичасовой сон творили чудеса. Широкие плечи, прокачанные руки с линией вен на кистях, грудные мышцы, очерченный пресс, косая мышца живота, уходящая под резинку штанов, внимательный, скользкий взгляд по Лере через зеркало.

Она точно знала, что нравится своему Игорю, была уверена, что он сходит с ума от прозрачного пеньюара, едва ли прикрывающего её прелести. Лера хотела приберечь обновку к отпуску, не удержалась. На отдых пикантных вещичек хватит, не просто так на прошлой неделе она совершила набег на магазины интимного белья. И это знание вкупе с видом на полуголого мужа и скользкие взгляды через зеркало заводили похлеще откровенной прелюдии.

Лера не представляла своей жизни без ласк мужа. Даже в периоды ссор и недоразумений они занимались сексом, иногда нежно, сводя на нет конфликты, иногда неистово, с каким-то отчаянием, а то и злостью, провоцируя на продолжение ссоры. Секс был частью их жизни, их самих. Ежедневным, обязательным ритуалом, исключая дни командировок или болезней.

Игорь опустил колено на кровать, матрас под ним прогнулся. Подкрался, как огромный кот, устроился позади Леры, встав на колени, обхватил шею, вынуждая откинуть голову на своё плечо, заскользил пальцами, задевая мочки, полупрозрачную кожу у ключиц и нежную у кромки волос на затылке.

Лера прикрыла глаза, отдаваясь ласкающим движениям, расправляющимся с пояском

кружевного неглиже. Оглаживающим линию живота, скользящим в откровенной близости от сокровенного, поднимающимся к груди, обхватывая и чуть сжимая, задевая подушечками пальцев соски.

Игорь умел ласкать бесконечно долго, доводя до неистовства, не торопясь, смакуя собственное и её удовольствие. Так и в этот раз, Лера готова была сдаться на милость победителя, сделать всё, чего бы он ни потребовал. Любые, самые откровенные ласки и шаги, лишь бы кончить, но Игорь не торопился, он пил её нетерпение, как пряный коктейль, сводя с ума.

Она открыла глаза, расфокусированное зрение настроилось, взгляд упал на отражение. Порочная, абсолютно бесстыжая поза с широко раскинутыми ногами, демонстрирующая так много и так откровенно, что кровь ударила в голову, одновременно опалая низ живота. Мужские пальцы, скользящие по половым губам, ныряющие в глубину, снова ласкающие клитор. Взгляд глаза в глаза через зеркало...

Стонала, скулила, насаживалась на пальцы, двигалась в неистовстве, в неконтролируемом желании оргазма, сходила с ума. Мир сместился в одну-единственную точку, откровенно выставленную напоказ зеркалу.

Одним движением Игорь поменял положение жены, она безвольно упёрлась локтями, подставляя себя под оральные ласки, доконавшие её парой движений. Свет померк перед глазами, предварительно осветив межгалактическим взрывом всё существо Леры.

Лера ещё чувствовала пульсацию, когда отвечала взаимными ласками мужу, намереваясь довести до логичного финала, когда горячая ладонь остановила её движения. Послушно она упёрлась пятками в одеяло, а лопатками в подушки, приподнимая голову, видя, как Игорь достаёт привычный серебристый квадратик.

На секунду Игорь задержал взгляд на лице Леры, она закрыла глаза, а когда открыла, решение ею было принято. Она ответила на взгляд, он отбросил ненужную упаковку в сторону, чтобы тут же нависнуть над любимой...

В пять утра будить никого не стали, таков был уговор. Лишь Рыжуля вышел провожать отпускников, независимо обошёл вокруг чемоданов, дёрнул хвостом и прыгнул на излюбленное место – подоконник.

– Заскочи к Семимостью, – распорядился Игорь водителю, который должен был отвести их в аэропорт Пулково.

– Успеем? – Лера заглянула мужу в лицо.

– Конечно, – услышала уверенный ответ.

Покровский остров встретил молочной белизной ночи, порывистым ветром. Игорь накинул свой спортивный пиджак на плечи выскочившей в шёлковой футболке Лере.

– Увидишь семь мостов, загадывай желание, – Игорь провёл жену на середину моста. – Считай.

– Раз, – показала Лера.

– Красногвардейский мост, – прошептал Игорь на ухо, прижимая жену к себе спиной, обхватывая одной рукой талию, а вторую, пользуясь пустынностью улиц, пристроив на груди.

– Два.

– Ново-Никольский.

– Три.

– Старо-Никольский.

- Четыре.
- Смежный.
- Пять.
- Кашин мост.
- Шесть.
- Торговый.
- Семь. Пикалов.
- Загадывай.
- И ты.

Конец